Анвар
Исмагилов

ЛЮДИ БЫЛОЙ ИМПЕРИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нашим детям и внукам уже трудно понять, почему в те времена мы поступали так, а не иначе, и почему для нас всё ещё важно то, что давно потеряло значение для них. Наши страхи и радости, несбывшиеся надежды и сотворённый нами мир – уж какой получился – всё в этой книге. Оглянитесь вокруг! – вот о чём говорит каждая её строка. – Научитесь видеть тех, кто рядом с вами! Не всякий хочет и умеет рассказывать о себе. А ведь нет в жизни ничего важнее, чем любить живых и помнить ушедших!

Этим драгоценным даром: любить и помнить – в полной мере наделён Анвар Исмагилов, неутомимый исследователь жизни, идущий сквозь неё без страховки.

- Анвар Исмагилов
  - ○
  - ○
  - ○ Черноморский флот. Стихи-прелюдия
  - ○ От автора
  - ○ От войны к миру и обратно
    - ■
    - ■ Сто лет комбригу Гончарову
    - ■ Донузлав, или Музыкальная бербаза
      - ■
      - ■ Предисловие I
      - ■ Предисловие II
      - ■ Прелюдия
      - ■ Воздушный бой над Евпаторией
      - ■ Приплыли! Утонутие на бонах
      - ■ Диссиденты
      - ■ Циркуль Фиштейна
      - ■ Лазаретная любовь
  - ○ Рассказки и были
    - ■
    - ■ Гудаутские перепёлки
    - ■ Конкистадоры из Гудауты
    - ■ Дед Салам, ППШ и царские самовары
    - ■ «Урал-375», Ерошка и два шпиона
      - ■ Часть первая
      - ■ Часть вторая
    - ■ Восьмое марта, или Морской буксир № 43
    - ■ Вещий Олег на туркменском коне
    - ■ ЯК-28—один на двоих

        - Самолет как таковой
        - Катастрофа
    - Рождество в Меотиде (святочный рассказ)
    - «Красный факел» и Дон Жуан
        -
        - История театра «Красный факел»[16]
    - Розовая пятка Розенблюма (Из жизни великих композиторов)
        - Ворошиловград. Начало восьмидесятых. Перед концертом в ДК
        - Ростов-на-Дону. Дворец с понтом
        - Тюмень. Филармония
    - Александр Розенбаум: пение под фонограмму должно указываться в рекламе
    - Как я фиксировал народную скорбь
        -
        - Эпитафия Леониду Первому и последнему, императору всея Руси советской, написанная в день его похорон
- Люди земли, моря и неба
    -
    - Справка
    - Самая грозная в мире «Акула»
    - 100 лет подводным силам – не возраст для музея!
    - Последний поход АПЛ К-122
    - Сто дней до приказа? В Чечню!
    - Крылатые корабли
    - Триумф и трагедия исхода (фоторепортаж из афганского прошлого)
        -
        - Военком-афганец
        - Армия вернулась из-за речки[20]
    - Золотой запас границы. (Пограничная разведка в запасе)
    - Чем был и чем стал Черноморский флот?
    - Как умирает Черноморский флот
    - Юрьев день для бабушки-России уже наступил[21]
    - Борьба за живучесть у моряка в крови
    - Земля с высоты два с половиной километра (впечатления «пассажира» от тандем-прыжка с парашютом)
        -

■ Из истории парашюта

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

Анвар Исмагилов
Люди былой империи

Нашим детям и внукам уже трудно понять, почему в те времена мы поступали так, а не иначе, и почему для нас всё ещё важно то, что давно потеряло значение для них. Наши страхи и радости, несбывшиеся надежды и сотворённый нами мир – уж какой получился – всё в этой книге. Оглянитесь вокруг! – вот о чём говорит каждая её строка. – Научитесь видеть тех, кто рядом с вами! Не всякий хочет и умеет рассказывать о себе. А ведь нет в жизни ничего важнее, чем любить живых и помнить ушедших! Этим драгоценным даром: любить и помнить – в полной мере наделён Анвар Исмагилов, неутомимый исследователь жизни, идущий сквозь неё без страховки, не разучившийся по-детски удивляться, смеяться, плакать и ценить каждую секунду быстротекущей эпохи.

Автор выражает глубокую благодарность своим однокашникам и другим выпускникам Киевского высшего военно-морского политического училища (КВВМПУ), которые финансово поддержали издание этой книги.

Черноморский флот. Стихи-прелюдия

Что думал я, двадцатилетний мальчик,
По палубам прогарами ступая,
В угрюмой башне главного калибра,
В песчано-пляжной ссыльной тишине?
Мне мир твердил: литература – дура,
Штык молодец, а партия прекрасна,
А мы любили девушек и сласти,
Не признаваясь в этом никому!
А я любил смотреть в глаза восходу,
И провожать пустынные закаты,
Пылавшие торжественною гаммой
Над амальгамой моря.
Так прошло
Двенадцать лун неласковых. Ко мне
Слетались письма братьев и подружек,
По вечерам цыган Гарсиа Лорка
Рассказывал дремучие легенды,
А Саша-доктор поливал цветы,
Пыхтя неутомимой сигареткой.
«Свобода» нам своё твердила тайно,
И Мастер уходил в прохладный путь,
А мы всё не могли наговориться
Ни о любви, ни о священном даре.

Всё это было Черноморский флот.

Свистел буксир, качался толстый тральщик,
Грустил противолодочный корабль,
Привязанный кормой к причальной стенке,
И рвался в море сквозь глухие льды!
А я стрелял ворон из пулемёта,
На удочку ловил голодных чаек, —
Не зная, что накликаю беду, —
Ходил по бонам, аки по земле,
Ворочал цепи, бакены и вехи
И было далеко «до рідной хати,
Як до того Кітая». Плыл туман
По северным брегам златой Тавриды,
Портвейн одноимённый обжигал

Нам молодые розовые глотки
(терпеть мы не могли дешёвой водки!).
Отряды уходили в Бангладеш,
Анголу, Югославию, а дома
Гремели якорями и оркестрами.

Всё это было Черноморский флот.

Крутило катаклизмами планету,
Два мира бились в лоб, рога в рога,
Бродили грозно атомные лодки
С гостинцами от их стола к другому.
Бомбардировщики рычали в облаках,
Суля любому в дом по Хиросиме.
И в небе таял лёд на керосине.

А в городе Ростове-на-Дону
Грустили одинокие солдатки,
Плясали в кабаках винтом матроски,
Студентки демонстрировали верность
На демонстрациях с плакатами в руках,

И дома первомайское житье:
Газеты утром, на ночь телевизор,
Кефирно-бубличный строительный обед,
Позорные пайки от профсоюза,
Истошный коммунальный хор соседок,
Повально изнывающих от крови
И жаждущих грузинистых партнёров,
Конечно же, с сортиром постоянным, —
Но скудно спящих с мужем полупьяным.
И это было русское житье!

Прошло сто лет.
Нет, двести или триста,
И я пришёл, вернулся, возвратился,
Без трёх зубов и с дыркой в голове,
Усталый от тревог, стрельбы, и мата.
В прохладных сумерках кап-лей военкомата
Спросил: какие планы на житье?
Я растерялся – жить, учиться, деток

Растить, когда появятся они
В положенные по природе дни.

Кап-лей вздохнул – у нас есть разнарядка,
Нет-нет, я просто так, ради порядка
На мичманов учиться, а потом…

И я ответил – суп с котом! Вот хрен вам,
Я жить хочу, чтоб, как сказал поэт,
Страдать и мыслить ну хоть тридцать лет.
А ваших сказок о судьбе державы
Наслушался!
Меня здесь больше нет,

Я выжил, вышел в дверь, в расход, в бутылку,
На волю, в космос, в серебро астрала,
Пока мне крылья льдом не оборвало!

От гор и моря длится мой полёт.
Но где он, гордый Черноморский флот?..

От автора

Путешествие по глобусу России – главный источник вдохновения для человека, здесь живущего. Придумали же во Львове нарисовать глобус города и даже начали его делать, да по богемной привычке быстро остыли и забросили проект. Так то – всего лишь город Львов, – при всем уважении к его древности и многоязычию. А я иду по глобусу России, моей святой и грешной земле, где ужасающие преступления перемешаны с величайшими подвигами духа, где сама природа будто прячется от тебя, чтобы вынырнуть где-нибудь из-за поворота невероятными осенними красками или весенней надеждой на новую жизнь.

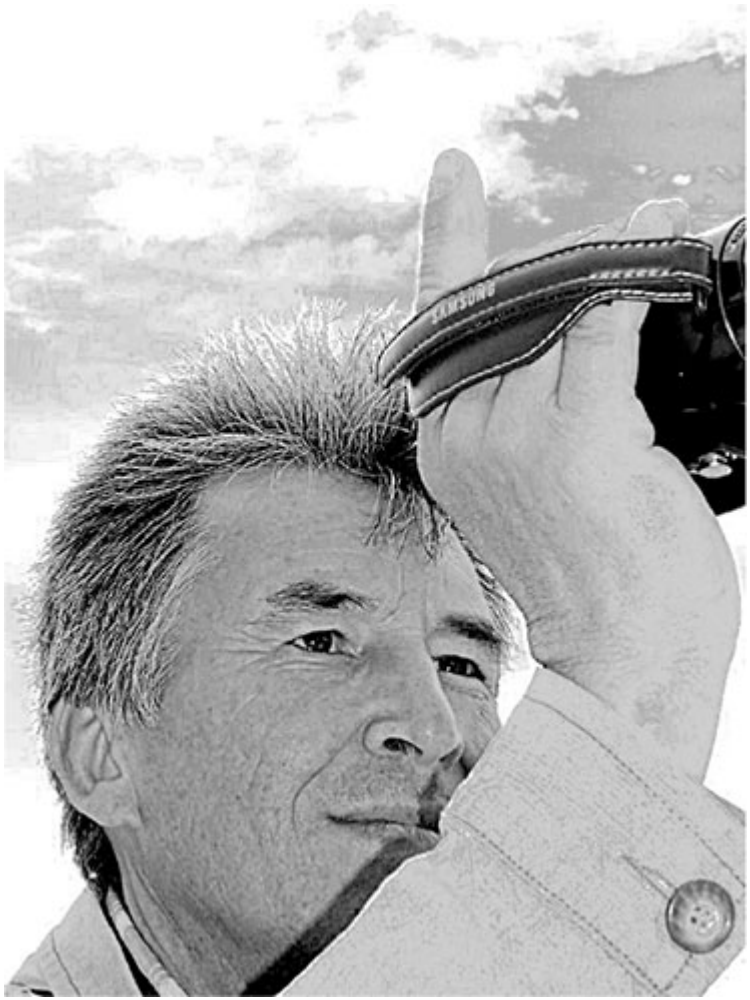


Фото Е. Николаевой.

А вот и люди на пригорке! Старый альбом. То, что видел и сделал за свою жизнь даже один человек, не вместится в тяжёлые энциклопедические тома, в фотоплёнки, в электронные носители и в звуки записей диковинной речи и необъятной музыки, видеоряды старой хроники и семейные съёмки по принципу: вот мама с тобой на руках, тебе полгодика, а это в сорок третьем, в эвакуации, голод был, но лучше, чем в Питере, и соседи подкармливали; а вот папа на третьем курсе, на практике, на Северном флоте, а вот папина лодка перед последним походом (вздох и насморочные звуки в сторону), в Североморске, а это дядя Лёва прыгает с парашютом на учениях перед Афганистаном, его потом контузило; а вот мы только что взяли дачу, строим наш домик, приехал помогать дедушка, у него руки не было, оторвало на войне, но он управляется и одной, тешет бревна…

Ах ты, мать Расея!!! Твою мать!!!

Перед тобой калейдоскопом рассыпаются и расстилаются летние травы, цветы и деревья, мокрые осенние просторы, зовущие идти всё дальше и дальше, заснеженные долины и овраги с цепочками тёмных следов неведомых путников, стрельчатые листья и золотые восклицания весеннего горицвета, голые простуженные ветки кустарников с чёрными пупырышками ещё робких первых почек, запах льда и мокрой земли…

Бессонные вагоны, пропахшие ресторанными шедеврами, домашней курицей и свежими огурцами, железистый привкус воды для чая из титана, вопли энергичных, как электровеники, детей, облитые потом мощные телеса твоих соседей по купе, варёная картошка с жареным луком и пухлые домашние пирожки с кошатиной на бесконечных, как китайская пытка водой, остановках и стоянках, пьяные базары и драки, и разговоры, разговоры, разговоры…

А ты всё едешь, летишь и плывёшь по необозримым просторам Руси.

Целлулоидный блеск и металлический уют интерьеров аэровокзалов и аэропортов, бессонные голоса дикторов-небожителей с вездесущими звуками их странной речи с придыханиями и подвываниями, механический запах пищевого буфетного конвейера, разувание и раздевание перед вожделенными вратами магнитоскопа, дрожь в коленках перед взлётом и посадкой, толпы тёмных личностей, автоблагодетелей – «машинка нужна?» – с лицами из картотеки Шерлока Холмса…

Из окна десантного самолёта с пограничниками, упрямо ползущего от Кургана в сторону Ямала, видны степи, плавно переходящие в заснеженную подтайгу, редкие посёлки, деревни и

села, хмуро стоящие на древних реках, ещё более редкие города, освещённые ярким не по-северному солнцем, и вспоминаешь, что в Тюмени инсоляция выше, чем в городе Сочи, прилепившемся к горным склонам. Могучая тайга сменяется гран-Финляндией: колки, озерца, озёра, ослепляющие светом глаза, как нахальный мальчишка – отражателем домашнего зеркала.

Громадные разливы Иртыша, Малой и Большой Оби, мелководные соры, набитые ценнейшей, лучшей для меня рыбой в мире: шустрый сырок, вальяжный щёкур, младший брат благороднейшего МУКСУНА, покрытого драгоценным серебром чешуи – кто пробовал муксуна хотя бы раз, тот не забудет никогда! И, наконец, могучая, в расцвете сил похожая на мини-торпеду белорыбица-нельма, истекающая прозрачным, как горная вода, жиром! И редчайшая сосьвинская селёдка, маленькая, получившая родовое название от реки Северная Сосьва с ледяной хрустальной водой. О всякой прочей рыбе: громадных щуках, горбатых карпах, жирнючих вездесущих карасях-лопатах и других сопутствующих товарах говорить не буду: для меня они проходные, на чёрный день.

Фото Е. Николаевой.

Историческая родина, громадная блатная столица Северного Кавказа, Ростов-на-Дону. Еду в Грозный, вновь поражаясь расстояниям, отмотанным за трое суток душной и потной дороги. Хрустально-сине-белый вокзал, мешанина стилей и течений архитектуры. При попытке найти путь наверх, чтобы дать телеграмму в Чечню, натыкаюсь на строгую дверь, над которой надпись «ЛИФТ», а чуть ниже, подбежав обрадовано, – табличку «Лифт не работает».

М-да-а-а… «Россия – страна, где нельзя верить надписям на дверях», – вспомнил я старинную истину из записных книжек какого-то писателя. Добавлю – а верить можно своим глазам, проверяя истину практикой. Перед вами, дорогой читатель – книга не стороннего наблюдателя, а исследователя пространства через путешествие. После похорон Гены Жукова, великого барда, и Миши Шелобнёва, друга из спецназа ВМФ, и ещё нескольких боевых друзей, я сам едва устоял на краю пропасти, и что-то подсказывает мне, что жить мне теперь надо в том числе и за них, ушедших и уходящих свидетелей прошлого, участников малых и больших событий, чьи молодость и зрелость прошли в непрерывной борьбе за выживание и окончились у кого гнилым забором, у кого особняком, а чаще всего – никак!

Снегоход на Ямале – царь и бог тундры! Люблю разные КРАЯ ЗЕМЛИ!!!

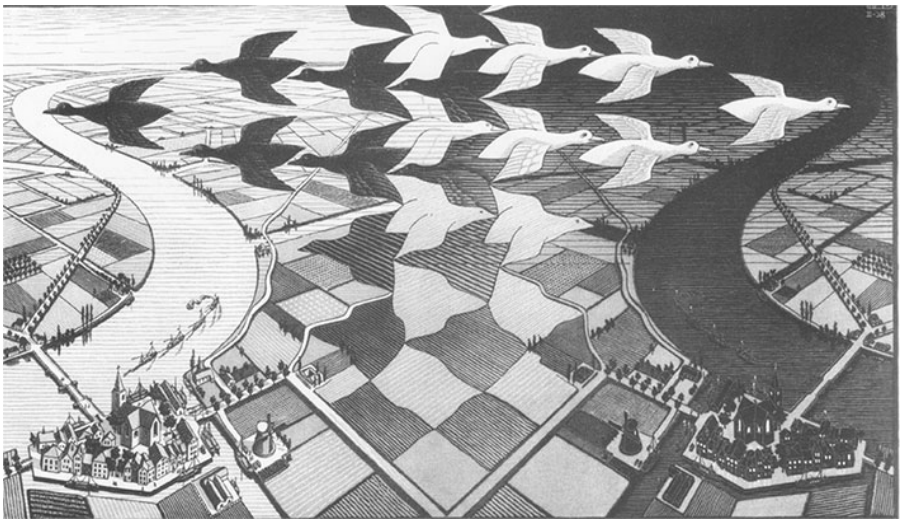
Родина высосала из нас молодые соки, наградила тяжёлыми недугами, а под конец – железяками, годными в игрушки внукам, – и забыла! НО МЫ ещё ЖИВЫ!!!

Книга «Люди былой империи» – не отчёт о проделанной работе, не просто сборник размышлений автора на основе боевого и житейского опыта людей нашей небывалой империи. Это признание того неоспоримого факта, что Российская империя, как бы её ни называли в прошлом, настоящем и будущем, – БЕЗВОЗВРАТНО УШЛА В ИСТОРИЮ и уже не повторится в том колоссальном, незыблемом и могучем виде, в каком привыкли её созерцать, кто с восхищением, кто со страхом, целые поколения людей всей планеты…

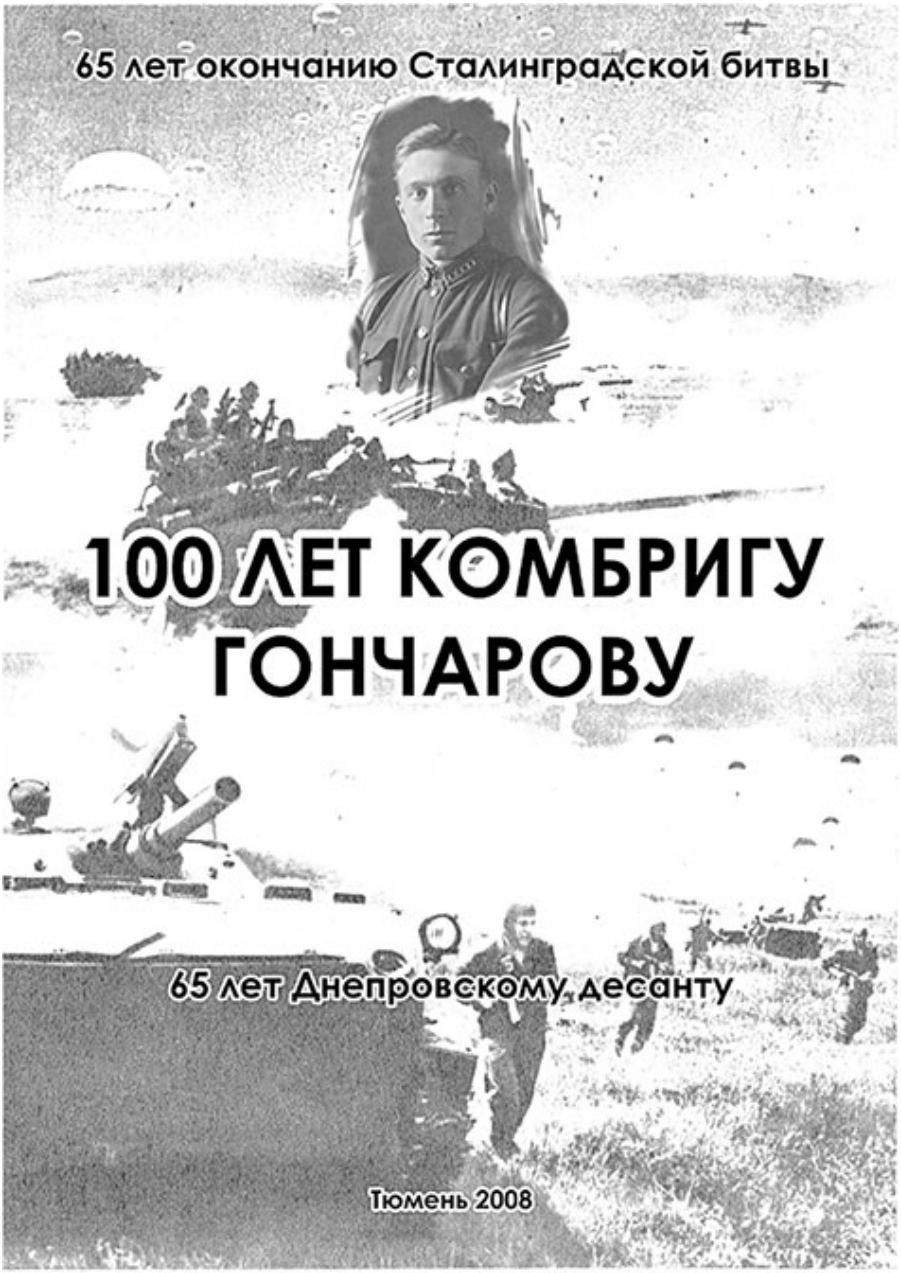
Об этом и многом другом – эта книга.

Мы замшелые ветераны
Тех войн, о которых никто не знал!
Мастикой из нашей крови натирали
Паркеты высоких кремлёвских зал…
А когда вручали ордена и медали —
Нас не было в этом почётном строю,
Я и сам иногда – до сих пор! – удивляюсь, —
Как живой на земле этой вечной стою?!

От войны к миру и обратно



М. Эшер. День и ночь, 1938.



Брошюра для музея 3-й бригады ВДВ во Фрязино (текст и вёрстка – Анвар Исмагилов)

Сто лет комбригу Гончарову

В этом году исполняется 65 лет со дня окончания Сталинградской битвы (написано в 2008 году – А. И.), столько же – героическому и трагическому Днепровскому десанту, и 100 лет со дня рождения командира 3-й гвардейской бригады ВДВ, гвардии полковника Василия Константиновича Гончарова, одного из тех, кто стоял у самых истоков элитного рода Вооружённых Сил.

Пришла в гости тётка жены, Варвара Васильевна, принесла документы, фотографии и попросила написать для музея 3-й бригады ВДВ во Фрязино что-то вроде брошюры. Каждый год, пока были силы, старики-десантники собирались, пересчитывая живых участников тех далёких и трагических, на уровне древнегреческого мифа, событий. Выполняю просьбу.

Он родился 24 апреля 1908 года в селе Кондрашовка Семилукского района Воронежской области. Пережил неурожаи, голод, смерть отца в 1920 году. А в семье было *восемь* детей! Мать Василия, Татьяна Федосеевна, отдала в детский дом двух сыновей: старшего, Захара, 14 лет и Василия, 12 лет. Братья взвалили на свои детские плечи труды и заботы о хозяйстве детдома – кололи дрова, топили печи. Во время эпидемии тифа детский дом эвакуировали, а Василия оставили, решив, что он «не жилец». Но его выходил сторож детдома, благодаря которому подросток выжил.

Оставшись без родителей, Василий не терял надежды на встречу с родными, и она состоялась: в 1937 году нашлись мать, братья и сестры. А он окончил в 1928 году торгово-конторскую школу и работал инспектором книготорга по Воронежской области (кто бы мог подумать, что этот книжник станет командиром элитной бригады ВДВ Резерва Ставки Верховного Главнокомандования!).

Едва женившись в 1930 году на Шуре (Александре Николаевне) Клочковой, Василий тут же был призван в Красную армию. Так началась его военная карьера. В Ленинакане он окончил школу младших командиров при Кавказском горно-стрелковом полке и был направлен в Пензенский стрелковый

полк командиром стрелкового взвода, а в 1936 году уже стал помощником начальника штаба полка. В Пензе родилась старшая дочь – Варвара. В этом же году В. К. Гончаров был переведён в Дальневосточный военный округ на станцию Завитая Алтайского края (ныне город Завитинск), начальником разведывательного отделения во 2-й авиадесантный полк Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. Он служил у будущего командующего ВДВ Ивана Ивановича Затевахина.

Учения. Высадка десанта в 1930 году.

За несколько лет до этого, 11 декабря 1932 года, Реввоенсовет СССР принял постановление о развёртывании авиадесантного отряда Ленинградского военного округа в бригаду, которая стала базой обучения инструкторов воздушно-десантной подготовки и отработки оперативно-тактических норм. К марту следующего года наметили формирование по одному авиадесантному отряду в Белорусском, Украинском, Московском и Приволжском военных округах. Так будущий комбриг оказался на острие военной реформы, в элите Вооружённых Сил СССР.

На Дальнем Востоке было создано три полка: 1-й (командир М. И. Денисенко), уже упомянутый 2-й и 5-й (командир Н. Е. Тарасов). В 1938 году родилась вторая дочь, Валентина. В этом же году из авиадесантных частей были сформированы шесть воздушно-десантных бригад. Командиром 212-й бригады был назначен майор И. И. Затевахин, принявший боевое крещение в

1939 году в боях у реки Халхин-Гол против японских милитаристов. 212-я была переброшена с Дальнего Востока, и к 18 августа сосредоточена у города Хамар-Даба. Уже 20 августа подразделения двух мотобригад и 212-й ВДБ после длительного марш-броска на север разгромили базу японских войск у озера Узур-Нур и завязали бои за высоту Фуи, мощный узел обороны. Японцев пришлось выбивать гранатами и штыками из каждой щели.

Бои на реке Халхин-Гол привели к полному разгрому японских войск и отказу от открытия второго фронта против СССР. В ответ на настойчивые требования вступления Японии в войну немцы однажды услышали мудрое замечание: «Начальное военное образование мы получили на Хасане, среднее – на Халхин-Голе. Высшее военное мы получать не хотим!». За мужество и героизм 352 десантника были награждены орденами и медалями. Василий Гончаров, уже 11 октября 1939 года получивший свой первый боевой орден («Красную Звезду») и орден Монгольской Народной Республики, быстро продвигался вверх по служебной лестнице, став начальником оперативного отделения бригады. Воины бригады даже получили право написать письмо ЦК ВКП(б).

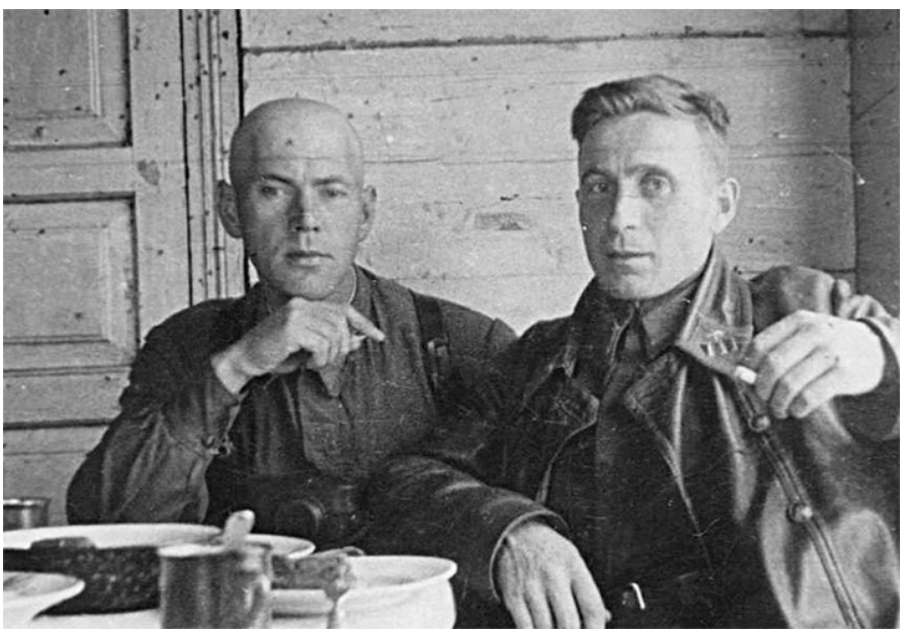
В 1941 году на базе воздушно-десантных бригад были развёрнуты пять воздушно-десантных корпусов. 212-я бригада вошла в состав 3-го воздушно-десантного корпуса генерала В. А. Глазунова и стала одной из лучших. К началу Великой Отечественной войны 212-я была переведена в Одесский военный округ, в Вознесенск. Здесь воздушно-десантные войска первыми приняли на себя удар противника.

И. И. Затевахин.

А. И. Родимцев.

В первые дни войны полковник И. И. Затевахин со своей бригадой отличился на Юго-Западном фронте, при обороне Киева. Десантники 212-й бригады вели ожесточённые бои с

противником севернее Киева, в районе города Остер, и сорвали все попытки врага перейти реку Десну, а позже удерживали переправы через реку Сейм, стойко сражались на конотопском и черниговском направлениях. Звания Героя Советского Союза был удостоен стрелок 212-й ВДБ Н. Обухов, вместе с тремя товарищами захвативший документы и знамя (!) 16-й немецкой моторизованной дивизии. Вместе с ними воевала 5-я бригада, командиром которой был легендарный полковник А. И. Родимцев. Попав в окружение, десантники выходили из него с боями. 3-й ВДК в ноябре 1941 года был преобразован в 87-ю стрелковую дивизию под командованием Александра Ильича Родимцева. 19 января 1942 года по приказу Верховного Главнокомандования дивизия получила наименование 13-й гвардейской стрелковой с вручением гвардейского Знамени.



В Сталинграде, 1942 г.

В ноябре 1941 года В. К. Гончаров был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

А с августа по ноябрь 1942 года он попал в кровавую мясорубку Сталинградского фронта, оборонял Сталинград в составе 13-й гвардейской дивизии своего командира генерала Родимцева до последних дней Сталинградской битвы! В эти тяжёлые дни он писал с фронта жене Шуре: «Бои идут жестокие, мы готовы погибнуть, но врага не пропустим. Если что со мной случится, жизнь устраивай по-своему, береги дочек».

За эти бои он получил орден Красной Звезды, медаль «За

боевые заслуги» и самую ценную для него награду – медаль «За оборону Сталинграда».

В конце 1942 года молодой, обстрелянный, полный боевого опыта двух войн, энергичный и перспективный офицер был направлен в Москву, на учёбу в Высшую Военную академию им. К. Е. Ворошилова (так в документах. – А.И.). По окончании учёбы он получил звание полковника и назначение командиром 3-й гвардейской воздушно-десантной бригады в город Фрязино, где началась подготовка к «героическому и трагическому», как его назвали впоследствии, Днепровскому десанту.

25 октября 1942, г. Сталинград.

С женой Шурой в отпуске, 1942 год.

Три воздушно-десантных бригады: 1-я, 3-я и 5-я общей численностью свыше 10 000 человек должны были высадиться в предполье Букринского плацдарма на правом берегу Днепра. Из-за ошибок, просчётов и даже нарушения лётчиками выданных лётных заданий десант был выброшен с разбросом от 30 до 100 километров, прямо под огонь срочно переброшенных сюда нескольких пехотных дивизий и танковых корпусов противника!

Эта трагическая история нашла отражение в знаменитой песне барда Михаила Анчарова «Баллада о парашютах»:

Парашюты рванулись и приняли вес,
Земля колыхнулась едва,
А внизу дивизии «Эдельвейс»
И «Мёртвая голова».

В. К. Гончаров, командир 3-й ГВДБ, начальник штаба 103 гв. сд. в 1944-45 гг.

Автоматы выли, как суки в мороз,
Пистолеты били в упор,
И мёртвое солнце на стропах берёз
Мешало вести разговор…

Но немцы потеряли четыре важных дня в сражениях с десантниками, сумевшими не только вступить в бои, но и найти

своих товарищей, и соединиться с местными партизанами.

За это время на Букринский плацдарм успели переправиться не только все части 9-го мехкорпуса, но и части 40-й армии! За каждого десантника немцами в октябре была назначена цена в 6 тысяч оккупационных марок, о чем оповещали сбрасываемые с самолётов листовки!

В. К. Гончаров был ранен дважды: легко в сентябре 1941 года и тяжело – в октябре 1943-го, во время высадки Днепровского десанта. В 1944 году Василий Константинович стал начальником штаба 103-й гвардейской стрелковой дивизии, дислоцированной в Белоруссии, в городе Быхове Могилёвской области. Он воевал на 2-м и 3-м Украинском фронтах, освобождал Венгрию, Чехословакию, а закончил войну в мае 1945 года в Праге. Последняя должность начальник штаба 24-й Отдельной гвардейской воздушно-десантной бригады в городе Тейкове Ивановской области.

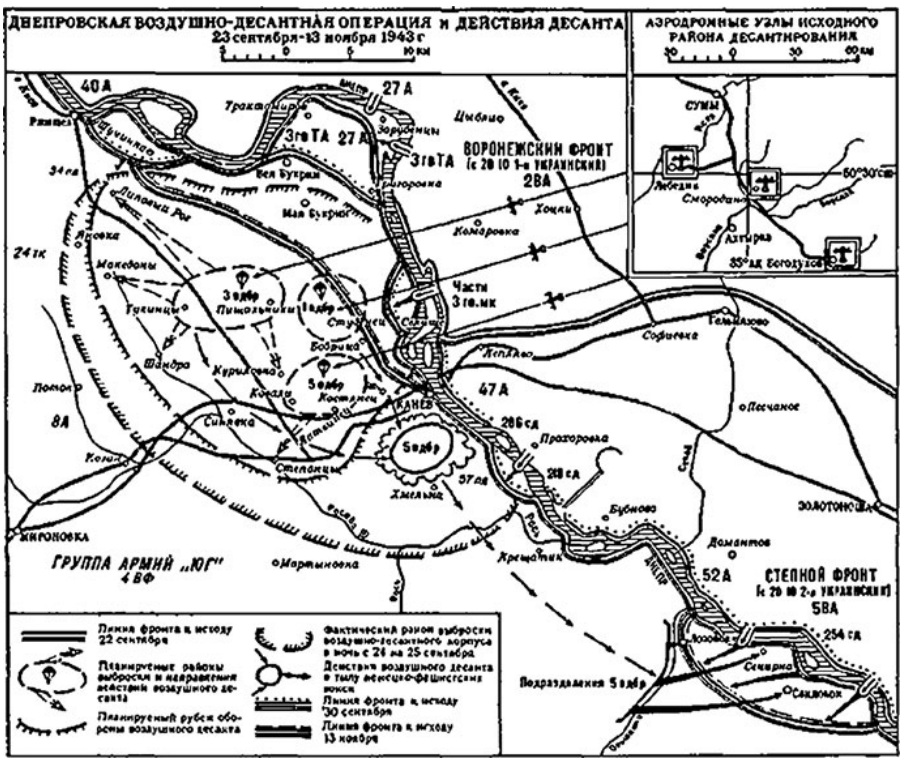
После полной демобилизации он с семьёй переехал в Тюмень, был секретарём парткома завода «Строймаш», заведующим промышленно-транспортным отделом ГК КПСС, председателем Сталинского райисполкома. Кстати, в партию он вступил ещё в 1939 году, перед началом военных действий на Халхин-Голе.

В мае 1958 года его не стало…

Днепровский десант
(24 сентября – 28 ноября 1943 года)

Из истории советских ВДВ: «В ночь на 25 сентября 1943 года

с прифронтовых аэродромов поднялись транспортные самолёты с десантом на борту и взяли курс в район Букринской излучины Днепра в тыл врага. Так началась Днепровская воздушно-десантная операция, в ходе которой советские десантники проявили массовый героизм, мужество и стойкость. Ставка Верховного Главнокомандования решила применить воздушный десант в составе корпуса, в который вошли 1-я, 3-я и 5-я гвардейские воздушно-десантные бригады.



В Центральном архиве Министерства обороны СССР сохранился план Днепровской воздушно-десантной операции, разработанный штабом ВДВ. Вот несколько выдержек из него: воздушный десант после приземления захватывает рубежи Липовый бор – Македоны-Степанцы с задачей не допустить прорыва противника к западному берегу Днепра на участке Канев – Трактомиров. протяжённость фронта обороны десанта 30 км, глубина 15–20 км.

Продолжительность самостоятельных боевых действий в тылу – 2–3 суток. Общая численность состава десанта – около 10 тысяч человек Выброска десанта возлагалась на авиацию дальнего действия. Исходный район для десантирования – аэродромы в районе Лебедин – Смородино – Богодухов, расположенные в 180–

200 км от района выброски.

Вели их экипажи 101-го полка АДД, которыми командовала Герой Советского Союза полковник В. Гризодубова. Два часа спустя стартовали самолёты с парашютистами 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады. За линию фронта было выброшено около 5 тысяч человек и 660 парашютных контейнеров с боеприпасами и питанием. Ни командир, ни рядовые бойцы не знали ещё, что в районы, намеченные для выброски, противник стянул сильные резервы в составе четырёх дивизий.

Наша фронтовая авиация не подавила фашистскую ПВО, и экипажи вынуждены были увеличивать установленную высоту и скорость полёта, теряли ориентировку. Это привело к разбросу десанта почти на 90 км от Ржищева до Черкасс.

Не могли они знать и того, что одним из первых будет подбит самолёт, в котором находилось управление 3-й бригады во главе с гвардии полковником П. И. Красовским. Десантирование войск было прекращено.

Днепровская воздушно-десантная операция была задумана с целью оказать содействие войскам Воронежского фронта в форсировании Днепра. Для проведения операции привлекались 1-я, 3-я и 5-я отдельные воздушно-десантные бригады, объединённые в воздушно-десантный корпус (командир – зам. командующего ВДВ генерал-майор И. И. Затевахин). Корпус насчитывал около 10 тысяч парашютистов. Для десантирования от авиации дальнего действия выделялось 180 самолётов Ли-2 и 35 планеров А-7 и Г-11. Непосредственно десантировались 3-я и 5-я гвардейские воздушно-десантные бригады. Всего в ночь на 25 сентября со всех аэродромов было произведено 298 самолётовылетов вместо 500 запланированных и выброшено 4575 парашютистов и 666 упаковок с боеприпасами.

Из-за неправильного распределения средств связи и радистов по самолётам к утру 25 сентября никакой связи с выброшенным десантом не было. Связи не было и в последующие дни, вплоть до 6 октября. По этой причине дальнейшее десантирование пришлось прекратить, и оставшиеся невысаженными 1-я ВДБ и подразделения 5-й ВДБ были возвращены в постоянные районы базирования».

Высадка под огнём

Председатель совета ветеранов 3-й ВДБ Петр Николаевич Неживенко, полковник в отставке:

«В апреле 1943 года я был направлен в 3-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду, которая проходила формирование в г. Фрязино Московской области. Меня определили в 1-й

парашютно-десантный батальон, в роту ПТР (противотанковых ружей) на должность командира расчёта – наводчиком ружья ПТР.

В июле 1943 года нашей бригаде было вручено боевое гвардейское знамя, а всему личному составу – нагрудные знаки «Гвардия». В честь этого события проводились военно-спортивные соревнования, в ходе которых я на штурмовой полосе занял первое место, и командир бригады гвардии полковник В. К. Гончаров распорядился назначить меня командиром отделения, а в последующем я стал помкомвзвода. С мая по сентябрь 1943 года личный состав бригады в упорной и напряжённой учёбе успешно освоил полный курс воздушно-десантной подготовки, и после инспекторской проверки в августе (проводилось десантирование всей бригады с выполнением учебно-боевых задач) был готов для ведения боевых действий в тылу врага. И такое время наступило. 21 сентября 1943 года по боевой тревоге мы уложили свои парашюты (только один главный, а запасной в тыл не брали) в мешки ПДММ (парашютно-десантный мягкий мешок), уложили ружья ПТР, боеприпасы к ним, гранаты, толовые шашки, патроны к автоматам ППШ, ППС, и по зелёной улице нас эшелоном доставили на Лебединский полевой аэродром Сумской области.

Здесь в ночь на 25 сентября 1943 года 101-й гвардейский авиационный полк АДД под командованием Героя Советского Союза полковника Валентины Гризодубовой поднял нашу бригаду в воздух и взял курс в район Букринской излучины Днепра, в тыл врага. Эта операция проводилась по решению Ставки Верховного Главнокомандования в полосе Воронежского фронта. Нам ставилась задача – оказать помощь его войскам в захвате и удержании плацдарма на правом берегу Днепра в районе Великого Букрина и тем самым способствовать освобождению Киева. пришлось прыгать с 2000 метров и на большой скорости, что привело к тому, что наш десант был разбросан на 100 километров – от Ржищева до Черкасс, и в первые дни мы вынуждены были действовать небольшими группами по 20–40 человек».

Перед посадкой в самолёты. На первом плане – В. К. Гончаров.

Капитан Николай Сапожников летел в самолёте, в котором находился штаб бригады. На его груди под гимнастёркой было туго намотано гвардейское знамя. Над Днепром самолёт был повреждён зенитным огнём фашистов и стал неуправляем.

Н. И. Сапожников.

«Покинуть самолёт!» – приказал командир бригады…

В воздухе две пули прошили тело знаменосца…

Впоследствии капитан Сапожников был спасён местными жителями, знамя в цинковом ящике было закопано подростком Анатолием Гоненко и возвращено командованию. Сапожников был награждён орденом Отечественной войны I степени. После войны А. Гоненко также был удостоен высокой награды.

Спасение комбрига

Из рассказа сержанта С. Ф. Гуйды:

«Туман стал рассеиваться быстро, и все одновременно заметили мелькнувшую в кустарнике фигуру человека. По лесам ещё много бродило и одиночек-десантников, и групп десантных. И вот на маленькой уютной полянке видим группу людей. Не немцы, не полицаи. Форма наша… И вот кого я узнал первым – командира нашей третьей бригады гвардии полковника Гончарова Василия Константиновича. Возле него с винтовкой стоял человек. На всякий случай я дал команду: «Руки вверх!». Комбриг узнал меня, бросился ко мне, крикнул: «Отставить, сержант Гуйда!». Обнял, в глазах слезы, рука одна на перевязи-

тряпке. Опустился на землю, попросил рассказать ему – что, где и как. Слушал внимательно полчаса. Наши охраняли всю полянку, там на траве лежала ещё наша обессилевшая медсестра… Силы её оставили, даже плакать не могла – только бормотала: «Слава Богу, наши». У всех в его группе оставалось по одному-два патрона. У девчонки к груди была привязана граната Ф–1, одна на всех на всякий случай.

Полковник попросил хоть чем-нибудь покормить его и спутников. У нас кое-что было – варёная кукуруза, свёкла сырая и по кусочку конины. Сестрёнке отдал я кусочек сахара, хранил его для раненых, что были в партизанском госпитале на Ирдынском болоте. А тут наскочил на нас полицай верхом… В двух мешках был хлеб свежий и сало, самогон в больших бутылках типа четверти и крынка мёда. Подкормили всех, себя не забыли, только мёд не трогали, даже медичка отказалась: раненым мёд – бальзам на их раны за страдания на болотах…

Потом с ребятами из комендантского взвода приводили полковника в порядок – подстригли, побрили, вручили комплект немецкого шёлкового белья. Он помылся в кустах в бочке (воду нагрели, нашли обмылок какой-то, вместо мочалки – мох с дерева) – полковник стал походить на нашего командира бригады весны и лета 1943 года… Однажды, когда каратели сильно прижали его группу в овраге, прикрывать отход всех вызвался Быков, солдат, Юрий по имени. Он из пулемётчиков, уралец, мужик храбрый и надёжный. Группа оторвалась и ушла уже далеко, а Юра отбивался из двух ППШ и «шмайссера». Потом гранаты гремели…

…Юрий Федорович Быков жив! Живёт в городе Ревда, под Свердловском. Я его видел на встрече ветеранов наших бригад в 1976 году в Свидовке, на Черкасчине».

Как это было

Кинорежиссёр, лауреат Ленинской премии, Г. Н. Чухрай:

«Здесь, во Фрязино, мы готовились к новым боям. Я был опытным бойцом с огневой выучкой под Харьковом и Сталинградом, младшим лейтенантом. Мы готовили новых десантников, учили их прыгать с парашютом, рукопашным схваткам. За отличную подготовку роты я был награждён золотыми часами командующего ВДВ.

Лейтенат Григорий Чухрай, 1945 г.

…События той ночи до сих пор у меня перед глазами. До этого мне порядком пришлось хлебнуть лиха: дважды ранен, воевал под Сталинградом, но такого – падать навстречу сверкающим трассам пуль, разрывам снарядов, сквозь пламя горящих в небе парашютов товарищей, висящих «фонарей» – ещё не испытывал.

Решили… в том числе и меня, послать через Днепр на связь. Три дня мы пролежали в засаде… И вот мы у своих. Там получили приказ вывести свой отряд через линию фронта. Так мы вернулись в Москву. Сходили сначала к Мавзолею. Это была живописная картина. Мы на Красной площади: кто в немецких брюках, кто в немецком мундире, кто ещё в чем-то. Я был награждён орденом Красной звезды, товарищи получили по ордену Славы и медали «За отвагу». Нам… вручили награды, прочитали выдержки из немецких документов: нас немцы насчитывали 250, а нас было около 30. Я был горд…».

Григорий Койфман, Иерусалим:

«…и одна страница в книге воспоминаний недавно ушедшего из жизни участника десанта, всемирно знаменитого кинорежиссёра Григория Наумовича Чухрая.

Даже в фундаментальном труде «ВДВ в годы ВМВ» все «острые углы», связанные с судьбой десанта, «изящно» сглажены. Взял воспоминания лётчика из полка, проводившего высадку десанта, там один лейтмотив – «мы не виноваты»… Воздушных десантов в годы ВМВ было высажено нашими войсками не так уж и много, но даже неудача Вяземского десанта меркнет на фоне трагедии днепровских десантников».

Из интервью ветерана 3-й ВДБ Матвея Цодиковича Лихтермана Г. Койфману, исследователю десантных операций:

Вопрос: «Григорий Чухрай вспоминал, что утром над аэродромом, где десантники готовились к выброске, появился немецкий самолёт и сбросил листовки со следующим текстом: «К встрече десанта готовы! Прилетайте поскорее!».

Ответ: Было такое. Нам сказали не поддаваться на провокации. Поймите, мы даже этим листовкам особого значения не придавали. Мы и так знали, что из этого десанта никто живым не вернётся… Знали… И были готовы умереть как один, но выполнить свой воинский долг… Мы десантники, этим сказано многое.

В небе послышался гул самолётов. И тут началось!!! Сотни трассирующих пуль шли вверх.

Стало светло как днем. Зенитки «ухают». Над нашими головами разыгралась страшная трагедия… Не знаю, где найти и подобрать слова, чтобы рассказать, как это было… Мы видели весь этот кошмар… Трассеры зажигательных пуль прошивали парашюты, а парашюты все из капрона и перкали, вспыхивали моментально. В небе сразу появились десятки горящих факелов. Так погибали, не успев принять бой на земле, так сгорали в небе наши товарищи… Мы видели всё: как падали два подбитых «дугласа», из которых ещё не успели прыгнуть бойцы. Ребята сыпались из самолётов и падали камнем вниз, не имея возможности раскрыть парашют. В двухстах метрах от нас врезался в землю ЛИ–2. Мы бросились к самолёту, но там живых не было. К нам прибилось в эту страшную ночь ещё несколько чудом уцелевших десантников. Всё пространство вокруг нас было в белых пятнах парашютов. И трупы, трупы, трупы: убитые, сгоревшие, разбившиеся десантники… А через час началась тотальная облава. В облаве на нас участвовали немцы с танками и самоходками. Далее: «власовцы», местные полицаи и солдаты

Туркестанского легиона. Я это знаю точно, мы же видели, кого мы убиваем и кто убивает нас…

…выброска была произведена в районе, куда только что прибыли три свежие немецкие дивизии из тыла. Немцы описывают в своих воспоминаниях, как десантники падали с неба в раскрытые люки немецких танков».

Матвей Цодикович Лихтерман, 1943 г.

Председатель Совета ветеранов 3-й ВДБ Петр Николаевич Неживенко, полковник в отставке.

«…На протяжении многих лет я возглавляю совет ветеранов 3-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Наш музей боевой славы в СШ № 1 г. Фрязино, где бригада в 1943 году формировалась, – лучший в Московской области. Высокую оценку его работе дал губернатор Московской области Б. В. Громов».

Донузлав, или Музыкальная бербаза

От автора: повествование «Донузлав» – не автобиография и отнюдь не трагическое эссе на тему раздела Черноморского флота, аренды Севастополя и невозвратной потери Крыма. Я постарался вспомнить некоторые эпизоды – и смешные, и печальные – из тяжёлой и во многом бессмысленной военной службы, последствия которой не дают мне покоя до сих пор. Капитан третьего ранга Фёдоров, выдавая мне новый военный билет, долго вертел в руках учётную карточку и только головой качал: да, парень, досталось тебе за четыре года! Как ни странно, мои предсказания на тему: «Уничтожение партполитаппарата Вооружённых Сил СССР и круизные рейсы на артиллерийских крейсерах по Средиземному морю» оказались пророческими. С недавнего времени украинцы, продав на металлолом несколько недостроенных кораблей ЧФ, используют некоторые из оставшихся для «челночных» рейсов! В Прибалтике, по слухам, корабли на воздушной подушке превратили в средства паромной переправы. Об империи уже не говорю: она развалилась так стремительно, что никто и охнуть не успел. Вот тут-то и оказалось, что тонны пролитой крови и десятки тысяч потерянного личного состава были бессмысленным жертвоприношением – сродни языческим!

Грустно жить на свете, господа!

Посёлок Ново-Озёрный (на современных картах – Новоозёрное) с высоты птичьего полёта.

Фото: http://novoozernoe.net.

Всем, кто хлебнул горько-сладкого ветра приморской степи.

Предисловие I

Не хочешь зла – не делай добра!

(Древние китайцы)

Пояснения:

Донузлав – солёное озеро в Крыму, соединённое каналом с Чёрным морем. Когда-то – секретная военно-морская база Черноморского флота. Гиблое место. В переводе с татарского – «свиное озеро». При любви к свинине со стороны мусульман можно себе представить, как выглядят окрестности озера. Зимой до минус тридцати пяти при ветре тридцать метров.

Севастополь – город в Крыму. Без комментариев.

Крым – место действия повести. Говорят, там жили греки. Кто теперь – даже не могу предположить. На Юге Крыма тепло. Вино вкусное.

Черноморский флот, он же «королевский», он же «апельсиновый» – организация людей и кораблей, подвижная структура, позволявшая из Москвы и Севастополя управлять делами в Луанде, Читтагонге, Камрани и других интересных местах планеты.

Все имена, события, факты, географические названия и даты вымышлены или уже не существуют. Скажем, вчера вас видели в Нью-Йорке, а сегодня в Кунгуре Пермской области. Если вы премьер-министр – возможно, хотя маловероятно. Тем более, что завтра вы не премьер, а подследственный. Я пишу не о том, как было, не о том, где находился подлинный герой, не обличаю зло, похваливая добродетель. Я пишу жизнь такой, какой она мне нравится! Понятно?

Совпадения случайны и неизбежны. Автор заранее просит прощения у тех, кто попал в повесть без их ведома, по воле литературного рока.

Донузлав. Выходной канал. Едим крабов. Справа – Анвар Исмагилов.

Донузлава больше нет. Севастополь – город украинских моряков. Черноморский флот – в дыму дележа и грабежа. Союза нет, и слава Богу, – меньше хлопот, – но почему-то больше войн и безобразия.

> Американцы задают вопрос Косыгину на переговорах по «детанту»:
>
> – Сэр премьер, почему вы не разрешаете своим гражданам ношение оружия?
>
> Хмурый сэр скосил на них тёмные глаза и мудро ответил:
>
> – Вы что, с ума сошли?! Они же друг друга перестреляют!
>
> Что и видим…

Абхазии больше нет… Нет моей волшебной родины с бархатным небом и алмазными звёздами, ослепительным солнцем гудаутских пляжей и зацветающими по весне заборами из прутьев акации, знаменитыми сухумскими кофейнями и бессмертным лыхнинским дубом, ново-афонским чудо-монастырём, поставленным на месте гибели Симона Зилота, того самого, на чьей свадьбе Спаситель наш претворял воду в вино…

При штурме Сухуми отличился экипаж баркаса главстаршины Пупкина, под перекрёстным пулемётным огнём вывозивший беженцев… Подумать страшно – при штурме Сухуми! На наш гудаутский аэродром заходил в боевом развороте истребитель капитана, допустим, Гогия, и в прямом эфире звучали мерзейшие слова:

– Вы, русские, продались абхазским собакам…

Можно подумать, что это абхазы высадились в Гаграх, дотла разорили Сухумский обезьяний питомник и угнали «Волги» из таксопарка! И знал ведь этот Гогия, что униженные российские лётчики не поднимут самолёты и не срежут наглеца ракетой!

Я не называю фамилий: подлецы и герои на войне примерно в равных условиях, только ведут себя по-разному.

Говорят, все империи рано или поздно гибнут в огне новых времён и народов. Однако у нас даже развал самой крупной за историю мира автократии произошёл «через клизму» – так Саша Брунько, гениальный поэт, назвал стихи об антиалкогольной истерии восьмидесятых, за что и был тогда же посажен на год! Мы долго запрягали, но когда поехали – у коня оторвался зад и попёр сам по себе, дышло въехало в кучера и сбросило его с облучка, а мы, бедные Чичиковы, кинулись из брички врассыпную – кто в бандиты, кто в банкиры, кто в бомжи, с жадным блеском в очах и кличем «грабь награбленное, дели неделимое, пока другая власть не пришла!».

Мне ли пенять на судьбу, отшельнику и бродяге с многолетним стажем, подзаборному жителю пяти морей и океанов: сижу себе за клавиатурой рабочей станции, поглядываю в монитор, слушаю компакт-диск с нежными птичками и водопадами, а на улице рабочий день, июль, пух тополиный летает… Вот вернётся Олег из «Сибнефтепровода», и поедем рассматривать чертежи объёмных букв на крыше СУПЛАВа. А там и второй принтер поменяем, хватит мне на семистах двадцати точках сидеть, желаю тыщу четыреста сорок, и на фотобумаге!

Малый противолодочный корабль проекта 1124-М – МПК-89.

МПК проекта 1124 («Альбатрос», кодовое обозначение НАТО – Grisha class corvette) строились в 1970-80-е годы для ВМФ СССР в составе двух основных серий (проекты 1124 и 1124М).

Водоизмещение (полное) – 960 т; длина – 71,2 м; ширина – 10,17 м; осадка 3,6 м. Скорость полного хода – 36,1 узлов. Дальность плавания: 4000 миль при 10 узлах, 2700 миль при 14 узлах, 950 миль при 27 узлах. Автономность плавания – 10 суток. Экипаж – 86 человек.

Вооружение: 2×2 57 мм АК-725 (2200 выстрелов) – СУ МР-103 «Барс»; 2×2 533 мм ДТА-53-1124 (4 торпеды ТЭСТ-71, СЭТ-65, СЭТ-53, СЭТ-53М) – ПУТС «Дракон»; 2×12 РБУ-6000 «Смерч-2» (96 РГБ-60) – ПУСБ «Буря»; 2 бомбосбрасывателя (12 ГБ ББ-1 или БПС, пр. 1124П – 16 ГБ ББ-1); 18 мин.

Один из донузлавских МПК однажды вернулся из района боевых действий, особо в те годы не афишируемых: 64 пробоины с двух бортов! Но дошёл своим ходом.

Я не о себе: всё нормально, есть семья, работа, дом, свободное время для писательства… Я о прошлом. Оно исказилось, вывернулось в ленту Мёбиуса, и не понять, где начало, а где конец наших бед и поражений. Я о молодости, отданной мифическим военным целям империи, о тысячах погибших и списанных втихаря, безо всяких Афганистана и

Чечни, в эпоху великого застоя в крови трёхсотмиллионного народа. Сколько раз мы по три раза передёргивали затворы АКМов – «одиночными, залпом, огонь!» – над свежей могилой, отдавая последние почести гражданам страны, которая даже шёпотом запрещала говорить о настоящих причинах и обстоятельствах гибели призванных на военную службу в мирное время!

Вы догадались, что предисловия и не было? Это уже Донузлав, савмэсэз, ипташляр![1]

– Привіт!

– Агой![2]

Предисловие II

Заслушали, постановили,
закрыли солнышко в плафон…
И влажной тряпкой звезды смыли,
оставив только чёрный фон.

(Из стихов замполита БЧ-5 крейсера «Суворов» Юрия Правикова. Владивосток, 1977 г.)

Слухайте, діти, я розкажу вам велику казку про велику бійку тай про те, як не треба втопати у морі![3]

Слухай, Кір Гущинський, а також Олекса Недоспасів. Слухайте усі! Шикуйсь! Струнко! Рівняння на мене! Кроком руш![4]

И хор усатых «хвопців», встряхивая чубами, лихо закидывая сапог за сапог, потрясая в воздухе шматками розового сала со слезой, печатает шаг по Минной стенке, к «Гетьману Сагайдачному», который когда-то был «Адмиралом Октябрьским». В ВМС Украины на четыре корабля восемь адмиралов. Корабль управления носит на себе ледовый пояс – это в Крыму-то!

Игорь Шебаршин получил орден Красной Звезды за то, что в Северном море на сторожевом корабле «Галантный» двадцать минут затыкал пробоину собственным телом, а точнее той его частью, на которой сижу я в период писательской течки. Ау, Игорь, как твой ревматоидный артрит?

Мишку Шелобнёва вчистую выгнали с флота старлеем, сняв одну звезду за то, что его матрос прыгнул с БМТ в Босфор.

Матроса застрелили в воде из АКМ свои же вахтенные с красными повязками на рукавах. Турки, нарезая кольца на катерах береговой охраны вокруг нашего отряда, махали кулаками, воздевали очи горе, подобрали труп и, говорят, похоронили его с воинскими почестями, как борца за демократию. Наслушался «голосов», сукин сын!

(Недавно я схоронил Михаила Николаевича Шелобнёва в его родном Екатеринбурге. Душа не выдержала боевых служб, долгих скитаний по Северу, от Мурманска до Диксона, бездомной и безденежной жизни бывшего блестящего офицера ВМФ СССР. Мир праху его!).

Вову Иванова знали как Ефимовича, а потом выяснилось, что он по отцу, кап-три из Севастополя, и вовсе Кац. Что, интересно, он чувствовал, когда капитан-лейтенантом в составе Средиземноморской эскадры циркулировал у песчаных берегов Синайского полуострова?

Еду по Москве с бардом Мишей Кочетковым, поезд ломается, и мы выходим на Третьяковской. Ждём следующего минут пять. В центре зала появляется кап-лей в шинели под руку с высокой статной дамой, смотрит в упор, бросает даму, кидается ко мне. Мы обнимаемся – прошло почти десять лет! Мишка, коренной москвич, потрясён: в муравьином мегаполисе два человека, разбросанные от Ростова до Владивостока, встретились в метро!

Толик Водянников и Андрюша Денисов уже год учились в Военно-политической академии. Там же болтался и толстый Лёня Марченко. В общаге живут семейно, как в военном городке. Накрыли стол, приняли по одной-другой, попели, и я приватным образом побеседовал с Толиком, уже дважды объехавшим земной шар внутри плавучего гроба с музыкой и ракетами водоизмещением двадцать тысяч тонн. За год он дышал свежим воздухом всего три раза, и один из них на Северном полюсе.

– Ну что, – говорю, – замполит, колись! Нужны вы на флоте, или прав был я, когда предлагал демонтировать партполитаппарат?

– Честно скажу, – ответил порозовевший Толик, – нужны мы там, как в бане пассатижи, но вот лично мы с Андрюхой лямку тянем честно. По крайней мере сопли матросам утираем от души. И вахтим, как положено, научились. А так-то, конечно… – И задумался, повесив пшеничный ус на грудь колесом.

– Да, – встрепенулся Толик, – видел я Лёню Пьяныха в Ленинграде, на базе. Идёт под газом, но не шатается, увидел, полез целоваться, а потом рассказывает: «бл…, только что с народной артисткой познакомился в кабаке, к ней домой поехали, с собой прихватили, то да сё, цветы подарил, стихи

читаю, потом я её у койку, а она ни в какую! Я и так и эдак, уламываю, чуть не на колени встал, а она – нельзя, и все! Месячные у неё». Я ему говорю: а ты другие варианты не пробовал? А Лёня: «ты что, она же народная артистка!». Ну и дурак, говорю.

– А Сапега погиб, слышал? На тральщике в Читтагонге попал на мины. Самое обидное, что когда его контузило, то он упал за борт, потерял сознание и захлебнулся. Вот тебе и ватерполо! (Двухметроворостый Вацлав Сапега был капитаном училищной команды ватерполистов).

– Бог дал, Бог взял. Давай наших ребят помянем.

Мы встали. Мишка, тогда ещё зелёный студент, оттопырил локоть, изображая гусара. Он уже успел понравиться всем своими залихватскими еврейско-одесско-сказочно-городскими песнями.

– Отставить, – строго сказал Андрюша, – не в кабаке. Просто выпьем и помолчим.

Выпьем и помолчим, дорогой читатель.

Вид на Севастополь с высоты птичьего полета. Куриная пристань. Перед Крымской войной здесь стояли склады провианта, которые привлекали сюда множество кур.

Прелюдия

Штурманский сон более всего похож на кошмары Сальвадора Дали. Время плоскими часами свисает со стола и сухой ветки на фоне жёлтых гор, впадающих в синий залив. Ты командуешь сухогрузом, или яхтой, или противолодочным кораблём, и при подходе к причальной стенке плавно продолжаешь движение – непостижимым образом прямо на рваные бревна, чёрные кранцы, ржавые цепи, журавли портовых кранов, на пустынный асфальт набережной и дальше, по уходящей круто вверх узкой щербатой улице, и вплываешь слоном в посудной лавке в центр, на площадь с бетонным фонтаном, где опять же ты стоишь на деревянной эстраде перед несколькотысячной толпой, один, с гитарой, забыв слова, и замены нет, как и в рубке, где с ужасом и восторгом ты дёргаешь бесполезные рукоятки назад, на самый полный назад, а судно или корабль так же плавно и невозмутимо, не примяв и травинки, вне воли командира и штурмана, идёт по сухой городской земле.

Ты просыпаешься с дрожащими руками, с бьющимся, как у зайца в траве, сердцем, и для полной картины не хватает только холодного пота, но его нет, а есть ночное сизое небо за окном, тикающая тишина, мирное сопение тёплой жены. Ужас и восторг, восторг и ужас.

Эпиграф 1

«Командующий войсками, в Крыму расположенными, генерал-адъютант князь Меншиков донёс государю императору, что 1-го числа сего сентября в виду Евпатории появился многочисленный англо-французский флот и что вслед за тем значительное число неприятельской пехоты с частию кавалерии высажено на берег между Евпаторией и дер. Каптугай. С приближением неприятеля все жители удалились как из города, так и из окрестных селений. Князь Меншиков, не признав возможным атаковать высаженные войска на плоском берегу, обстреливаемом с флота, сосредоточил большую часть своих сил на выгодной позиции, в которой готовился встретить противника».

(«Морской сборник», 1854. – 149. – С. 52)

Воздушный бой над Евпаторией

От Босфора до Тарханкутского полуострова примерно пятьсот шестьдесят километров, или триста миль, или полсуток хорошего хода. Американский фрегат УРО «Рональд Тернер» в составе

отряда надводных кораблей подкрался к Евпатории под утро. Нас подняли по боевой тревоге ещё ночью. Дрожа от осеннего сырого ветра, мы разбежались по заведованиям. Впервые за несколько месяцев я получил в оружейке десантный автомат с откидным металлическим прикладоми красным рожком. Зарядилипулемёт ШКАС тяжёлой лентой с толстыми патронами, больше похожими на маленькие снаряды. Перед этим я наклонил станину, вылил из ствола воду и стальной щёткой вычистил ржавчину.

Над озером тяжело взмывали гидросамолёты, сливая прозрачные потоки с полукруглых животов. В море через боновые ворота стремительно уходили широкие БПК, юркие МПК, хищные сторожевые корабли, осанистые ракетные эсминцы. В воздухе запахло Египтом и Анголой. Мы наглухо закрыли ворота и влезли по винтовой лестнице на башню рейдового поста. Дул свежий морской бриз. В мощные бинокуляры с башни рейдового поста хорошо были видны темно-серые силуэты фрегатов и ракетных кораблей.

– Совсем обнаглели, – удивлённо пробормотал мичман Полукошко, – уже в наши воды лезут.

Пограничники на своих низких «эскаэрах» мотались по заливу, переговариваясь нервными вспышками ратьеров. Очевидно, они не решались применить положенное по закону оружие: всё же американцы, а не какие-то турки! А указаний из Москвы не дождёшься: там от удивления как раскрыли рот, так и не могли закрыть, дабы издать положенные звуки: «Беглым, огонь!».

Ракетный крейсер Richmond K. Turner (CG-20, Leahy-class). (В

советской прессе корабли этого классса по традиции именовались фрегатами – *прим. ред.*). 09.08.1998 потоплен в качестве мишени в районе Пуэрто-Рико.

С «Ричмонда Тернера» тем временем поднялся странный аппарат: что-то вроде чёрной акулы без головы, с загнутым хвостом, короткими крылышками и блестящим в полутьме винтом над головой. Радиоуправляемый вертолёт пошёл высоко над водой в сторону Евпатории, лихорадочно фотографируя местность и передавая снимки на борт фрегата. В городе проснулось население. Люди высыпали на улицы: не каждый день можно увидеть в родном советском небе американский вертолёт-шпион! Евпатория, задрав головы, созерцала заморскую диковину, нагло жужжащую над крымским берегом. Фрегат, на палубах которого не видно было ни души, насмешливо стоял на кромке нейтральных вод и перерабатывал информацию шпиона. Американские акустики ловили звуки винтов наших подлодок из Балаклавы, роем окруживших американский отряд. Международный скандал разрастался до размеров мини-войны.

От курорта, достаточно интересного расположенным неподалёку ЦУПом (Центр управления полётами – А.И.), умная акула повернула над Каламитским заливом в сторону знаменитого аэродрома Саки, рядом с которым стояли заводы ВПК.

Переполох в Москве был страшный.

Доложили Брежневу. Заспанный генсек долго жевал морщинистыми губами, приходя в себя после транквилизаторов, наконец сообразил, в чем дело, вспомнил, вероятно, юность комсомольскую свою, погранзаставу и сказал со вздохом:

– Нарушитель должен быть наказан. И строхго наказан!

Устинов, блестя очками, нервно ходил по залу заседаний и ждал конкретной команды. Команды не было. Спросить маршал не решался.

Брежнев подумал и безо всякой логики добавил:

– Кстати, Дима, я тебе не раз х'говорил: на х… нам столько ракет в Европе?!

– Да пусть стоят, – откликнулся Устинов, – они есть не просят! Зато американцам шило в задницу, чтоб служба мёдом не казалась.

– Во-во, – подначил Брежнев, – теперь они нам туда же перо вставляют. Сбить на хер самолёт!

– Вертолёт, – поправил Устинов, – радиоуправляемый.

– Один хер сбить! Тем более!!!

По СВЧ пошла команда.

Беспилотный противолодочный вертолёт Gyrodiny QH-50 DASH (Drone Anti-Submarine Helicopter) спроектирован на базе пилотируемого вертолета Gyrodyne Rotorcycle, разработанного для ВМФ США.

Длина: 3,9 м, высота – 3 м, максимальная скорость – 148 км/ч, практический потолок – около 5 тыс. м, скорость подъема – 145 м/мин. Часто переоборудовались в разведочные вертолёты.

Вертолёт крутился в небе уже двадцать шесть минут.

Наконец со стороны сакского аэродрома показалась эскадрилья истребителей ПВО. Вертолёт задёргался из стороны в сторону, пытаясь отвалить поближе к городу в надежде на то, что советский лётчик не станет палить из пулемётов и пушек над мирным населением. Но американцы не знали, что такое Политбюро: сказано люминевый, значит люминевый! Да и пушки не понадобились.

Евпатория, хорошо помнившая последнюю войну, поняла, что дело дошло до боевых действий, и попряталась по домам. Выли собаки, орали петухи и кошки, как при солнечном затмении. Выполнив боевой разворот, шустрый истребитель выпустил ракету класса «воздух-воздух». И не попал! Ракета ушла в море и, по слухам, взорвалась у болгарских берегов, наделав немало шуму в толпе немецких и австрийских туристов. Вертолёт ринулся к фрегату. Вдогонку ему пошла ещё одна ракета, и опять промах: у истребителя слишком большая скорость для охоты на низколетящую малоскоростную цель. В эфире стоял крепкий мат. На подлёте Gyrodiny QH-50 DASH к фрегату лётчик первого класса Замарахин выполнил ещё один пуск, и на месте только что

жужжавшей акулы возникло круглое красно-белое облако. Полетели в разные стороны стремительные дымящиеся обломки, словно обгорелые спички. Самолёты прошли строем над местом гибели вертолёта, насмешливо покачали фрегату крыльями и ушли на базу.

Население высыпало на улицы. На «Ричмонде Тернере» хватались за головы и погоны. Отряд развернулся и ушёл в проливы, лодки вернулись в Балаклаву, а в Донузлаве до вечера принимали корабли. Пулемёт разрядили, и я щедро набил его ЦИАТИМом (специальная смазка – А.И.). С крыши казармы поднялся и полетел в Севастополь чёрный вертолёт заместителя командующего Черноморским флотом. Сыграли отбой.

И тут разразилась такая гроза, что в десяти метрах ничего не было видно. Выл ураганный ветер, на море начался шторм, в округе повалились несколько десятков деревьев, мы с трудом дошли от поста до штаба. Природа облегчённо смывала с себя человеческую грязь: страхи, амбиции, ненависть.

Бывший штаб Крымской военно-морской базы.

В первые годы существования КВМБ (Крымской военно-морской базы) в Донузлаве её курировал лично тогдашний главнокомандующий ВМФ СССР С. Г. Горшков. Условия службы были приближены к условиям Крайнего Севера и Дальнего Востока, но и продвижение командного звена происходило настолько же быстро, как на Северном и Тихоокеанском флотах. Первый командир КВМБ Юрий Викторович Крылов был назначен в 1976 году в звании контр-адмирала.

Фото: http://novoozernoe.net.

Эпиграф II

«Своей властью командир Крымской ВМБ[5] в акватории Донузлава организовал купальню для себя. Для его прогулок на водных лыжах выделялся катер. Но и в период занятий на водных лыжах командир ВМБ не

забывал приметить с водной глади о всех непорядках и замечаниях. Удовлетворённый от физических нагрузок, бодрый после купания в Донузлаве и принявши душ, он вызывал к себе командиров, на чьих кораблях замечал нарушения. Но так было недолго. Как только командир ВМБ вызывал машину для поездки в купальню, тут же оперативным дежурным извещались все подразделения. Теперь с бортов кораблей летящего на водных лыжах адмирала сопровождали вытянувшиеся в отдании чести дежурные по соединениям, а личный состав выстраивали вдоль борта».

Из письма штурмана Коли Сыскова.

Стиль сохранен.

Приплыли! Утонутие на бонах

Ах, как неохота одеваться и выходить на воздух, навстречу ледяному ветру, рвущему землю из-под ног, из цыганского уюта казармы плавсостава!

Мы прошли по причальной стенке до командного пункта. Попавшийся навстречу Август Карлович Ренпенинг в ответ на наш чеканный шаг критически осмотрел вольный строй, хмыкнул, погрозил мне пальцем, вспоминая вчерашние наставления о флотской причёске, обтёр усы крепкой шведской рукой, махнул ею же в виде отдания чести и зашагал дальше.

– Саклядываит, – загадочно выразился Сагидулла.

– Чего-чего? – не понял я.

– Саклядываит на тисциплину – пояснил Братарин.

– Будешь с нами «саклядывать»! Спасибо, что к Потапу не шлёт.

Потапчук, начальник гарнизонной гауптвахты, куда я когда-то попал на полдня – больше не дали посидеть, надо было ехать на задание, – славился необузданной свирепостью и какой-то маниакальной страстью к строевой. У него на «губе» запросто можно было упасть в обморок после непрерывного журавлиного шагания под барабан. И никто с ним не мог справиться – командир ВМБ контрадмирал Крылов, не менее свирепый ревнитель дисциплины, считал, что палка для матроса – лучший подарок, и что бывает только два вида матросов: плохой и очень плохой!

Тральщики в Южной бухте, Севастополь. Слева направо – морской тральщик «Турбинист», морской тральщик «Вице-адмирал Жуков».

Фото: А. Бричевский (http://flotsevastopol.info).

Мы миновали огромную неуклюжую «утээску» – учебно-тренировочное судно, место попоек и мелкого разврата. Вдоль стенки строем потянулись обросшие льдом и водорослями приземистые корпуса малых противолодочных кораблей и тральщиков. Мачты, леера, транцы, швартовы, сходни… «Пахло борщом и соляром», – как выразился позже Олег Стрижак. Мы дошли до тральщика старины Юфа. Отдав честь флагу, я прошёл по левому борту и натолкнулся на Юфа, опиравшегося на леера и лениво плевавшего в воду, что по боцманским понятиям было смертным грехом и только что не каралось расстрелом. Но еврей из Баку был существом наглым, упрямыми бесстрашным. Мы обнялись: он пробыл на ремонте вдоке несколько месяцев, а я уже соскучился по остроумному и весёлому трёпу.

– Ты шо, Садат, сапоги набул? А портянки намотал? Тебе ещё скатку на плечо, и будешь солдат Иван Бровкин на целине! О, да ты ещё и свитер поддел! Тогда полный Хемингуэй в Мадриде… Нет, бери выше… Пушкин в Арзеруме. А шо это за красный презерватив на тебе?

– Сам ты презерватив. Спасжилет!

– Ой, ой, ой, я щас умру. Спасжилет! И кого это он спас, дурень? Ты его надул? В таком виде им только девок в Мирном

пугать.

– Да что надувать? Не утонем.

– Смотри, Садат, старый больной еврей тебе плохого не посоветует! Говорю, надуй, свалишься в воду – я на тебя посмотрю, каким местом ты его наполнять будешь. Ты видишь, какая погода? Азохэнвэй!

Вообще-то Юф был прав: при выходе на боны полагалось иметь полный комплект – исправный жилет, лампочку, свисток для подачи звуковых сигналов и даже небольшой баллончик со сжатым воздухом. Но наше вечное раздолбайство, помноженное на мнимую лихость, приводило к тому, что баллончики давно были потеряны или пропиты, лампочки не горели, и оставалось только прилежно дуть в мокрый свисток, подавая голос поисковым командам, а заодно и отпугивая акул. Работать в надутом жилете было неудобно, он торчал со всех сторон, натирал шею, и обычно мы сохраняли полное понимание с Сагидуллой и Мысей в этом вопросе. Но слова Юфа меня насторожили: а вдруг и правда? На берегу, по дороге к рейдовому посту, Сагидулла толстыми губами приложился к твёрдому резиновому соску и богатырским духом наполнил жилет. Так он спас мне жизнь… А заодно и себе.

Не надуешь – не всплывёшь!

Каждый моряк должен уметь плавать!..

Черно-белый морской буксир «Грозный» низко и мощно сидит в воде, грозно ревёт и пыхтит дизелями, неутомимо ползает по

акватории, сипло кричит на погоду, бестолковых командиров и капитанов, толкает и подтягивает, равняет и правит, тянет за усы в море корабли и пассажирские суда, а иногда и подводные лодки[6].

Работы у него невпроворот. Крепкие прокуренные моряки из гражданского порта неторопливы и снисходительны. К нам они относятся как к детям; да и в самом деле мы им годимся в сыновья.

Наше место обычно на корме. Там орёт громкая связь, визжит поворотный круг, на котором намотаны сотни метров стального крепчайшего троса, и мы, обросшие амуницией, со стальным инструментом в руках, в толстых шинелях и сапогах, сильно смахиваем на работников железнодорожной бригады, ковыряющих шпалы и рельсы. Работа тяжёлая и довольно опасная, но несложная: тяни, да посильнее, хватай свайку, крути гайку на скобах да пригибай пониже голову, чтобы не снесло звенящим, как высоковольтный провод, тросом.

Мы крутимся по акватории, постепенно подтягивая длинную цепь бонов к рейдовой бочке, чтобы закрепить на ней основной трос и ждать прохода кораблей. Первым на бочку высаживается Братарин. Он похож на чёрного жука с красной спиной. Следом иду я.

Ветер довольно свежий. По сизой январской воде идёт беспорядочная волна, крупные льдины лезут на обледенелые глыбы перемычки, крушатся и пускают по заливу толпу мелких кусков, похожих на пемзу из бани. Нас болтает, и чтобы не упасть, я по примеру Сагидуллы откидываюсь почти вертикально, упираясь в узкие края рейдовой бочки. В центре пупом торчит негритянское кольцо, куда мы должны затащить конец троса и свайкой привинтить его к бочке[7].

Нам не хватает сил. Мы упираемся изо всех сил, выбирая толстенный трос. Вот уже показалась скоба, ещё бы сантиметров двадцать! Но тут усердный татарин громко, на весь Донузлав пукает, и мы заваливаемся от смеха на спины, выпустив добрый метр.

– Ну ты и Гаргантюа! – кричу я ему сквозь ветер и перехлёст волн.

– Сам такой, – ржёт весёлый татарин, и мы опять тянем проклятый трос.

В этот момент на буксире, видимо, решили, что вдвоём мы не справимся, и я услышал за спиной рёв дизеля. Накатила волна. Бочка встала дыбом.

– Плять, – кричит татарин, – Мысю высаживают! Щас он на голову нам сядет.

И правда, волны от работающего малым задним буксира пошли одна за другой; бочка плюхалась и болталась из стороны в сторону, но мы тянули сантиметр за сантиметром и дотащили трос до кольца. Мыся нам был уже не нужен, но он, проклятый, послушно прыгнул на наши спины.

Попал он удачно: одним сапогом заехал в ухо Братарину, и тот ключиком, без волны, канул в воду. Как сидел, довинчивая гайку, так и ушёл. Второй сапог скользнул по моей спине, нога подвернулась, и мимо меня прошуршало чёрное сукно – туда же, в глубину. Я ещё сохранял вертикальное положение, но кто-то огромный и страшный резко дёрнул меня за ногу, и я вспомнил, как в далёком туркменском прошлом в пять лет оказался на дне «лягушатника»: кругом зелено, водоросли колышутся, а потом цоп за волосы – и наверх, к солнцу. Старший брат вытащил.

Как муха на верёвочке

Холод ударил по лицу, хлынул в уши. Кажется, я закричал, потому что пошли пузыри. Дёргаясь и вырываясь из чьих-то объятий, я видел вверху бледный свет и беспорядочную игру волн. Через несколько секунд голова оказалась над водой. Я выплёвывал отвратительно-солёную воду изо рта. Из носа хлестала жидкость другой консистенции. Кто-то крепко держал меня за ногу чуть повыше колена. Я понял, что случилось: меня прижало кольцом троса к бочке и сдёрнуло вниз. Он обмотался вокруг ноги ровно настолько, что я по мере болтанки, как муха на верёвочке, то набирал воздуха, сколько мог, то опять погружался в зелёную ледяную кашу, а перед глазами философски проплывала обросшая всякой бессмертной живностью шершавая стенка рейдовой бочки.

Выйдя из воды в очередной раз, я дёргал ногой и хватался за край стального цилиндра. Но меня неумолимо тянуло вниз. Я цеплялся изо всех сил, с ужасом чувствуя, как по ледяной шершавой стали ползут насмерть застывшие руки, стираясь до крови. Ногти были содраны на нескольких пальцах. Кровь, как известно, почти одного состава с морской водой. Это было видно по тому, как она радостно разливалась вокруг и не думала сворачиваться. Шура-доктор потом рассказывал, что никак не мог понять, почему я, даже согревшись, сохранял смертельную бледность. «Наверное, с перепугу», – решил Шура.

Я отчаянно боролся, пока не увидел перед собой чью-то зверскую рожу. Это Сагидулла ныряет и смотрит под водой, жив я ещё или уже нет. Перед самым выходом он опять по своей национальной привычке побрился налысо. Голый череп с выпученными глазами, да ещё в десяти сантиметрах от тебя – это лихо!

Морской буксир МБ-160 (проект 773, первый послевоенный МБ, спроектированный в ЦКБ «Балтсудопроект»).

Водоизмещение: 890 т; длина – 47,3 м, ширина – 10,3 м, осадка – 4,14 м. Скорость хода максимальная: 13,2 узла. Дальность плавания: 8000 миль при 11 узлах, 6000 миль при 13 узлах. Экипаж: 31 чел. Мог работать во льдах толщиной до 30 см. Основная модификация этого судна – спасательный буксир (СБ) пр. 733С.

Фото А. Бричевского (http://flot.sevastopol.info).

Выныриваю. Хватаю воздух. Кричу татарину:

– Говорил я тебе, не стригись!

Синий, как тушка цыплёнка, стуча зубами, Братарин отвечает:

– А м-м-мне не х-холодно…

И всхлипывает:

– Я тумал, ты пропал…

Змейки солёной воды текут по его чёрно-синему лицу. По воде в сторону заката уплывают три чёрные шапки.

Погружаюсь. Дёргаю изо всех сил ногами, мучительно пытаясь отвязаться от троса. Всплываю. Набрав воздуха, ныряю сам, пытаясь разглядеть, что с ногой. Мне кажется, что её уже нет: она онемела, вокруг сапога расплывается тёмное облачко. Выныриваю.

– А где Мыся?! Утонул?! – ужаснулся я.

– Х… там!! – хладнокровно отвечает Братарин. – Уплыл на пуксир, мутак!

Тут я вспоминаю, что мы всё же надули жилеты. Значит, и я не утону.

– Давай так, – говорю Сагидулле, – я ныряю, а ты следи. Если что, тащи меня за волосы.

Ныряю. Жилет не даёт утонуть, но мешает поглубже заглянуть в воду. Дёргаю трос изо всех сил, качаю его змеиную голову. На моей ноге с одной стороны висят пятьдесят боновых бочек, а с другой – стальной цилиндр диаметром два метра. Или это я повис между ними? Я представляю со стороны эту картину, и мне почему-то смешно. Сильный рывок вверх – я задумался, и Сагидулла спохватился.

– Ты резко-то не дёргай, а то скальп снимешь.

– Нищево, – стучит зубами татарин, – лысым даже лучше, как я будешь.

Ныряю. Дёргаю. Нулевой результат.

Буксир отошёл подальше, чтобы не задеть нас винтами. Мыся, как мы потом узнали, быстро доплыл туда, залез с левого борта и сразу же с удовольствием угостился стаканом водки. Закутался в плед и спокойно смотрел бортовой телевизор в красном уголке.

Вокруг нас ходит вся наличная на этот момент техника: рейдовый буксир с дивизионным минёром кап-три Дитятиным, вышедший на подмогу катер «Ярославец» под управлением невозмутимого глав-старшины Бойченко и какие-то штатские.

Дитятин непрерывно держит нас двоих в поле зрения: бегает вдоль борта, командует операцией и покрикивает издалека: «держись, хлопцы!». Если мы пойдём ко дну, то по одной звезде недостанет на его мятых погонах.

Бойченко, стоявший на руле, придумал хитрый ход. «Ярославец» на самом малом подкрался к нам, едва не растерев Сагидуллу о бочку. Нам кинули конец, я обвязался, и молодой матрос Валько с Мыколой Галаганом из Тернополя вдвоём тянут меня вертикально вверх. Татарин упирается снизу. Срываюсь и падаю вниз, едва не утопив Братарина и поднимая волну. Хватаюсь за проклятую бочку, смотрю на запад. Гневноенебо, накрытое бешеной тьмой, разметавнад самым закатом желто-красные тучи, смотрит сквозь огненную дыру прямо мне в глаза. Ветер усиливается. Меня опять тянет вниз. Под водой уже темно. Сколько мне осталось? Всего двадцать один год живу, Господи…

Прошло уже минут пятнадцать. Нас выручают три вещи: сапоги с грубыми дагестанскими джурабами, толстые водолазные

свитера, глухой бронёй покрывающие грудь и спину, а главное – закалка, – я черноморец из Гудауты, Сагидулла с Волги. Но я чувствую, как ледяная вода проникает внутрь, вкрадчиво проползает то в одну щель, то в другую, а меня, как ни странно, беспокоит военный билет – намокнет! Надо было сдать его перед выходом. Воротник шинели начинает похрустывать: прихватило морозом. Уши и щеки задубели, губы едва ворочаются, волосы стоят дыбом, кожа съёжилась до боли.

Я мычу от бессилия. Каждый раз, когда накат опускает меня под воду, всё больший ужас охватывает изнутри. Вниз стараюсь не смотреть: там мутно-чёрная тьма, а в неё уходит, извиваясь, конец троса. Чем я ещё держусь?! Как сказал Гарсиа Лорка перед тем, как его дострелили в затылок: «Я ещё живой…».

С «Ярославца» что-то кричат, но я уже не понимаю слов. Галагана спустили на бочку, и Мыкола, свирепо матерясь, вяжет новый конец. Он относится ко мне с нежностью: по вечерам на камбузе я учу его играть на гитаре, а иногда мы на два голоса поем украинские песни – «Про зозулю», «Ой ти, вуйку сивий», а то и колядки про Христа, Царя Небесного.

Галаган бросает конец вниз. Меня осенило: надо подорвать снизу, а потом сдёрнуть кольцо троса с ноги. Брат вяжет узел. Придётся повисеть вниз головой, но авось да небось. Так мы и делаем. При откате волны меня тянут несколько человек. Из воды на несколько секунд показывается рваный сапог, из которого льётся тёмная жижа. Повис горизонтально, держась за бочку. Мат-перемат. Падаю. Пробуем ещё несколько раз, но я боюсь, что пукающий Сагидулла и свирепый Галаган со товарищи разорвут меня пополам.

Отчаянно ныряю вниз. Вижу, как постепенно, с подъёмом воды, трос даёт слабину. Обвившись эмбрионом вокруг ноги, каким-то невероятным усилием сдёргиваю трос, снимая последнюю кожу с рук, выныриваю, захлёбываюсь воздухом и водой, кашляю, и силы оставляют меня в ту же секунду. Изо всех китайских отверстий тела льёт…

– Всё, – кричу (как мне кажется), – всё…

Спас. Жилет. Бог спас.

Галаган командует:

– Брат, толкай его снизу, а мы будем тянуть.

Почему-то расставив руки крестом, не в силах пошевелиться, я чувствую, как тяжелею на воздухе в несколько раз. Шинель покрылась заскорузлой коркой льда. Лежу на бочке, так же раскинув руки, и понемногу блюю в воду водой же. Меня мутит. В голове гудит колокол, в глазах носятся огненные искры. «Ярославец» подошёл к бочке. Сбросили трап с деревянными

балясинами, и по нему забрался на борт Сагидулла. Катер болтается возле нас. Сняли леера, чтобы можно было прыгнуть на корму. Но сил уже нет. Меня складывают наподобие снаряда, прицеливаются, и при хорошей волне, когда корма встала почти вровень с бочкой, кидают. Бойченко с двумя матросами ловят и тащат в тёплую рубку. Ноги волочатся по палубе. Галаган и его ребята прыгают на катер. Мне кажется, что отказали все члены и органы тела, одно только сердце колотится невыносимо. Теперь мне страшно. Галаган выгнал всех из рубки, задраил дверь и рвёт на мне жилет, сдирает шинель, свитер, режет сапог. Бедный Мыкола, он плачет от жалости. Индийское кино, а не Черноморский флот!

Спирт надо запивать горячим чаем

Катер подходит к борту малого противолодочного корабля. Перекидывают сходни, и это самый жуткий момент: я боюсь, что матросы, несущие меня за ноги и за руки, снова уронят вниз! Я кричу:

– Вода! Вода!!

Но они, оказывается, не слышат – из глотки выходит слабый сип.

Тащат в каюту командира, тесную, с круглым плафоном на подволоке. По преданию, одиниз матросов спёриспряталдвалитра спирта на корабле, и недостача была обнаружена. Как его ни пытали, как ни обшаривали кубрики и машину – не могут найти! Через сутки, ободрённый обещанием командира не наказывать, матрос молча пришёл к нему в каюту и ткнул в плафон, до отказа наполненный огненной водой.

Лежу на узком диване. Трясусь неудержимо. Возникает лицо Шуры-доктора. Он молча заглядывает зачем-то в рот, закладывает туда палец, обмотанный носовым платком, вынимает, ухмыляется и командует:

– Чай заварить! Мёду полстакана! Спирт!

Кап-лей отговаривается: откуда спирт, весь вышел. Шура смотрит на него в упор и говорит:

– Вы хотите, чтобы он у вас на борту загнулся, раз в море не утонул?

Шура – сын полковника КГБ, работал зав. отделением больницы в Запорожье и умеет строить фразы.

Кап-лей уходит.

Шура достаёт шприцы. Я трясусь всем телом непрерывно и не могу расслабить ни один мускул. Кричу:

– Красный, держи! Красный, держи!

Что бы это значило?! Заклинание спасжилета?

С меня содрали разрезанную Галаганом голландку, надели новый тельник, и за это время Шура успел поставить три укола. Каждый раз я вздрагиваю.

– Ага, – победно кричит доктор, – боишься уколов! Значит, будешь жить.

Кап-лей приносит спирт. Шура требует пустую кружку, в другую наливает раскалённого чаю с мёдом. Протягивает мне:

– Давай вот это залпом, а этим запьёшь!

В кружке не меньше двухсот граммов спирта. Я пью его второй раз в жизни, но сейчас даже не замечаю вкуса и крепости. А вот чаем обжёгся и задохнулся. Кружка скачет в руках, Шура придерживает голову и приговаривает:

– Пей, Садат, теперь долго жить будешь.

– А где Брат?

– Ха, Брат, – веселится Шура, – спит давно!

– Как спит? А сколько же времени?

– Полдевятого.

Оказывается, прошло уже почти полсуток.

Малый противолодочный корабль «Комсомолец Грузии» (МПК-127, проект 1124).

Водоизмещение: 1070 т. Длина – 71,2 м, ширина – 10,15 м, осадка – 3,72 м. Скорость хода максимальная: 32 узла. Дальность плавания – 2750 миль при 14 узлах. Экипаж – 89 человек. Вооружение: 1 × 2 57-мм артустановка АК-725 (боекомплект 500

снарядов), 1 × 6 30-мм артустановка АК-630М (боекомплект 2000 снарядов), 1 × 2 ЗРК «Оса-М» (20 ракет 9М-33), 2 х 2 533-мм торпедных аппарата, 2 х 12 реактивных бомбомета РБУ-6000, 12 глубинных бомб или 18 мин.

Был выведен из состава флота ЧФ России в 2005 году, в том же году разобран на металл в Инкермане.

Фото В. Костриченко (http://flot.sevastopol.info).

Минут через десять я начинаю согреваться. Приходят и уходят какие-то офицеры, даже, кажется, комбриг Аббасов, по званию и должности старший на нашей второй площадке. Они разговаривают с Шурой, озабоченно смотрят на меня, но лица расплываются под плафоном, кружится голова. Стучит движок. Тепло. Зеваю. Кто-то громко замечает:

– Э-э-э, да его развозит! Давайте отправлять.

Тело ватное. Кровь из повязок на руках и ноге больше не течёт. Я заваливаюсь набок при попытке встать. Идти неохота.

На причале в свете прожекторов ждёт зелёный «Зил-130». За рулём почему-то мичман. Я с трудом забираюсь на сиденье, от двери подпирает доктор Шура.

– Поехали! – кричит он. – В космосе первый советский человек Юрий Гагарин. Обмороженный.

Диссиденты

Шура, милый друг, верный и крепкий!

Фельдшер медсанчасти старшина второй статьи Александр Зиновьевич Басаврюк – личность замечательная. Он родился в Мордовии, в лагере для политических. Однако не думайте, что его бедная мама пострадала от репрессий и была арестована в интересном положении. Как раз наоборот. Мама тогда работала заместителем начальника лагеря в звании майора, а потом, естественно, дошла и до полковника КГБ. Шуру учили наукам сидельцы, профессора и доценты, и к четырнадцати годам он прошёл полный курс школы, сдал экстерном экзамены и в неполные пятнадцать стал студентом мединститута. В двадцать шесть Александра Басаврюка стали звать по отчеству подчинённые вверенного ему детского отделения гор-больницы. Не успев или не пожелав жениться и нарожать детей, да ещё и поссорившись с матерью незадолго до полной и окончательной отсрочки от службы, он загремел на флот. В те времена люди с высшим образованием или офицерили, или служили в рядовом составе полтора года. Шура выбрал второе. Ярый и наглый антисоветчик, наглотавшийся отравы в лагерях, он попал,

конечно, в Донузлав и плотно сидит под колпаком особистов, охраняющих устои государства в двух кабинетах через стенку от его санчасти.

У него феноменальная память: часами читает вслух любого из названных тобой поэтов мира. Наш общий любимец – Федерико Гарсиа Лорка. Мы нашли в библиотеке роскошный двухтомник с иллюстрациями автора и перечитываем без конца. Я пишу романсеро и песни на его стихи и ещё не знаю, как был прав Василий Кислов из ростовской «Вечерки», задумчиво сказав мне, семнадцатилетнему: «Как вы похожи на Лорку!» – Цыган был настоящим бардом, писал и пел песни, бродяжничал и вольнодумствовал. Фиштейн рисует карандашом портреты личного состава и даже умудряется иногда продавать их деревенским парням для украшения дембельских альбомов вольной графикой. Эдакий салон изящных искусств посреди ржавых кораблей и диких матросов!

А кругом море, степь, плоские песчаные берега, буйные снега зимой и сочные тюльпаны по весне. Я чувствую себя – не могу удержаться – Овидием Назоном, летучие латинские стихи которого буду потом читать наизусть в университете.

От нечего делать я зимой напросился дежурить на коммутаторе. Мой позывной – «Палубник». Работа обезьянья: сиди себе с гарнитурой на голове, вынимай да втыкай стальные штыри на пружинах в нужные гнезда. Попутно я иногда слушаю разговоры, отчасти для того, чтобы побыстрее разгрузить линию в часы пик, отчасти из ленивого любопытства, собираю материал для будущих книг. Справа на передней панели есть тумблер отключения микрофона, и тогда слушаешь анонимно. Я им не пользовался, но вскоре он мне пригодился.

В наш лазарет привезли старшину второй статьи из Ново-Озёрного, буйного Женю Китоврасова, коренного липецкого русака. Его после глобальной пьянки повязали в посёлке и везли на губу. Он сидел-сидел в «газоне», потом что-то щёлкнуло у него в туманной голове, и он решил выйти. И вышел – на скорости шестьдесят прямо на вечерний асфальт. Результаты, как говорится, не только на лице, но и на прочих площадях: правая рука сломана в двух местах, на бедре громадный сине-зелёный ушиб, от задницы тянется к ступне широкая сеть кровавых царапин, а собственно обличье представляет собой распухшую грушу, из которой выглядывают весёлые неунывающие глаза. К тому же из-за ссадин ему разрешили не бриться, и выглядит он пиратом Средиземноморья после битвы с похмелья.

Женя – заядлый рокер. Дешёвая шиховская гитара, сухая и звонкая, лежит у него прямо под койкой, и он, приходя с

процедур, заваливается на спину, достаёт, не глядя, инструмент и запевает:

Ин зы таун,
вэр ай воз боон
лывд э мэ-э-н
ху сэйлд зы си

Произношение у него довольно приличное: успел закончить английскую спецшколу, поступил в московский ИНЯЗ, но что-то натворил, и его вышибли прямо с первого курса. Отец, партийный босс, от греха подальше сдал его на флот: пусть, мол, наберётся ума-разума да худую-бедную специальность получит. Он и получил: шифровальщик-дешифровщик радиоразведки! То-то она ему на гражданке пригодится!

Любовь к року в таких местах незамеченной не проходит. Сижу как-то раз, лениво перетыкаю шнуры, и тут на связь из Ново-Озёрного выходит опер особого отдела капитан Бугримович. Вежливо так просит соединить со своим коллегой, майором Трофимовым. Тот сидит как раз через стену от лазарета, и надо думать, звуки битловских песен ему хорошо знакомы.

Я, хоть и боялся, но что-то почуял и решил прослушать.

– Как дела у моря, Семёныч? – начал Бугримович.

– Вашими молитвами! – невозмутимо отвечает Трофимов.

– Ну-ну, – говорит капитан, у которого положение выше, чем у майора, – ты мне религиозную пропаганду не разводи! Как там мой протеже?

– Кит, что ли? Нормально, зализывает раны. Мы ему помогаем, так что вскорости можно использовать для военных целей.

– Это хорошо… – задумчиво произносит Бугримович. – Ты вот что… Песни поёт?

– А куда он денется? Поёт, конечно. Целыми днями только и слышно, брень да брень.

– Так. Ты его, главное, не спугни! Значит, задание такое: у него, по нашим данным, собран богатый материал по рок-музыке, и он даже какую-то статью написал! Читал её тут своим бабам на посёлке, Казанова хренов. Материалы в основном с Би-би-си да со «Свободы». Уразумел?

– Грамотные мы, барин.

– Вот то-то. Скорее всего тетрадь эта у него в тумбочке, так что на днях я подъеду, как освобожусь, и мы с тобой его, голубчика, тёпленького возьмём. А там посмотрим, кто громче петь будет. Накроем осиное гнездо западного разврата!

– Добро! – морским словечком бодро отвечает пехотный майор в морской форме пехотному же капитану. – Накроем!

– Ну все, до связи!

Трубки замолчали. Я выждал ещё пару минут, чтобы особисты не вздумали проверить, слушают их или нет, и вытащил шнуры. Признаться, мне стало не по себе. Сердце меня не обмануло: Женю ждут не просто крупные неприятности, а вполне конкретные сроки за антисоветчину. С другой стороны, если я побегу предупреждать, то рискую сам нарваться: откуда это он узнал? Через несколько секунд мне стало стыдно, и я успокоился.

После отбоя по привычке я пришёл в лазарет. Шура заваривал кофе. Мощная «Спидола» уже урчала голосом ведущего «Радио Свобода». Над морем приём шёл гораздо лучше, чем в городах Союза, где глушилки забивали «голоса» до полусмерти.

Сегодня передавали финал «Мастера и Маргариты», точнее те фрагменты, что не вошли в публикацию журнала «Москва». Мы слушали взахлёб. Дошли до лунной полосы, и тут я говорю Жене:

– Старик, за тобой завтра-послезавтра придут!

Женя почти не удивился. Только спросил:

– Кто именно?

Я молча ткнул в стену слева.

– А-а-а, – протянул Женя, – это мы давно догадываемся…

– И что будешь делать?

– Ты лучше скажи, откуда узнал?

Доктора в этот момент не было, ушёл в гальюн, и я тихо ответил:

– Прослушал на коммутаторе…

– Ни хрена ты даёшь! А если бы…

– Что «если бы»?! – завёлся я с пол-оборота. – Ты о себе давай думай! Хрена ли мне бояться? Меня уж сто раз и убивали, и сажали, и бить пытались. О себе думай, сукин кот, и тетрадь свою сожги. Они же тебя за твою рок-музыку с говном съедят! Короче говоря, я тебя предупредил, и смотри не сгори.

Женя закурил. Это не было принято в лазарете, но я промолчал: обстановка была нервная. Потом принёс тетрадь, и мы, горестно вздыхая, принялись рвать её на куски и жечь в докторской никелированной печке.

Женю пытались посадить, но поскольку вещдоков не было (перерыли все тумбочки в километре вокруг!), то, пригрозив карами – если что – отстали.

Через двенадцать лет Женя станет одним из первых кооператоров Липецка.

Донузлавский морской клуб на ул. Кантора (бывшая Морская), 1979 год.

Фото: GEO848 (http://www.westcrimea.info).

Циркуль Фиштейна

Матрос-первогодок Игорь Абрамович Фиштейн был горбонос, худощав и умен. Иду как-то с пляжа, отсмотрев и записав очередной закат на акварельную бумагу, смотрю – мужики животину мучат. Белая крейсерская роба на избиваемом матросе была особенно эффектна вечером – слегка фосфоресцирует в темноте. Годки обступили Фиштейна, тычут кулаками в живот, дёргают презрительно за гюйс, обрывают пуговицы.

– Отставить! – говорю. – В чем дело?

Меня не столько боялись, сколько уважали за буйный нрав и прямое подчинение комдиву. А ещё за знаменитую драку с морпехами. Расступились, глядят волками.

– Кто такой, – спрашиваю у салаги, – с крейсера, что ли?

– С «Ушакова», БЧ-раз. – Губы дрожат, но в глазах горит огонь.

– Откуда родом?

– Из Ростова-на-Дону.

Это мне понравилось. Обычно донские казаки прикидывались ростовчанами, чтобы выжить – урки в армии и на флоте пользовались особым расположением. Но пейзане прокалывались на фразе «я с Ростова». А расспросишь – живёт в Семикаракорске, а то и на хуторе Пузыревка.

– А ты где в Ростове жил?

– На Западном, на Стачке.

– Зема, – заорал я, – земеля!

Это был первый настоящий ростовчанин за все четыре года!

– Так, – говорю, – отвалить от борта, это мой корефан, беру его под своё крыло!

Отец Игоря был ни много ни мало директором Ростовского междугородного предприятия: пассажирские перевозки по области, Северному Кавказу и прилегающим областям Украины и России. Но, на беду сыну, Абрам Львович во время Отечественной войны командовал танковой ротой, ходил в разведку, и довольно резонно считал, что если он сам не погиб на Курской дуге, то его сыну ничего не грозит в мирное время. Недоросль Фиштейн из-за собственной лени не закончил индустриальный техникум, куда он приезжал на собственных «Жигулях», и отправился прямиком на «апельсиновый флот».

Из флотского экипажа он попал в учебку на крейсер «Ушаков» – кто там бывал, знает, что это такое, сгущать краски не буду. Например, белая парусиновая роба – удивительное изобретение русского гения! Кругом сталь, медь, мазут, снаряды, погрузка-разгрузка, продукты на камбузе, масло под пайолами, но к утру чтобы всё было чистое и белое.

Какой там стиральный порошок! Сыплешь комковатый фосфат натрия из коробки, погружаешь в раствор, роба шипит, покрывается пеной, и остаётся только ждать, когда высохнет. Не успеет – будешь ходить в мокром. Гюйс должен быть не просто чистым, но и выглаженным. Когда – не колышет!

Отбарабанив полгода, Игорь приехал в Донузлав, поболтался на тральщике, был отмечен как прилежный рисовальщик и списан на берег, в штаб бригады. Отдельная комната с видом на море, чертёжные приборы, тушь, гуашь, и… Циркуль!

Так мы назвали котёнка, найденного ранней весной на пустом плацу поздно вечером. Как он туда попал, будучи не более месяца от роду, – непонятно. Маленький пушистый зверь серой мурочной масти с огромными мохнатыми ушами, длинными белыми усищами и непропорционально большой головой. Ходил он как-то боком, хвост постоянно торчал кверху, и нрав был у нашего Циркуля непростой. Отъевшись и освоившись в чертёжной, котёнок рос на глазах, играл бумажками и шкертиками, а однажды даже попытался поймать одну из шнырявших по углам крыс и едва не был съеден. Мы выручили его из беды в последнюю минуту. Долго гладить себя Циркуль не давал: шипел и кусался, хотя и вполсилы. На коленях сидел ровно столько, сколько емухотелось. Однако мылюбили и такую скотину – всё-таки живое тепло! Матросы носили ему кусочки мяса с камбуза, и хотя вход в чертёжную был строго запрещён,

Фиштейн позволял несколько минут посидеть и поиграть с котом.

Через два месяца котёнок превратился в хорошо сложенного, довольно крупного кошака. При ходьбе по спине перекатывались упругие мускулы, грудь выпирала вперёд, лапы были толстые и мощные. И вот Фиштейну пришла в голову фантазия прогуливать шкодливого и упрямого Циркуля по берегу: меньше будет дурной энергии, объяснял Игорь Абрамович. Как на грех, до этого Циркуль никуда из комнаты не выходил, даже в длинный коридор.

Мы положили его в противогазную сумку и понесли к морю. Был тёплый вечер. Мы перелезли через забор, открыли сумку и выпустили Циркуля на волю. Прямо перед ним плескалось Чёрное море. На песчаном пляже дрожали ветвями высокие кусты ольховника. С моря дул свежий ветер. Циркуль замер, шерсть на горбатой спине встала дыбом, уши легли вдоль туловища. Издав дикий вопль, кот подпрыгнул и пропал!

Через полчаса мы с трудом разыскали его в ольховнике. В руки кот не давался, выл, царапался и орал, не переставая. Пришлось накрыть его сумкой, сквозь брезент запихать внутрь и отнести в чертёжную. Там он, казалось, успокоился, даже пытался попить из блюдечка, но, увидев своё отражение в зеркале, взвыл и начал носиться по комнате, сшибая всё на своём горьком пути. Мы ничего не могли понять. Послали за Шурой-доктором. Басаврюк пришёл, дымя сигаретой и щуря левый глаз. Схватил пробегавшего мимо Циркуля. Кот неожиданно успокоился и, мелко дрожа, прижался к Шуре. Зрачки у Циркуля занимали всю площадь глазниц. Шура посмотрел ему в глаза, выпустил на пол. Мы рассказали, как было дело.

– Эх вы, – печально сказал Басаврюк, – угробили кота!

– Как это угробили?

– Вы что, не видите, что он с ума сошёл? Всё, труба, крыша поехала.

Мы не могли поверить. Шура объяснил, что просидевший два месяца в маленькой комнате кот считал мир существующим только в видимом ему объёме. Попав на огромный плоский берег, увидев ревущее море, Циркуль от страха сошёл с ума. Очень просто.

Шура забрал его в санчасть. Через час мы хоронили усыплённого кота на том же берегу. Фиштейн, растивший Циркуля с младых ногтей, был потрясён. Огладив холмик песка руками, он поднялся с колен, закрыл лицо руками и пошёл прочь. Мы его не останавливали.

Лазаретная любовь

В лазарете хорошо. Спишь, сколько сможешь, кормят по-флотски, вкусно и много. Всё заживает на мне как на собаке, только непрерывно ноют обмороженные уши и руки. Пальцы греют в парафиновых ванночках. Кожа с головы в некоторых местах слезла.

Медсестра Юля красива, как Венера Боттичелли. По вечерам я прихожу к ней в процедурную, сажусь за стеклянный столик, укладываю покрасивее на груди раненые руки. Она смотрит прямо мне в глаза, медленно-медленно улыбается, до того, что я краснею и чувствую, как сердце обрывается и неровно прыгает в груди. Во рту сухо, как в пустыне Такла-Макан. Она наливает мне чаю в белую керамическую чашку, наклоняясь над столиком, и в декольте белого халата, туго обтянувшего талию и бедра, я вижу две полных нежных груди в белых кружевных чашечках, обнажённые почти до самых сосков. Я не могу оторвать глаз, почти парализованный этим зрелищем, а она опять усмехается, не торопясь одёргивает халат и грудным крещендо произносит:

– Ну-у-у, что же мы молчим? Расскажи ещё что-нибудь, ты же у нас артист.

– О чём? – глупо переспрашиваю я. – Уже вроде всё рассказал.

– О девочках. У тебя есть кто-нибудь? – И усмехается проницательно. – А? Ну что же ты молчишь, мне скучно! Уйду сейчас, и сиди себе в палате.

– Нет у меня никого. – И неожиданно добавляю: – Кроме тебя. Юля машет на меня смуглой рукой, рассыпая из ложечки глюкозу.

Мы её добавляем в чай вместо сахара. Она неудержимо смеётся, встаёт, подходит ко мне, обнимает, гладит по голове, прижимает к своей небесной груди, целует в лоб и щеки, и я от счастья говорю ей прямо в горячие губы:

– Юля, я тебя люблю больше всего на свете, ты моя царевна-Лебедь! Выходи за меня замуж, душа моя!

Она вздрагивает и выпускает меня из объятий:

– Эх ты, всё испортил! Дур-рак ты! Ну ты и дура-ак…

– Почему, Юля, что случилось? Что я не так сказал?

– Отстань от меня! – Она вспыхивает, ходит по процедурной, захлопывает раскрытый журнал назначений, закрывает распахнутую дверцу стеклянного шкафа, подходит к чайнику и машинально включает его в сеть. – Тоже мне, жених. Ты на себя-то посмотри, зелень подкильная!

– Ну извини меня, я не то сказал, наверное. Извини, душа моя. – Я притягиваю её к себе и прижимаюсь щекой к тёплому упругому животу.

Она постепенно смягчается. Садится опять за стол напротив

меня, ласково похлопывает по колену:

– Дурачок ты, молодой ещё.

Ей двадцать восемь, и в Ново-Озёрном она не даёт никому. Она приехала из Красноярска – и что делает в этом Богом забытом месте – никто не знает. Она невероятно красива и по-своему, по-женски, умна. Фигура у Юли крупная, но лёгкая, талия тонкая при полных индийских бёдрах, зубы сияют, хотя и несколько великоваты, ручки маленькиеи нежные (именно ручки, как уцарицы, «цалом рончцы пани»; Юля Мрачковская – наполовину полька). Смеётся она так, что рядом вырастают цветы. Когда я читаю стихи, она закрывает глаза и почему-то гуляет по губам розовым языком, словно дразнит меня. Это о ней писал гений:

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела – что котёнок у печки,
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Через минуту мы обнимаем друг друга и успокоенно смыкаем уста. У меня кружится голова, в закрытых глазах плавают фиолетовые облака, в руках тёплая дрожь и волшебные Юлины груди… Раздаётся оглушительный хлопок.

Я, как при выстреле, кидаюсь по привычке на пол, прикрывая Юлю своим телом. Она, лёжа на спине, изумлённо оглядывается по сторонам.

– Так твою так, – кричит Юля, – казённый чайник спалили!

И ослепительно, поцелуйно смеётся.

Сквозь крашеный суриком пол прорастают тюльпаны.

Приказ по Крымской ВМБ:
«В/ч 92784.
Поселок Ново-Озёрный.
14 января 197… года.

13 января с.г. при выполнении поставленной учебно-боевой задачи по открытию боносетевого заграждения на внешнем рейде Донузлава произошло ЧП, в результате которого марсовые БСП старший матрос Михайлов, матросы Гарифуллин и Саламов оказались в воде. Матрос Саламов в результате неправильных действий экипажа буксира «Грозный», приписанного к порту Поповка, в течение двадцати шести минут находился в состоянии нулевой плавучести, получив обморожение и травмы средней тяжести. Старший матрос Михайлов был извлечён из воды

экипажем буксира «Грозный». Матрос Гарифуллин, проявив стойкость и мужество, совершил все необходимые действия для спасения своего товарища.

В связи со всем вышеизложенным приказываю:

1. За допущенную халатность и несоблюдение правил безопасного поведения на воде при осуществлении разведения боносетевого заграждения объявить дивизионному минёру в/ч 92637 капитану третьего ранга Дитятину В. Ф. выговор.

2. За проявленные стойкость и мужество при осуществлении спасательной операции объявить матросу Гарифуллину краткосрочный отпуск сроком на десять суток, не считая дороги, с выездом на родину.

3. Приказ зачитать во всех соединениях, частях и подразделениях Крымской ВМБ.

Командир воинской части 92784 (подпись) контр-адмирал Крылов».

Я перечитал приказ, полученный стармосом Земляникой из канцелярии, бросил его на стол и озадаченно спросил:

– Отпуск? А мне?

– А у тебя рука в говне, – опрометчиво съязвил Земляника.

Через секунду он вытирал кровь из разбитого носа и, отскочив в угол, грозил оттуда гауптвахтой и дисбатом. Я плюнул на палубу и вышел на берег.

БДК «Иван Рогов» – головной корабль проекта 1174 «Носорог» (по кодификации НАТО – Ivan Rogov class).

Водоизмещение (полное) 14060 т; длина 157,5 м; ширина – 23,8 м; осадка – 6,7 м. Скорость хода – 20 узлов, дальность плавания – 7500 миль на 14,5 узлах. Мог нести один батальон пехоты, 53 танка или 80 бронетранспортеров, 25 танков с плавсредствами. Вооружение: 1×2 ПУ ЗРК «Оса-М» – 20 ракет 4К33; 2×4 ЗРК «Стрела-3М»; 4×6 30 мм АК-630 (16000 сн.); 1×2 76 мм АК-726 (1000 сн.); СЗО «Град-М» (320 ракет); 4 вертолёта Ка-27 или Ка-29.

По своим возможностям БДК проекта 1174 сопоставимы с универсальным десантными кораблями типа «Мистраль», которые Россия закупает во Франции. «Иван Рогов» был порезан на металл в 1996 году.

Над морем висело холодное оранжевое солнце. Шторм окатывал берега победоносным прибоем. Ветер выл в

обледенелых снастях и телеграфных проводах, трещал пожухлой прошлогодней травой, торчащей из-под колючего снега, раскачивал массивные ворота с красными звёздами и якорями на КПП. Ворота противно скрипели.

– Ах ты, так твою так, – беспомощно выговорил я, стараясь не разреветься, – когда же это кончится?

Долго ль мне бродить по свету,
то в карете, то пешком?

Я вдыхал солёный влажный воздух, до обморока задерживал дыхание и постепенно успокаивался. Господи, четыре года я ем казённые харчи – а чего ради, неизвестно! Строгие зенитные ракеты С-200 с красными дюзами маршевых двигателей в раскалённом Египте; пузатый БДК «Иван Рогов», набитый морскими пехотинцами, озверевшими от безделья, ангольской духоты и червивой муки; плоские плавающие танки-гробы, ревущие корабли на воздушной подушке, неуклюжие гидросамолёты, роняющие потоки воды на акваторию; бухты и гавани Севастополя, набитые кораблями и личным составом сверх всяких мыслимых норм; тучи американских самолётов и вертолётов над нашими мачтами в открытом море; насмешливые морды негров, показывающих из открытых десантных люков лукавую порнуху и даже бросающих нам, дуракам, великолепные журналы, исчезающие в недрах котельных отделений вопреки всем усилиям замполитов…

Зачем всё это, зачем?! Мне бы уже МГУ пора заканчивать или в Киевской консерватории оперному вокалу учиться, а я…

И потекли в моей грустной голове медленные строки:

Северный берег Крыма
Здесь, по-моему, и не весна, а так…
Север Крыма – земля, не земля – известняк.
Холода, холода…
Посинела от холода в море вода,

и дрожит мелкой рябью,
гусиной кожицей волн,
будто море не тёплое рыбокрабье,
а в поле голодном замёрзший вол.

Южный берег шиньоном субтропиков
прикрывает лысину Севера:
горы, зелень, парады матросиков,

а сунься на Северный – безлюдно, беззверево.

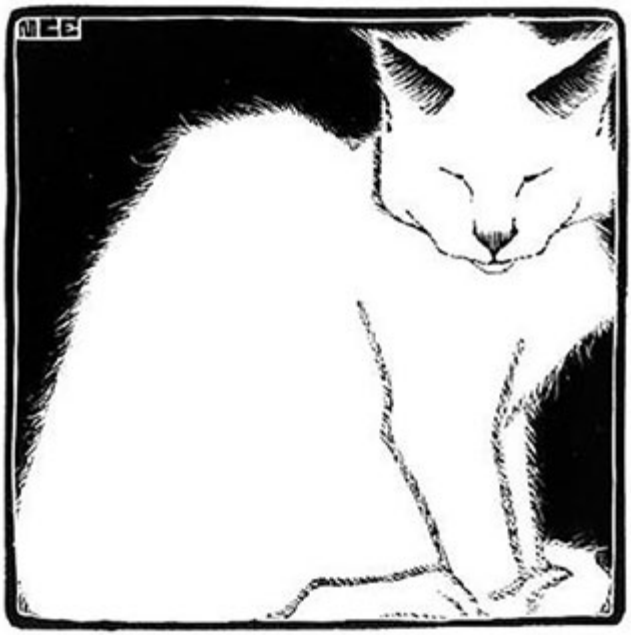
Обманули меня с этим Крымом, раем земным!
Крым – старуха с кокетливым гримом;
ну старухе ещё поцелуешь руки,
а грим – поди лобызайся с ним!

По ночам неожиданно красная
из-за маленьких гор большая луна,
как фальшивой медали грязная
оборотная сторона.

Донузлав – Ростов-на-Дону – Тюмень.

1981–1998

Рассказки и были



М. Эшер. Белый кот, 1918.

Гудаутские перепёлки

«Как птицу учует, так становится как мёртвый…
Ещё у Льва Николаевича Толстого был белый сеттер».

(О собаке из фильма «Белый Бим, чёрное ухо»)

Никита Хрущёв имел четыре класса образования, что не помешало ему стать главой советской империи. В туркменском гарнизоне мы, малолетки, распевали песню: «Хрущ, Хрущ, Хрущ, полна … груш». За что наши отцы-командиры объясняли всю неприличность подобного поведения с помощью рукоприкладства. Правда, весьма скромного.

Вальтер Ульбрихт, глава Германской Демократической Республики, якобы дружественной нам после Великой Отечественной Войны, имел более достойное образование, чем великий государь земли советской. Но так же, как и Хрущёв, Ульбрихт полжизни провёл на партийной работе. С 1953 по 1971 он был первым секретарём СЕПГ[8], то есть главой правящей партии Германии. И, кстати, соратником Эрнста Тельмана, одного из когорты коминтерновской державы, рассчитывавшей покорить весь мир.

Приступим к главной теме. Как же я познакомился с тем и с другим?

У нашего соседа, здоровенного дядьки, лётчика-истребителя Белова, была великолепная охотница на перепёлок, шотландский сеттер по кличке Дэзи. Белов на ночь почему-то запирал Дэзи в гараже, а мы со старшим братом потихоньку выходили из нашего дома, отпирали несложный замок и выводили охотницу во двор. Она виляла хвостом, прыгала от радости, облизывала нас красным языком, а мы шли почти два километра до штаба истребительно-авиационного полка на перепелиное поле. Там росла трава, от которой на голых ногах оставалась какая-то мерзкая смазка, что-то вроде солидола. Но, как говорили классики, охота пуще неволи. Мы бродили в полной темноте в густейшей траве, а Дэзи выискивала пернатых. В дополнение к тому у нас был фонарик, от которого птицы впадали в полный столбняк.

В Гудаутском полку до сих пор стоит потрясающий аэродром с длиной ВВП, если не ошибаюсь, три с половиной километра. Этот аэродром мог принять любой тип летательных аппаратов. За него воевали в начале девяностых грузины, чтобы захватить не только сам гарнизон, но и хранилище ядерных боеприпасов, находившееся в горах. Офицеры рассказывали, что во время боестолкновений у них едва ли не плавились стволы автоматов и ручных пулемётов. Но в середине шестидесятых никто не мог даже предположить, что до конца империи осталось не очень много лет. По моим сведениям, благодаря усилиям нашего доблестного правительства на одной из лучших в мире военных баз осталось около шестисот человек.

Но вернёмся к предмету разговора.

В конце ВВП располагался так называемый «Дельфинарий», или «Стекляшка», место увеселений офицеров. Сидим мы, дети военных, на галечном пляже, под самым подлётом истребителей, и держим воздушный удар самолётов, летящих на посадку со скоростью триста километров в час, и погружаемся в морскую воду на спор до самого упора: кто дольше выдержит? И, в очередной раз вынырнув из-под воды, под звуки замполитской радиоустановки с бессмертными советскими песнями типа «Орлята учатся летать», бегаем неутомимо возле прибрежного шоссе. И видим, как я сейчас понимаю, «Мерседесы» традиционного цвета. Мы начали махать руками, оттуда величественно ответили. Спереди и сзади ехало несколько машин охраны. Замполит объяснил нам, что прилетели Хрущёв и Вальтер Ульбрихт.

Такова была первая встреча.

Никита Хрущёв (слева) и Вальтер Ульбрихт. Bundesarchiv. Bild 183-B0115-0010-082. Foto: Schaar, Helmut l 15. Januar 1963.

Ночью мы с братом вновь отправились за сеттером. Дэзи начала выть издалека, почуяв близкую охоту. Достали собаку из гаража. Пошли через чайные плантации; малышка Дэзи бежала впереди, почти невидимая в абхазской мгле. Перед перепелиным полем она внезапно застыла, задрав правую переднюю лапу, и заскулила, будто ощущая беду, потом рванулась так, что мы едва успели отцепить поводок. Мы шли, не замечая ничего, охваченные азартом первобытного охотника, приносящего в дом добычу. На пирсе мы постоянно ловили смариду и ставриду, скумбрию или больших каменных бычков. Опыт был. На веранде после наших походов долго стоял аромат подсолнечного масла. Мама нами гордилась.

Дэзи в эту ночь словно чувствовала наш азарт, переходящий в инстинктивное следопытское рвение к поиску добычи. Мы почти бесшумно зашли в заросли, измазались травяной чернью, поскольку были в трико, закатанных под колено, и стали светить фонариком. Дэзи гоняла птиц, и в нашем сидоре, то есть брезентовом вещмешке, уже лежало четыре полупридушенных перепёлки. Пятую она успела загрызть, и пришлось её выбросить.

И тут поднимаются из зарослей здоровенные жлобы и молча начинают нас валить на землю, светя прямо в глаза фонариками несколько помощнее нашего. Мы не успели опомниться, как следом, пыхтя, отдуваясь и отрыгивая, выполз довольно упитанный пузатый мужчина с ружьём наперевес и заорал:

– Вы кто, бл…, такие?! Вы шо здесь…, …, по ночухе шляетесь, …, …, а?! Да я вас … сейчас…!

А следом выходит из тьмы худощавый гражданин в стильных очках и на довольно сносном русском говорит:

– Да бросьте вы, Никита Сергеевич, это же дети!

В общем, утащили нас к штабу (наша мама служила там заведующей секретным делопроизводством) и посадили в кутузку. Дэзи не

отходила от меня ни на минуту, прижимаясь к правой ноге. Когда кто-то из охраны Хрущёва пробовал на нас орать, она, добрейшее существо, не только рычала и лаяла, но даже издавала звуки, похожие на кошачий шип. Ульбрихт, чувствуя себя не в своей тарелке, притащил откуда-то кусок сырого мяса. Дэзи презрительно отвернулась. Тогда первый секретарь СЕПГ уселся рядом с ней на землю и сказал:

– Не будешь кушать, не сможешь помогать.

Молодой слесарь Никита Хрущёв с первой женой Ефросиньей Писаревой. Юзовка (Донецк), 1916 год. По воспоминаниям современников, так одевались юзовские рабочие по выходным. Квалифицированные рабочие в то время неплохо зарабатывали.

Собака искоса на него посмотрела, понюхала мясо и потихоньку начала есть – при этом она оглядывалась на руководителя ГДР и явно чувствовала в нём помощника в несчастье. Аккуратно покушав, Дэзи подошла к Ульбрихту и облизала ему дающую руку. Потом вернулась ко мне и улеглась.

В это время были в разгаре ночные полёты. Двигатели, работающие на форсаже, ревели, как раненые драконы и не давали никому покоя. Но мы-то ребята привычные. И задремали.

Под утро нас разбудили вертухаи, хмуро сообщив, что установили наши личности, и отдали нам не только рогатки, сидор с перепёлками и фонариком, но и драгоценную охотницу Дэзи. Она, кажется, так и не сомкнула глаз.

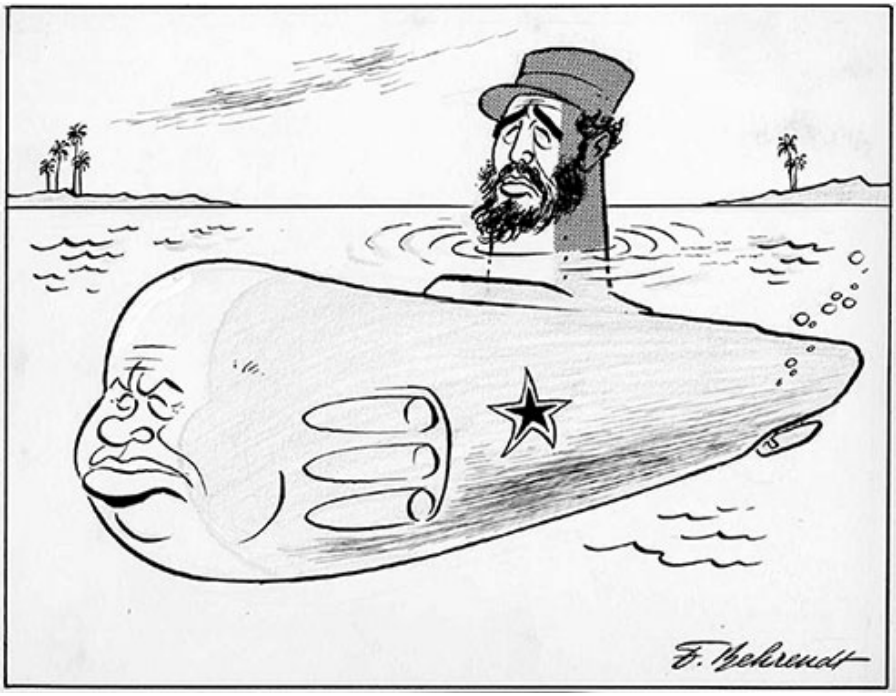
Вернулись мы с братом в военный городок часов в шесть утра, тайком оставили собаку на попечение хозяина и пошли домой.

Мама уже стряпала пирожки на газовой плите. Мы объяснили, что ходили на рыбалку, а по дороге поймали перепёлок. Вот они. Отец, заступавший на дежурство, вышел на веранду, послушал наши сомнительные объяснения, рассмотрел

тушки птиц, и через минуту, как всегда тщательно обдумав слова, произнёс:

– Марш спать, следопыты!

Так окончилось моё знакомство с лидерами двух государств. Впрочем, ни о чёмнежалею. Аптички былиочень жирныеивкусные, только выщипывать пух-перо маме пришлось очень долго.



Карибский кризис 1962 (карикатура из голландского журнала того же времени).

Н. С. ХРУЩЁВ

(15 апреля 1894 г., Калиновка, Курская губерния – 11 сентября 1971 г., Москва)

Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 годы. Герой Советского Союза, трижды Герой Социалистического Труда.

14 октября 1964 г. в Москве отстранен от власти на Пленуме Центрального Комитета КПСС. Кстати, перед этим Хрущев как раз отдыхал на правительственной даче в Пицунде, в Абхазии. Заговорщики (практически вся правящая верхушка) «пригласили» его на Пленум, где и объявили ему о снятии с должности. Это был первый случай в советском руководстве, когда первое лицо уходило с поста при жизни. Никита Сергеевич стал персональным пенсионером и прожил под негласным надзором спецслужб до смерти в 1971 г.

ВАЛЬТЕР УЛЬБРИХТ (Walter Ulbricht)

(30 июня 1893 г., Лейпциг, Саксония – 1 августа 1973 г., Восточный Берлин, ГДР)

Генеральный (с 1953 Первый) секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в 1950–1971. Инициатор строительства Берлинской стены в августе 1961 г. Герой Советского Союза (1963).

Кавалер ордена Ленина (1963), ордена Октябрьской Революции, орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степени, ордена Трудового Красного Знамени, ордена Дружбы народов.

В 1971 подал в отставку со всех постов «по состоянию здоровья», заявление было написано под давлением Брежнева. До своей смерти занимал номинальный почетный пост председателя СЕПГ.

Конкистадоры из Гудауты

В юном возрасте, когда мох тления ишшо не тронул свежих ланит мягкой лапкой домового, был я канючлив и любознателен, вечно увязываясь за старшим (на 4 года!) братцем отнюдь не кроликом в егошастанья поокрестным зарослям. А зарастать в Гудауте было, ох было чему и чем! Лианы, травы, бамбуковая роща, нескончаемые деревья, кусты со стальными шипами и колючими ветвями, громадные мишени пауков-крестовиков, только что не шипевших на прохожих и не плевавших ядовитой слюной, как те кобры. И змеюк хватало.

И вот в один из походов я увязался следом за старшим, клятвенно пообещав, что ныть и канючить не буду, а наоборот, буду справным казаком, для чего на всякий случай взял с собой тайком ма-а-а-а-ленький столовый ножик размером с маленькую саблю. Клинок самый настоящий, навроде билетов Мавроди: пилит, но не режет, зато способен рубать в капусту.

И пошли они, солнцем палимы. Голимы пилигримы в шортиках. А за ВПП (взлётно-посадочной полосой) начинались густые заросли бушующих трав, безжалостных кустарников, одичавших виноградников, где лозы толщиной в руку и прочия тропическия прелести натуры, не знающей на себе благодетельного действия человеческого разума (и на том спасибо!). Мы углубились в заросли, но поход наш был недолог. Подобно доблестным конкистадорам, мы прорубали в зарослях путь в неведомые просторы, ища краткий путь к морю, на мыс под страшным названием Серая Баба.

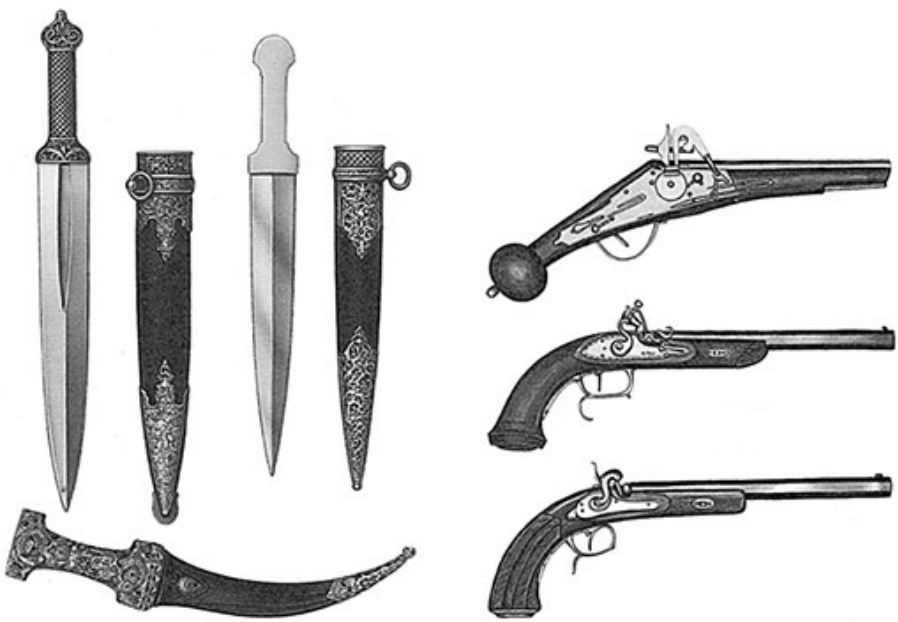
Но натуре было суждено вмешаться в героический поход горстки отважных лыцарей без оселедцев и шаровар. Когда старший брат в очередной раз взмахнул учебно-боевым мачете, в воздух из круглого серо-жёлтого шара взвилось жужжаще-гудящее облако и ринулось на отважных путников. Лица их во мгновение ока были облеплены безжалостными насекомыми и стремительно превратились в багровые шары. Лишь поздняя догадка арьергарда, поджёгшего походными спичками сие вместилище жестокого и беспощадного яда, спасло авангард от неминуемой гибели.

Лейла Саламовна и Айдар Махмутович Исмагиловы, 1962 год.

Мама была, мягко говоря, удивлена внешним видом двух братьев, доковылявших до аэродромного шлагбаума и доставленных «дежуркой» до дома, дабы не пугать обывателей видом сим. За два последующих дня яд как-то сам собой рассосался, и домашние арестанты, сбежав на море за три километра, предались милой пейзанской утехе, уподобляясь скромным рыбарям полутропической родины своей. Что, впрочем, в геометрической прогрессии отразилось на площади младых полушарий, служивших не только для сидения на песчаных пляжах. Увы!..

Дед Салам, ППШ и царские самовары

Кубачинские и Амузгинские кинжалы, сабли и клинки не ржавели и не портились с годами, чего нельзя было сказать с полным утверждением об оружии иранских мастеров. Почти всё вооружение было инкрустировано золотом. После завершения знаменитого Бородинского сражения был отдан приказ военным маркитантам не оставлять на поле брани ни одного холодного оружия. Специальные команды интендантов ходили по месту былого сражения и собирали сабли и кинжалы.



Дагестанские ружья… были инкрустированы тонкими золотыми узорами. Правда, дальность стрельбы у них была всего 100 метров. Кстати, для дуэли поэта Михаила Лермонтова с приёмным сыном французского посла де Барантом в 1840 году были выбраны именно дагестанские пистолеты.

(Из энциклопедии оружия)

В далёкие времена прошлого века дед Салам работал военным инженером на Военведе в Ростове-на-Дону. Вообще-то он был дагестанским ювелиром и вдобавок оружейником. Делал кинжалы традиционного, тысячелетнего качества, до сих пор продающиеся на аукционах всего мира. А перед Великой Отечественной войной взяли его конструктором, как сейчас бы

сказали, на военно-промышленный комплекс.

Что-то он такое изобрёл, о чём никогда не говорил, и Молотов, соратник Сталина, лично вручил ему премию плюс итальянский мотоцикл! Это было по тем временам вроде нынешнего «Мерседеса».

У деда было тогда трое детей, и он затеял, согласно кавказской традиции, строительство дома. Сначала дед Салам построил маленький трёхкомнатный домик для строителей и семьи, а на участок размером в 16 соток завёз огромное количество стройматериалов, чтобы возвести двухэтажный дом. И тут началась война.

Бабушка Хадича Абдурахмановна рассказывала, что в сорок первом году в дом вломились красноармейцы и забрали все стройматериалы для баррикад на улице Мечникова. Пообещали под расписку, что вернут их стоимость после войны. Жду до сих пор.

Немецкие танки разделали баррикады под орех, и солдаты вошли в наш домик. Бабушка говорила, что было, как в кино: закатанные рукава, винтовки, но при этом от них так воняло потом, что её чуть не стошнило.

Офицер достал разговорник, нашёл нужное место и спросил:

– Мамка, млеко, куры, яйки есть?

Бабушка возмутилась:

– Постыдись, сынок, у меня пятеро по лавкам лежат!

И закричала:

– Зибагир, Тагир, выходите!

Вышли перепуганные дети. Молодой офицер посмотрел на них, ухмыльнулся, отдал команду, и немцы пошли дальше. Это был первый захват Ростова-на-Дону. Город переходил из рук в руки несколько раз. Дед Салам ушёл на войну, вернулся раненным и контуженным, с орденами и медалями, а семья пережила оккупацию, сажала кукурузу и картошку на дальних полях, и как она выжила не знаю. Как ни странно, в шестидесятые-семидесятые годы мама, Лейла Саламовна, работала в секретном делопроизодстве в разных гарнизонах и даже в штабе авиации Северо-Кавказского военного округа, тщательно скрывая сам факт пребывания в оккупации, что при Советской власти считалось чуть ли не государственным преступлением.

Отец отслужил в авиации свои двадцать пять лет и вышел в запас. Мы вернулись из Гудаутской военной базы в Ростов. После военного городка с его закрытым режимом и достаточно интеллектуальными жителями меня поразили громадные серые заборы, злющие собаки, лаявшие из-под них, и жлобские законы.

В первый же школьный день, идя домой и размышляя о философии Гегеля, – а было мне 14 лет, – я увидел пацана, вышедшего прямо навстречу. Он бросил под ноги футбольный мяч и ударил прямо мне в грудь. Я вернул ему удар и сказал интеллигентно:

– Ты что, сдурел, что ли? Я тебе щас морду набью!

И тут вышли четыре ростовских жлоба. Они шли неторопливо, вразвалку. На спине у меня был ранец из коричневой кожи, и я сразу снял его. Законы драки мне были хорошо известны. В ранце лежали учебники и тетради, и тяжёлая вещица служила хорошей защитой.

Жлобы подошли вплотную и, попыхивая «Беломором», поинтересовались:

– Ты шо мальца обижаешь?

– А вы кто такие?

– Мы ростовские, а тебя первый раз видим.

– Ну и что? У меня за спиной пистолет, между прочим!

И они начали меня бить.

Выручал ранец. Я шарахал им направо и налево, стараясь не упасть. Малец, которого я видел боковым зрением, стоял в стороне и смеялся. Я до того разъярился, что лупил по наглым мордам не глядя и отбивался ногами.

Совершенно неожиданно нападавшие побежали через улицу Мечникова и заорали:

– Гля, пацаны, он чиканутый! Хиляем!

Пошёл я домой, украшенный синяками. Пожаловался брату, кандидату в мастера спорта по дзюдо. Он только усмехнулся:

– В следующий раз свисти.

– Как это?

– В свисток! Услышу, прибегу. Не дрейфь, ещё не то будет! Или возьми с собой оружие.

Вот я и мечтал носить с собой, конечно, не громоздкий пистолет-пулемёт с неудобным круглым магазином, но хотя бы ТТ. Тем более, что рядом с нами, в подвале на углу романтической улицы 8 марта, испытывали свои смертоносные игрушки братья Толстопятовы, «ростовские Фантомасы», как их называли. Они грабили инкассаторов и обычно оставляли мешок с мелочью вместе с издевательской запиской: «Это вам на чай».

А тут ППШ!!! Было, от чего обалдеть.

В Ростове дровами печку не топят, леса мало. Так называемые «колдуны» – дальнобойщики, перевозчики угля из Донбасса – буквально в каждый дом могли привезти пять тонн топлива прямо на участок. В то время существовал такой своеобразный бизнес. Конечно, водители рисковали попасть в тюрьму за

незаконный промысел. Тем не менее они привозили антрацит для простых людей.

Однажды пошёл я в угольный сарай за углем и обнаружил, что запасов топлива осталось приблизительно на неделю. Начал копать в дальнем углу, где угля было побольше, и неожиданно услышал стук металла по металлу. Задумался. Что тут ещё такое? Надел рукавицы, разгрёб антрацит и с изумлением обнаружил… самовар! Бабка Хадича всегда готовила чай именно на самоваре во дворе, и он пыхтел, олицетворяя собой домашний покой и уют. Но откуда самовар в угольном сарае? Вытащил его, слегка почистил, посмотрел на лицевую сторону: «Фабрика Баташова»! Присмотревшись, нашёл несколько медалей, среди которых была такая надпись:

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НИКОЛАЮ ВТОРОМУ ОТ БЛАГОДАРНАГО ДОНСКАГО И ТЕРСКАГО КАЗАЧЕСТВА».

Вот это, думаю, да! Начал рыть дальше. А вот и второй самовар… Керосиновый! То есть вместо топки для дров стояла в нём внизу горелка, и он на ней работал. Ну-ка, думаю, может, ещё что-то есть? В антраците, интересуясь и увлекаясь астрономией и палеонтологией, я не раз находил отпечатки древних рептилий и

даже их фотографировал. Но это следы миллионнолетней давности, а тут – интересные вещи недавних лет. Рыл и нарыл! Вытянул из угля какой-то брезентовый мешок, раскрыл его и обнаружил там АВТОМАТ ППШ!

С оружием я был знаком с детства, родившись и выросши в гарнизонах, и восхищению моему не было предела.

Я тщательно протёр керосиновой тряпкой ствол, затвор и магазин, а второй, с техническим спиртом – приклад, дослал патрон в патронник и бабахнул в небо. Чуть не оглох. Побежал на улицу с удивительным названием Смотровая и стал играть в войнушку, мечтая встретиться с той оравой, которая меня чиканутым назвала.

И не заметил, что отец идёт с работы.

Он подошёл сбоку, присмотрелся, и спросил:

– Сынок, а ты что тут делаешь?

– В войнушку играю!

– А что это у тебя на плече? Автомат, что ли? Ты где его взял?

– В угольном сарае раскопал. И два царских самовара.

Всего второй и последний раз в жизни отец шарахнул мне по заднице. И приказал немедленно идти домой, сняв с меня ППШ. Через несколько лет после этого он забрил меня – в буквальном смысле, наголо, бритвой «Золинген» – в армию.

На самоварах мама, работавшая на «Ростсельмаше», какой-то кислотой в цеху свела на нет черноту, потом долго драила, и все надписи проявились окончательно.

А дед Салам после войны при переплыве через Каспий в Туркмению был обокраден, потерял все ювелирные изделия, ордена и медали, и семья осталась без средств. Там я и родился. Но это уже другая история.

Советский пистолет-пулемёт Г. С. Шпагина образца 1941 года с дисковым магазином.

Справка:

ППШ, или пистолет-пулемёт Шпагина, был заложен как идея ещё перед войной. Был, по-нашему говоря, тендер: Шпагин, Шпитальный, Судаев, Дегтярёв. Шпитальный в результате переключился на изготовление авиационных пулемётов, Судаев

сделал лёгкий и удобный автомат, применявшийся в десанте, а Дегтярёв спроектировал гениальный пулемёт с дисковым магазином, применявшийся даже во время афганской войны. Я стрелял из него в 1974 году. Кроме того, в 1939 году Дегтярёв создал модернизированную модель своего пистолета-пулемёта, абсолютно похожего на ППШ. Коробчатый магазин был ёмкостью 73 патрона. Но ППД был сложен в производстве, а ППШ изготавливался методом холодной штамповки. За время Отечественной войны было сделано более 5 миллионов экземпляров.

Основным лёгким стрелковым оружием как наших войск, так и немецких, были карабины и винтовки, у наших даже допотопные мусинские девятнадцатого века, но вместе с тем и современные тогда тульские ТОЗовские (самозарядные винтовки). У немцев – карабины фирмы «Маузер». Шмайсер был, конечно, гениальный конструктор, но это московские киношники представляли немцев шагающими в бой с автоматами наперевес. А солдаты вермахта поголовно были вооружены именно карабинами. Автоматы были на вооружении спецназа и десанта.

В тюменском краеведческом музее была открыта выставка оружия от древних до нынешних времён. Почётное место занимает ППШ.

«Урал-375», Ерошка и два шпиона

Часть первая

Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя живёт…

(Из популярной песни, посвящённой дружбе с арабами и строительству Асуанской плотины)

По иронии судьбы зенитно-ракетный комплекс ЗРК С–75, стоявший на вооружении ПВО Египта, назывался… «ВОЛГА»!

Две эти истории произошли во время подготовки и после окончания войны в Египте в 1973 году. «Урал-375» – потрясающий аппарат, с которым я познакомился по прибытии в Киевскую бригаду зенитно-ракетных войск. Сейчас на нём стоят дизеля, а тогда были карбюраторные двигатели с 92 (!) бензином. В народе его прозвали «обжорой» за громадный расход дорогущего топлива. Зайдя в парк с инструктором, мы обнаружили кладбище стоящих на деревянных колодках громадных монстров, практически новых, но обездвиженных. Инструктор ткнул пальцем в правый угол громадного ангара и сказал:

– Этот – ваш!

В довольно большом сомнении посмотрел я на этот полугроб и подумал: как же его с колодок снимать?

«УРАЛ-375Д». От модели «Урал-375» отличался только цельнометаллической кабиной. Полноприводный грузовой автомобиль повышенной проходимости. Производился на Уральском автомобильном заводе в Миассе с начала 1960-х годов. Использовался для транспортировки личного состава, грузов и как шасси для ударного вооружения (систем залпового огня Град и др.).

Первую свою почётную грамоту я получил за ремонт головки блока цилиндров, но, к сожалению, там не было сказано о том, что сначала нужно было стащить громадную машину в одиночку на бетонное покрытие, после чего перепроверить состояние всех систем, а далее – везде! Двигатель перебрал, слил масло из картера, заправился на КТП, куда мой ракетовоз притащили на «ГАЗ-66», поправил зеркала и поездил по гарнизону. И тут наступил сентябрь 1973 года. Египет, Сирия и другие арабы решили вернуть историческую справедливость, нанеся удар по Израилю!

Командиром бригады был польский граф Осмоловский. Имел две Красные Звезды за Вьетнам. Выйдя на плац, он хмуро посмотрел куда-то вдаль и сказал:

– Товарищи офицеры, прапорщики и личный состав! Готовьте свои внутренние резервы и технику. Нам предстоят большие события.

В этот момент из входа в КПП показался бодрый и весёлый

особист майор Мухасанов. Видно было, что комбриг спиной почувствовал его приближение, и продолжил:

– Вы, надеюсь, помните: генералиссимус Александр Василич Суворов говорил, что побеждать надо не числом, а уменьем. Приказываю! Все лишние занятия отставить, проверить матчасть до последней гайки, лесные дивизионы привести в полную готовность, склады проверить, обеспечить запасы топлива и ГСМ. Особенно настаиваю на защите хранилищ, а вас (и он обернулся к бодрому особисту, торчавшему за спиной) попрошу особенно внимательно приглядывать за режимом, а то у нас такие бойцы-удальцы…

Тот ухмыльнулся и ответил: «Есть!».

Ракета ЗРК С-75М «Волхов» на пусковой установке СМ-90.

Мы, переминаясь в строю, толком ничего и не поняли. Понятно было одно: комбриг хотел поставить боевую задачу, но это делают на совещаниях с офицерами, а он хотел довести её до всех сразу, потому что жалел нас, сопливых салаг. Только сейчас, через тридцать с лишним лет, начинаю это понимать.

Началась обычная суета, все разбежались по своим делам, а я никак не мог понять: что же нам предстоит? Ближе к полуночи нас подняли по тревоге. Поехали в лес, начали грузить на «Уралы» маршевые двигатели ракет с красными дюзами. По три изделия. Вышли на шоссе в сторону Пущи-Водицы, и тут нам приказали остановиться. Особист как заведённый обходил каждую машину, заглядывал в кабину. Пошли дальше, и километров через двадцать чувствую, что мой аппарат кренится на правый борт.

Останавливаться нельзя, но если изделия свалятся, то мало

не покажется. Сворачиваю на обочину, тут же подскакивает «УАЗ» военной автоинспекции с начальником автотракторной службы, и начинаются вопли. А что я могу сделать?! Одному тоже нельзя оставаться. Подошёл предпоследний «Урал», и оттуда вылез развесёлый друг мой из Вологды по прозвищу Ерошка. Начальник АТС приказал ему вместе со мной срочно ликвидировать аварию и следовать дальше. А что нам-то? Под козырёк!

Тут Ерошка спрашивает:

– Шина лопнула?

– Не знаю, я из машины даже не вылезал.

– Давай подмогну. Топор есть?

– Ты что, с ума съехал? Зачем тебе топор?

– А что у тебя есть?

– Да вон карабин со штык-ножом, бери и пользуйся.

– Выходьизкабины, – говорит Ерошка, отмыкая кнопкой штык-нож.

Вышел. Густела мгла. Фары наших машин освещали чуть ли не полкилометра дистанции. А Ерошка что-то мычал себе под нос, возясь в кабине под слабым светом тусклого кабинного фонаря. Потом попробовал: работает, и начал подавать давление на шины.

В этот момент я заметил, что справа в кустах кто-то шевелится. Будто курица. Зрение у меня было, что называется, ночное: более одной единицы. Поэтому разглядеть вражескую натуру не представляло труда.

И в сплошной темноте замечаю белый блокнот, бесшумно подхожу к Ерошке и говорю:

– Слышь, Ероха, по-моему, у нас в кустах организовался какой-то агент!

Ерошка оторвался от переключателя, задумался и сказал:

– Я однова иду из школы, баба на меня уставилась и говорит: хочешь, я тебе мандушку покажу? Пошли в кусты. И показала. Ажник три раза! Дак тебе, может, тоже блазнится?

– Ерошка, бери карабин, яодин непойду! Там точно кто-то сидит. И не шуми.

Мы зашли с тыла. Ерошка – прирожденный охотник, ходил на уток с отцом с одиннадцати лет. Да и рост у него не то что у меня, метр с кепкой, а почти сто девяносто. Он первым кинулся на агента и чуть его не задушил. Даже пытался его застрелить, еле-еле я их растащил. Блокнот мы отняли, а там – полный список нашей колонны! По цифрам. Вот тебе и благословенная Украина.

Ерошка немного передохнул, слегка побил агента, снял армейский ремень, завязал этому гаду руки за спиной, и мы

потащили его к нашим «Уралам». А тут – здравствуй, жопа, Новый год – особист и военная автоинспекция (ВАИ). Вы, мол, что тут делаете, щас под расстрел! А мы показываем на агента. Наши начальники, конечно, на похвалы не щедры. Но тут растеклись. Первым делом пообещали каждому по «зэбэзухе», то есть по медали «За боевые заслуги». Помощник особиста произвел обыск агента, нашёл то, о чём я и сейчас не знаю, да и кто бы нам сказал? Ерошка сидел на обочине и курил. Вернули ему ремень, поблагодарили, мне пообещали почётную грамоту. Спасибо! До сих пор жду.

Мы с Ерошкой вернулись на базу, нам дали отоспаться. Вышли поздним утром на зарядку, подтягивались, болтали обо всём на свете и забыли напрочь о происшествии. И тут звонят из штаба бригады. Вызывают нас обоих.

Особист был, как всегда, розовощёк, деловит и подтянут. Он попросил нас присесть и начал, с наслаждением затягиваясь американским «Кентом», вопрошать:

– Ну и как вы его нашли?

Мы молчали. Кого нашли? Да фиг его знает! А на такие вопросы лишних ответов лучше не давать. Это мы уже усвоили. Всё же не мотопехота, а ракетные войска.

Особист уточнил:

– Как вы шпиона американского обнаружили?

Тут мы почти в два голоса заорали: да случайно, подкачка отказала, делали ремонт, а на борту у каждого по три двигателя, вот и нашли!

– В кустах?

Мы задумались. Ну, конечно, не совсем в кустах, а в придорожной канаве. Но трава была густая. Там не то что шпион, а целый взвод мог запрятаться. Особист повторил вопрос, не надеясь на ответ. Действительно, как в абсолютной темноте можно обнаружить человека? Но в девятнадцать лет ночью можно даже белку на сосне увидеть!

Ерошка сделал вид, что припоминает обстоятельства, и сказал:

– Дак, товарищ майор, мы же не могли машины с изделиями оставить, но они же на обочине, а пока ремонт подкачки делали, то и услыхали, что какая-то животина шевелится. Любовь уходит и приходит, – добавил он неожиданно зычным голосом, – а кушать хочется всегда! Думали, может, гусь дикий. Застрелим и пожарим.

– А куда бы патроны списывали? – ехидно спросил особист.

– Выпал случайно из обоймы при перезарядке!

– Ладно, молодёжь, идите. С вами, вижу, не соскучишься.

И мы пошли не скучать. Помолчали примерно три минуты, потом Ерошка зевнул, осмотрелся по сторонам, покопался по карманам и спросил:

– А нам медали дадут?

– Две, – ответил я, – и обе посмертно.

– Тогда, может, в самоход? У меня есть.

И мы отважно и торжественно перелезли через забор возле третьего поста, охранявшего арсенал со всякой артиллерийской начинкой и химией, и отправились в Даниловку. Там мы взяли всё, что положено отважному советскому солдату, уселись на бережку и, як кажуть на Украине, тришечки ковтнулы.

Ерошка задумчиво пожевал петрушку, добавленную к покупке, и сказал:

– Слушай, чё он от нас хтел?

(У него было такое специфическое произношение, иногда без гласных).

– А я откуда знаю? Мы с тобой памятник Ленину строили? Я трансформаторную подстанцию сооружал? А трибуну для командиров? Да! Мы люди невеликие, служим себе помаленьку, иногда грешим, конечно, однако не более начальства. Тем более, графа Осмоловского я уважаю изо всех сил, а замполита – нет! А насчёт особиста – лучше помолчим.

Не знал тогда юный салага, что пойдёт в Высшее военно-морское политучилище…

Часть вторая

Прошло несколько месяцев. Вернулись мы из очередного самохода тем же путём. Перемахнули забор, часовой сделал вид, что никого не видит. Зашли в казарму, разошлись по койкам. Потом вспомнили, что ничего до сих пор не ели, и отправили молодого таджика в столовую. Только он пришёл, как взвыла сирена. Подъём, раздача оружия, оттуда в автопарк. Завели транспорт, открыли запа́сный (именно не запасно́й, а запа́сный) выход из парка, и целая колонна из тяжёлых машин двинулась в лес. Снега были богатейшие. Артиллерийские тягачи иногда тащили бензовозы на себе, в том смысле, что на буксирных крюках. По дороге выяснилось, что в лесном дивизионе сгорели семь человек. Пусковая установка тоже. Человек пятнадцать получили тяжкие отравления окислителем (в химии плохо разбираюсь, но помню, что это вроде бы присадка для ракетных двигателей).

В этих местах, напомню, состоялось примерно в это же время года последнее сражение декабристов образца 1825 года с

правительственными войсками. Под Васильковом, городом Киевской губернии, в этом снегу полёг Черниговский полк, расстрелянный артиллерией.

В снегах тащились мы долго. Однажды из-за этой проклятой погоды наш караул стоял двое суток без смены!

Итак, спасли мы всех оставшихся, сами отравились. Противогазов не хватило. Кругом – корабельный лес. Деревья метров под сорок высотой, чистый кислород, а нас выворачивает наизнанку.

Но далее – история о втором шпионе.

ЗРК С-75 «Двина» (ГДР): ТЗМ ПР-11АМ на шасси ЗиЛ-157КВ.

Отправили меня туда же, в лес, караулить хранилище – «ЗИЛ-157» с двумя ракетами на каждом борту. Хожу вокруг, осматриваю окрестности, проверяю по привычке печати на дверях и вдруг с ужасом вижу, что створки приоткрыты! И печать сорвана. Я побежал под «грибок» – так называется столбик с квадратной крышей, где находится телефон связи с начальником караула. Трясясь от ужаса, я крикнул:

– Товарищ лейтенант, боевая тревога! Преследую преступника. Хранилище вскрыто.

Снял тулуп, зарядил патрон в патронник, побежал (скорее, пополз) по следам. Издалека увидел весьма неторопливую в движении фигуру, довольно легко идущую по снегу. Я удивился. Оказалось, у него на ногах было что-то вроде так называемых легкоступов, или широких лыж. Ондаженеоглядывался. Отстав немного, япопытался сообразить, что же делать. В лесу оказалась прогалина, не засыпанная снегом. Свернул влево, пробежал метров восемьсот и увидел шпыгуна (шпион по-украински).

Он спокойно, не торопясь, шагал в сторону Плисаков. До меня дошло, что нужно увидеть, куда же он движется. На окраине села Плисецкого, коему сам Гитлер вручил грамоту за образцовый порядок, я увидел, что агент огляделся, подошёл к дому, постучал в окошко. Дверь долго не открывали. Свет погас. Потом кто-то осторожно спросил:

– Хто?

– Миська!

– Зараз.

Свет из-за двери вспыхнул. Как только дверь открылась, я побежал, стараясь не упасть, и заорал:

– Стой, стреляю!!!

Бабка и агент оцепенели.

Тыкая стволом в их сторону, я приказал бабке зайти в дом, а «Миське» – стоять на месте. Вот здесь и наступил самый трудный момент. Замёрз как собака, а когда придёт подмога, неизвестно. Но пришёл сигнал. Со стороны закрытого шоссе я услышал гул моторов. Фары светили во все стороны, а я не мог сдвинуться с места: нужно было держать гада под прицелом. Минут двенадцать машины искали нас, нашли, выскочили командиры, и тут я понял, что сил больше нет. Руки и ноги дрожали, задувал промозглый ветер.

Когда подбежали начальники с помощниками, я не смог сдвинуться с места. Кто-то из сержантов пытался вырвать у меня карабин из рук, но, помня устав, я слепо тыкал во все стороны, отказываясь отдать вверенное мне родиной оружие. В конце концов военврач прямо в ухо закричал:

– Товарищ Садат! Очнитесь!

Очнулся. Оглянулся. Агента уже не было. Меня потащили в «уазик», содрали шинель, растёрли спиртом, примерно полста граммов влили внутрь организма. Тепло разлилось по телу. Размяк. Примерно через два часа мы приехали в штаб. Там состоялось, мягко говоря, собеседование. «Как вы, товарищ Исмагилов, оставили боевой пост? Почему вы бросили овечий тулуп? Служебное имущество! Как вы умудрились, преследуя вероятного агента разведки, пройти за ним шесть километров?».

– Вообще-то, – отвечаю, – у меня первый разряд и по бегу, и по вольной борьбе. Во-вторых, как учил Суворов, нужно побеждать не числом, а уменьем. В-третьих, товарищ майор, неужели вы думаете, что советский солдат может просто так бросить не только боевой пост, но и, как вы говорите, служебное имущество? В-четвёртых, что меня ожидает: медаль, гарнизонная гауптвахта или комендатура за все мои так называемые подвиги?

Майор ухмыльнулся и пояснил, что медаль мне приснилась.

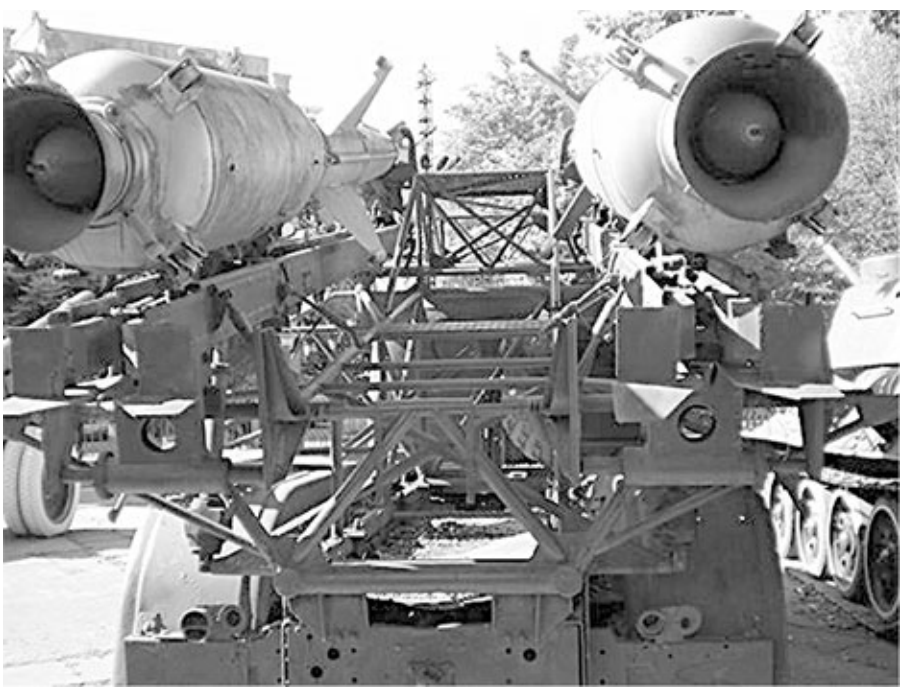
По поводу имущества вопрос будет снят: тулуп нашли. Что касается гауптвахты, это гарантировано, хотя есть варианты. Если грамотно объяснить, каким образом нашли шпиона в сосновом бору, то – награда. В противном случае – дисбат.

Минуты три я думал, что же отвечать этому… м-ку. И не нашёл ответа. Что-то путано объяснял, а потом вспомнил капитана Тушина из «Войны и мира». На что майор ответил в том смысле, что вы не капитан, а скромный рядовой. Пока. Во-вторых, предлагаю вам сотрудничество: вы будете докладывать о разных беспорядках в части, а я закрою глаза на то, что вы нарушили все уставы воинской службы.

– Товарищ майор, это как понимать?! Вражина преодолел три полосы защиты, кругом колючая проволока, часовые ходят с автоматами, бежал почти шесть километров, и я же виноват?

– А теперь вы объясните, как преодолели те самые три полосы, – сказал майор, – тем более с часовыми?

– Запросто! Хотите, поедем, и покажу?



Ракеты на тягаче. Вид сзади.

Он воткнул сигарету в хрустальную пепельницу и ответил:

– Не надо! Вижу и так. Подготовка хорошая. Где, кстати, проходил до службы, по какому ведомству?

– «Динамо».

– Послушайте, – сказал майор. – вы похожи и на еврея, и на

русского, и на кавказца, да на кого угодно. Это великолепная легенда. Способности к языкам вне всяких похвал: английский, украинский, польский, а там испанский с португальским выучите. Предлагаю вам поступить в высшую школу КГБ.

Я не знал, что отвечать, потому что помнил, как в штабе авиации Северо-Кавказского округа один из бывших сослуживцев моего отца, генерал-лейтенант, лениво говорил мне:

– Ну на что вам военный институт иностранных языков? Будете каким-нибудь третьим советником, а потом атташе в посольстве, а ещё хуже – в консульстве Зимбабве или Эфиопии. Поступайте лучше в инженерное училище или в авиационное, вы же потомственный офицер!

Я сдуру поехал в Ригу, в инженерно-авиационное. И провалился на математике. И вот сейчас, когда мне предложили стать курсантом «вышки», я растерялся. Что отвечать особисту, умеющему задавать неожиданные вопросы салаге восемнадцати с половиной лет? Тем более, что никакой вины я за собой не чувствовал. Но отказываться, как положено, нельзя. Покивал головой, а через неделю подал документы в Киевское высшее военно-морское училище. И пошла другая полоса жизни. Особист был в ярости. Но бумаги уже ушли. Так я стал военным моряком.

А шпионов потом судили, но, слава Богу, не расстреляли. Крови их на моих руках нет.

Восьмое марта, или Морской буксир № 43

Лет двадцать тому назад я отпраздновал так называемый Международный Женский день дважды за одни сутки, причём оба раза на воде. Вот как это было.

Иногда навигация на Дону продолжалась круглый год. Если морозы не сильные, то и река, и Азовское море не замерзают. Теплоходы «река-море» легко справляются с мелкими льдинами, тяжёлые буксиры типа «Озёрный» помогают им пробиваться вверх к Ростову-на-Дону и дальше, к Цимлянскому морю, позорному наследию сталинизма, широкому и плоскому корыту со стоячей водой, погубившей знаменитые виноградники.

Капитан дальнего плавания Иван Мартышкин пришёл в Волго-Донское речное пароходство прямо из Персидского залива, где его сухогруз попал в какую-то нелепую и трагическую историю, связанную то ли с контрабандой, то ли с терроризмом. В результате получил ранения не кто-нибудь, а старпом. Следствие так ничего толком не смогло ни доказать, ни опровергнуть из путаных показаний перепуганного экипажа. Мартышкина, как водится, списали из загранфлота без всяких оснований – при Советской власти он, можно смело сказать, легко отделался. Диплом свой он облил скупыми слезами и принёс его в отдел кадров на углу улицы Фр. Энгельса и Театральной площади.

Для такого аса, казалось бы, нет никаких преград в судоводительстве. Но узкая и мелкая река, где у пятитысячетонного «Волго-Дона» под брюхом остаётся пятнадцать сантиметров чистой воды – река, где на излучине иногда становится теснее, чем на Будённовском проспекте в час пик, – это место опасных и нервных приключений.

А морской человек, пройдя переподготовку, стал вполне исправным и даже лихим речником. Его «Волго-Балт» португальской постройки, на транце которого даже сохранились католические кресты, был добротной и хорошо отлаженной машиной. Район плавания – традиционный, от Ладожского озера до Барселоны. Стармех – седой, неторопливый, сиплоголосый Петр Максимыч Бессонный – знал своё дело без подсказок. Старпом, правда, усердно рыл яму под своего капитана, исправно писал на него «закладные дописки» первому помощнику и в другие органы, но доблестный КДП (то есть капитан, как я уже сказал, дальнего плавания), успешно отбивался от наездов тайной полиции вкупе с её добровольными помощниками.

Однажды мы с Иван Василичем слегка перебрали. Флотские,

как известно, обладают особой памятью на события, анекдоты и людей. Это помогает скрашивать длинные часы ночных вахт, переходов из порта в порт, стоянок, погрузок-разгрузок, ремонтов и прочих весьма неромантичных времяпрепровождений. И вот мы с Мартышкиным высаживаемся недалеко от железнодорожного моста в ожидании подъёма пролёта, садимся в носовом кубрике маленького уютного «Ярославца» и начинаем травить.

Как истинный мореман, Иван Васильич в рассказе был бесподобен. Говорил он неторопливо, полухриплым баском, слегка поднимая палец в особо интересных, по его мнению, местах, и почти никогда не смеялся собственным шуткам. Он это предоставлял довольным его обществом слушателям.

Передать дословно его рассказки я не берусь. Для этого надо обладать такой памятью, как у Виктора Конецкого или у Сергея Довлатова. Просто сообщу, что однажды, не меняя выражения лица, Иван Васильич поведал о том, как в Таиланде он вместе со стармехом оторвался от группы (тогда в город отпускали, насколько я помню, только впятером) и почти бегом прибежал в публичный дом.

– Мужики, бля буду, – не потому, что хочется, это понятно, – волновался Иван Васильич, – а потому, что хер его знает, попаду ли я когда-нибудь ещё в Азию. А косоглазую сильно любопытно поиметь – у них, говорили, как у татарок, всё поперёк. И вот захожу я в бордель, принимает меня бандерша, а сбоку сидит доктор в белом халате. Баба развернула альбом с фотографиями, я посмотрел, ткнул пальцем, «дед» тоже какую-то себе выбрал, поднимаемся, доктор говорит: «Мистер, мол, плиз, покажите конец!».

Катер типа «Ярославец». В различных модификациях используется ВМФ как сторожевой корабль, тральщик, торпедолов; в гражданском флоте – как буксирный и водолазный бот, гидрографическое судно и т. д. Возможность автономного плавания – 5 суток, экипаж – 4–13 человек.

Я достаю из широких штанин, показываю, а у него на спиртовке греется кольцо! Как выяснилось, золотое. Берет он резиновой перчаткой мою драгоценность, уже весьма упругую, и проводит кольцо – заметьте, сэры, раскалённое, но, правда, чуть больше диаметром! – прямо через него, родимого… Я чуть не упал. А он аккуратно так отводит кольцо назад и говорит, типа того, что всё нормально, триппера нет, следующий. «Дед», конечно, после такой процедуры замялся, заволновался, но стерпел. Пошли мы наверх, разобрались там с женским персоналом, и честно вам скажу – умеют! Уж чего-чего, а насчёт этого – золотые руки!!!

В общем, провели мы там положенное время, выходим из борделя – ба, знакомые все лица! Стоит помполит на пороге, ручки потирает, лицо аж лоснится от удовольствия. Увидел нас, оторопел, да и мы такого не ожидали, стоим, потеем, не знаем, что предпринять.

И знаете, сэры, что мы сделали?

От греха подальше развернулись в разные стороны и пошли себе по городу. И что вы думаете? Встретились у трапа. Даже поздоровались, как будто не утром расставались. Я с «дедом» советуюсь – что делать, ведь заложит. А он смеётся – да первый

теперь за три версты нас будет обходить! Нам-то что, мы моряки, а ему полная труба будет, если мы хотя бы намекнём. Он ведь, окромя стука, ничего больше делать не умеет, а мы и в колхозе на МТС не пропадём. Дизелистами будем работать, коровам титьки выдаивать.

Я с ним согласился, но мандраж, конечно, был. Тут никакой Азии не захочешь.

«Ярославец» покачивало на тёмной воде. Льдины били по корпусу, скреблись, будто кот в окошко с улицы. Мы замолчали. Я взял гитару, спел Визбора:

«По судну «Кострома» стучит вода…»

Иван Васильич прищурился, посмотрел на меня со значением и предположил:

– Вы, коллега, давно, видать, в море не были?

– Да уж давненько, а что?

– Хотите со мной в Сочи сходить?

– Как это – в Сочи?

– Мы туда завтра выходим караваном, большинство до Ейска и Керчи, а я дальше, потом в Италию.

– Ничего себе! Так у меня в Сочи тёща живёт!

– Вот и прекрасно! Завтра в девять подъём моста, в восемь прошу быть на буксире, я вас оттуда заберу, и пойдём.

Нельзя передать, как я обрадовался такому предложению. Вместо полуподвального помещения редакции – волны, ветер, хорошая компания, жирные азовские лещи, застольные разговоры.

Я позвонил редактору:

– Леонид Петрович! Меня тут на Чёрное море приглашают.

Будкин хмыкнул:

– Так холодно же ещё купаться. Ещё отморозишь себе что-нибудь.

– Я не купаться, а с Мартышкиным в караване пойду, будем лёд бить до Ейска, а оттуда в Сочи.

– Дело хорошее, – задумался Будкин, – первый караван, открытие навигации… Ладно, деятель, давай, только не теряйся, а то я тебя знаю – загудишь с моряками, потом ищи-свищи.

– Да ни в жись! Да Леонид Петрович! Да я!

– Ну, хватит, хватит, я сказал – давай, плыви, только материал не забудь сдать.

– Будет, будет материал, зуб даю!

– Ну всё, попутного ветра…

Морской буксир того же типа, что и наш МБ-43 (проекты Ч-800, Ч-1100, 3801). Водоизмещение 531 т; длина 48,46 м; ширина 9,32 м; осадка 2,3 м. Скорость хода без состава – 18,3 км/ч; экипаж 9–14 человек. Ледовое подкрепление: для эпизодического плавания в битом льду.

И вот наступает утро похода.

Буксир «МБ-43» мирно болтался у набережной в районе рыбокомбината. Сходни вяло покачивались, противно скрипя об асфальт. Ни вахтенного, ни, так сказать, часового. Заходи, бери что хочешь, уходи.

Я прошёл в каюту капитана. Он мирно дремал в обнимку с дамой неопределённого возраста. Открыв глаза на звук двери, Захар Чубарян из Нахичевани спросил ещё нетрезвым голосом:

– Портвешка примем?

– Ты с ума сошёл! Восемь утра!

– А шо?

И Захар полез под койку, загремел пустыми пузырями:

– Должна быть, вчера оставлял! Шо-то не видно… Щас, погодь… О, вот она!

Буксир качнуло, и из-под койки выкатился пузатый пузырь какой-то бормотухи.

Подпихнул локотком даму:

– Валькя-а-а! Подъём, гулять пойдём.

– Да ну тебя, дай поспать, – не открывая глаз, ответила сонная буфетчица с речного вокзала.

– Ну, как хочешь, – Захар вытащил из кителя складной нож,

отрезал полиэтиленовую пробку, взял из шкапчика пожелтевший стакан, налил вина и протянул мне.

Я заколебался, подумал и отказался, что, вообще говоря, не было мне свойственно.

Захар единым духом выцедил стакан, хлопнул себя по животу и спросил:

– Слушай, Садат, а какое число сегодня?

– Восьмое, утро.

– Ничего себе, – задумался Захар, – так мы же сегодня уходим.

– А я, ты думаешь, зачем пришёл?

– Ну, тогда я до вахты ещё посплю.

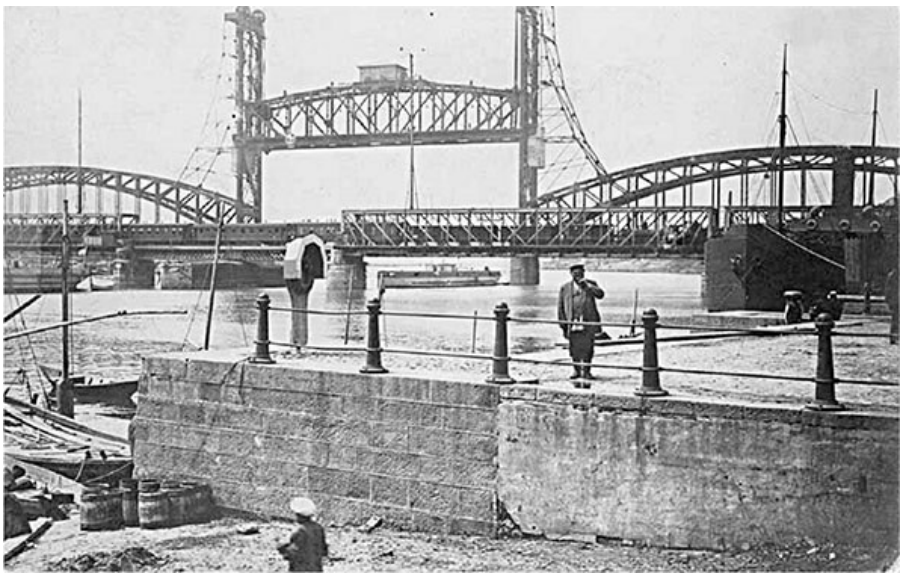
Отвернулся к переборке и, уже засыпая, пробормотал:

– Ты там проконтролируй, если что…

Ну, думаю, ни хрена себе флот.

Пошёл на верхнюю палубу. Ветер свистал во всю свою степную мощь. Прямо по курсу Дон перегораживали чёрные пролёты железнодорожного моста. Средний из них как раз и поднимался при проходе караванов снизу и сверху.

И тут до меня дошло, что мост каким-то непостижимым образом приближается ко мне. Я затряс ещё несвежей головой и присмотрелся: и правда, мы шли к мосту. Швартовый конец, оставшийся без присмотра, отвязался от чугунной тумбы с древней надписью «П-во (то есть пароходство) Парамоновых» и бултыхался в воде. Честно говоря, я занервничал. Буксир был довольно внушительных размеров, и въехать на нём куда-нибудь в быки моста мне совсем не улыбалось.



Вид на ЖД мост. Ростов начала XX века.

И, главное, в такой момент полностью теряешься. Кое-как я сообразил, что надо бить тревогу. Пока поднимешь Захара, пока доблестная команда заведёт дизеля, пока – и так далее…

Я решил выйти по рации на диспетчера. Любого, железнодорожного или речного. Потом понял, что Захара за такие подвиги могут и диплома лишить.

Тогда я вспомнил, что есть такая жёлтенькая кнопочка в правом углу рубки. Она оказалась красненькой, и, как говорили в старину, загремели колокола громкого боя.

Что тут началось!

Конечно, дизеля я сам запустить не смог бы. Нет, если б совсем прижало, то справился бы. Но в одиночку управлять тяжёлым буксиром непросто.

И тут прибежал Захар.

Он умудрился надеть китель шиворот-навыворот. Оценил обстановку, схватил трубу телефона, стал отдавать толковые экстренные приказы.

А корабль плывёт.

До моста было около двух кабельтовых. Прямо скажем, для маневра и циркуляции маловато.

Взвыли двигатели. Завибрировал корпус. Тоненько зазвенела в стакане с подстаканником забытая кем-то вчера серебряная ложечка. Захар взялся за рукоятку телеграфа и резко потащил её на себя. Буксир, будто встав на дыбы, задрожал, дёрнулся и пошёл кормой назад.

Нас развернуло немного влево. Захар уже полностью пришёл в себя и отдавал команды самому себе и прибежавшему на тревожный сигнал матросу, почёсывая волосатое пузо и припевая какую-то неведомую мне песенку.

Буксир доплёлся до причальной стенки. Сходни уплыли вниз по течению, и Захар распорядился притащить из форпика деревянный трапик.

Понемногунапалубувыходили заспанные члены экипажа игости, едва пришедшие в себя после вчерашних возлияний. Они охали-ахали, удивляясь невиданному стечению обстоятельств. А из динамика громкой связи вдруг раздалось:

– Хлопцы, вы что творите?! То вперёд, то назад, вам тут что, прогулочный санаторий?! Мы тут чуть не рехнулись, наблюдая за вашими манипуляциями!

Это было послание с железнодорожного поста.

Из судов каравана неслись сплошные маты. Капитан-механики должны выполнять план! А уже пошли вторые сутки

стоянки. Захар был вполне хладнокровен и отвечал теми же терминами, на что реагировала наша морская радиостанция с весьма суровыми предупреждениями о недопустимости подобной лексики в открытом эфире. В конце концов мы, получив разрешение на выход и дождавшись подъёма моста, двинулись вниз. Захар сам стоял на руле, потому что Дон – не такая река, где можно расслабиться. Особенно после восьмого марта.

Рация покрякала простужено, и знакомый голос бывшего КДП попросил Захара найти корреспондента.

– А чего его искать? Вот он, в рубке стоит! – удивился бодрый Захар и заморгал, замигал и замотал мне головой: мол, тебя сейчас будут сватать, а ты не соглашайся, у нас лучше!

– Слушает пресса! – бодро начал я эфирные переговоры.

Современный вид ЖД моста через р. Дон в Ростове-на-Дону. Средняя часть поднимается для пропуска судов.

– А-а-а-а, очень прия-а-а-тно, – растягивая гласные, сказал морской волк, явно придумавший, чем меня уесть. – Вы об отношениях Каменева с Троцким читали? Нет? Рекомендую! Очень поучительно!

> Товарищ Сталин был совсем не злой и не грубый, он любил дружить! Сначала товарищ Сталин дружил с товарищами Зиновьевым и Каменевым против товарища

Троцкого. Потом товарищ Сталин дружил с товарищем Бухариным против товарищей Зиновьева и Каменева. Потом товарищ Сталин дружил против товарища Бухарина. Товарищ Сталин был гуманистом, он всегда повторял: «Что касается репрессий против оппозиции, то я решительно против них!». И вдруг выяснилось, что все эти славные мудрые товарищи: и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и Бухарин (страшно подумать, вся «ленинская гвардия») – никакие не товарищи, а враги народа, шпионы, зловонная куча человеческих отходов! И погибли все они насильственной смертью, кто от пули, кто от ледоруба».

Superhomo

(Мудрый Мартышкин был человеком образованным и деликатным, и, напоминая мне о крысиной возне вождей революции, лишь констатировал тот факт, что молодая пресса всегда на передовом рубеже: там, где больше развлечений и соблазнов. Задним числом каюсь, о мудрейший из мудрых, добрейший из добрых. Но я всё же перешёл к тебе на борт, вкусив земных наслаждений на буксире и в других местах!)

Шли на малом ходу. За нами покорно следовал караван. В конце концов доплелись до устья Дона, миновали Азов, вышли в море, и Захар сдал вахту старпому вместе с рулевым-мотористом.

– Пойдём пообедаем, – сказал мне Захар.

Кокша́ (такое ударение было принято), она же повар и буфетчица, принесла нам ароматнейшие щи и жаркое. Захар опять полез под койку, ничего не нашёл и печально сказал:

– Придётся до Ейска ждать.

Дошли до Ейска. Шесть судов остались на внешнем рейде, а двое подошли к причальной стенке. Там что-то грузили-разгружали, вышли на Жданов с грузами для металлургического комбината, но по мелочи. Стоянка была короткая. Караван стоял в пробитом буксиром льду, а я торчал в рубке. Ещё два теплохода остались у причальной стенки, а мы пошли дальше. И вот тут с «Хатанги» мне прислали приглашение идти с Самуилычем, и я согласился. Взойдя на борт, я обнаружил весёлого, пузатого и трезвого капитан-механика. Мы торжественно поздоровались, раскланялись, сложив ладони и поклонившись. Был у нас такой своеобразный церемониал. Самуилыч, окончивший речное училище и Новосибирский институт водного транспорта, постоянно читал после вахты громадное число книг и на память цитировал японскую поэзию, хорошо знал основы философии

Востока, и мы с ним не раз беседовали, словно библейские мудрецы, о мироздании.

Иван Самуилыч сказал, что выходим через полчаса, пригласил пообедать. Я ответил, что уже отобедал на буксире. Но он, хитро улыбнувшись, напомнил, что на корме у него стоит одна бочка с малосольными лещами и маленький бочонок с абсолютно запрещёнными для вылова осётрами. К тому времени в Азовском море от шести миллионов особей осётров осталось шестьсот тысяч. Виной тому был варварский вылов, о котором мне рассказали научные сотрудники ростовского НИИ рыбоводства. Драги, используемые речниками и моряками, скребли по дну и выбивали плодородную почву, необходимую для дальнейшего размножения ценнейшей рыбы. В Иране, прикаспийской стране, куда ходили суда ВДРП, осётр считается национальным достоянием, и кары за браконьерство предусмотрены вплоть до смертной казни. Судоходная инспекция ВДРП тоже отслеживала браконьерство, но обычно дело заканчивалось взятками. Это когда найдут бочку. Капитаны-механики знали дело, как Чичиковы. Прятали так, что даже опытные речники не могли найти.

Караван во льдах.

Но уж больно вкусна донская и азовская рыба! Осетра я не ел, потому что знал от тех же научных сотрудников, что он давно заражён микозом, поражением мышц, а уж чёрную икру категорически не воспринимал. Вот лещ – это вещь! Против жирного, истекающего соком рыбного продукта мне было не

устоять. Самуилыч предложил мне под лещика слегка принять, но я отказался: работа прежде всего!

Буксир развернулся, оповестив по рации караван, и мы двинулись в Керченский пролив. Постояв немного в рубке, я выслушал предложение Самуилыча:

– Хочешь стариной тряхнуть?

– В каком смысле? – переспросил я.

– В прямом! Поправь судном. Я сейчас пойду, послушаю, что там на нашей частоте, а ты держи прямо вон на тот огонь. И не иди в хвост за буксиром. Лавируй. А то неизвестно, что с ним произойдёт. Только не делай резких движений, мы же первые в караване, ещё сорвёшь мне рулевую насадку.

Я плавно и осторожно держал курс, управляя тем, что называется теперь джойстиком. Помня наставления капитан-механика, правил, не виляя резко, чтобы не сорвать рулевые насадки. Морской буксир бил лёд, мы шли на самом малом. Прибежал Самуилыч, бодрый и весёлый, и предложил «пройтиться в каюту». Наступала ночь, я сдал вахту, и мы пошли к нему. Он достал гитару, я осмотрел стол, увидел истинно ростовское гостеприимство, выраженное в варёной камской картошке с духовитым маслом, зелени, помидорах, огурцах, жареных баклажанах, а главное, в лещах, и подумал, что теперь можно и расслабиться. Перед тем я достал блокнот и сделал рабочие записи, а Самуилыч любовно разбирал громадного леща, из которого вытекал пахучий жир. Шкурки он аккуратно складывал на столе, чтобы накормить после пира огромного кота по кличке Замурзай, жившего в каюте второго помощника, которого не было в природе. Кот почему-то любил машинное отделение, сидел и внимательно наблюдал за работой вахты, не обращая внимания на грохот дизелей. Кличка у кота появилась после того, как стармех начал вытирать об его шерсть замасленные руки. Стармех приговаривал:

– Замурзанный, зато блох не будет!

Конечно, у Замурзая спасжилет был не такой красивый, а самодельный, но не менее надёжный. Хотя Замурзай, как и положено корабельному коту, был зверем осторожным, и спассредство ему ни разу не понадобилось.

Хотя откуда на судне блохи? А на случай аварийной ситуации Замурзаю сшили аккуратненький спасжилет. Самое странное, что кот как будто понимал важность амуниции, даже не пытаясь шипеть, царапаться и кусаться во время примерок и тренировок по борьбе за живучесть.

Только Самуилыч вспомнил про кота, как тот явился, словно из воздуха. Он, выросший на палубе, давно научился открывать двери, вставая на задние лапы, и гулял, как у себя дома. Командир погладил кота по серо-зелёному организму и выдал ему обросшие жиром шкурки. Кот задумчиво потоптался вокруг блюдца и удалился.

– Зажрался, сволота приблудная, – задумчиво сказал Самуилыч.

Через несколько секунд кот появился снова и невозмутимо начал есть, иногда поглядывая на нас и похрюкивая. Командир гладил кота, приговаривая что-то вроде: ах ты скотина, ах ты гадина. Наглый Замурзай укусил его за палец, отскочил от Захара, полюбовался на него издалека, снова подошёл и аккуратно продолжил ужин. Могучие челюсти лязгали, хрустели кости, а кот иногда аж закрывал глаза от удовольствия, не забывая, впрочем, по бойцовской привычке поглядывать вокруг.

Самуилыч погрозил Замурзаю могучим кулаком, на что наглый кот не обратил никакого внимания, а мы начали торжественное мероприятие.

Лещ был потрясающим! Мы обгрызали плавники, жир стекал по нашим подбородкам, а ледовая стихия била в борта теплохода, и в каюте шумели радиопереговоры. Самуилыч наливал самограй

(так на Дону называют самогонку), предлагал мне, но я отказывался. Работа есть работа!

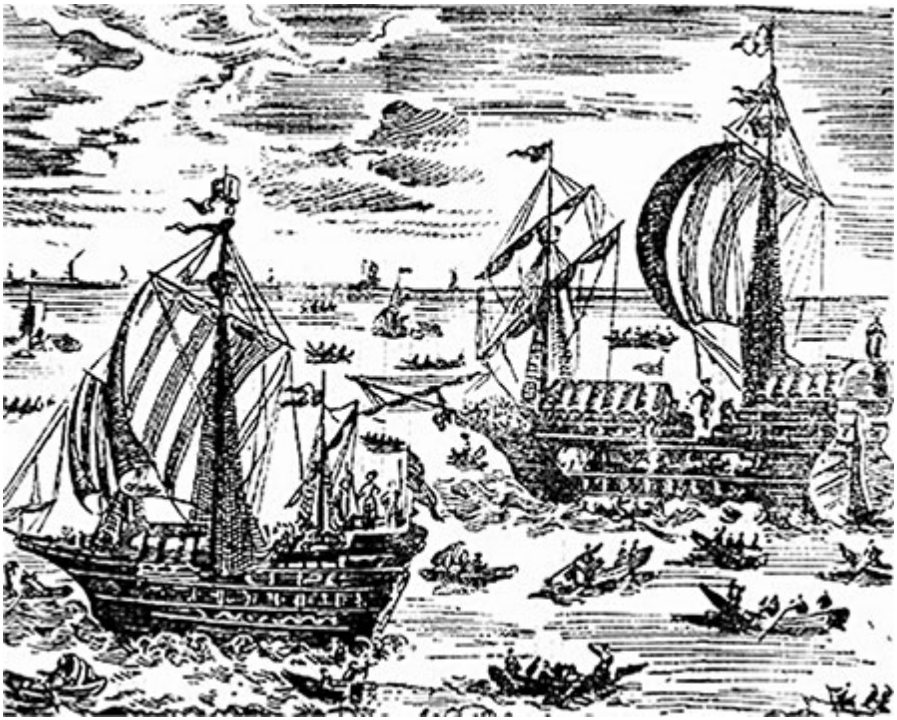
Пришло время вахты, мы закончили ужин и поднялись в рубку. От толстенного леща меня клонило в сон. Морской буксир по-прежнему упорно пробивал ледовое поле, а мы плелись в кильватере. Иван Самуилыч что-то мычал себе под нос, а рулевой-моторист держал курс.

– Держи дистанцию! – вдруг заорал командир, – ты что, не видишь, мы щас въ…ся в проводку!

– Так он же сам еле прётся! – отвечал хладнокровный недавний выпускник речного училища.

– Молчать! – крикнул командир. – Если, упаси Бог, въедем ему в корму, кто будет отвечать? Ты, что ли? Я! Звони боцману, пусть поставит впередсмотрящего и на корму кого-нибудь, а я щас наберу второго из каравана, чтобы тоже держался подальше.

Он набрал официальный канал связи и всех предупредил, что видимость неважная, снегопад, нужно быть осторожными. Кроме этого канала, была ещё запасная частота, на которой капитан-механики и капитаны предупреждали друг друга о том, что видят катера самых разных инспекций, пытавшихся поймать тружеников реки и моря на скромной добыче рыбы. Самуилыч объяснял, что мы выходим из зоны сплошного льда и в Керченский пролив придём с облегчением. Морской буксир периодически гудел сиплым басом, давая знать, что мы уже на подходе к морскому проливу, где гуляют волны.



Гравюра иностранного посланника «Азовский флот Петра Великого».

Так мы доплелись до Керчи, встали на рейде. Суда постепенно разгружались, через двое суток они развернулись и пошли в Ростов, а я – на Сочи, но это уже другая история. По пути мы не раз застревали во льдах, «МБ-43» мотался вокруг и обкалывал суда ледовой проводки. Без небольших, но досадных пробоин не обошлось: всё же не река!

Хочу только сказать, что я в очередной раз увидел пахарей моря, неутомимых и умелых, идущих от Камы до Керчи, несущих бессонные вахты, отвечающих иногда судьбой и жизнью за свою трудную работу. Многих из них уже нет в живых. Остальные давно на пенсии. Вечная память ушедшим. Долгой жизни ветеранам. Честь им и хвала!

Вещий Олег на туркменском коне

Уроженцу пыльной Кушки, брату по белому солнцу пустыни Алексею Евтушенко

«Ольгович, являясь полководцем доблестной русской армии, в звании князя, в должности командира дружины…»

(А. Солженицын, «В круге первом»)

От пришедшего со службы отца пахло усталым вечерним потом, сгоревшим авиационным керосином, потёртой кожей коричневой портупеи с полукольцами для полевой сумки, сыроватой поверхностью потускневших латунных пуговиц, натёртых асидолом, кожаной кобурой с дежурным пистолетом «ТТ» и медными патронами в обойме.

Он повесил синий офицерский китель в шкаф, надел полосатую широкоштаннуюпижамуидомашние чувякиизверблюжьей шерсти, и после неторопливого ужина, вспомнив своё обещание, сказал нам с братом:

– Сынки, сегодня мы будем читать вслух.

– Ура! – закричали мы и кинулись собирать игрушки: деревянные мечи, щиты и стрелы; пистолет, отлитый десятилетним Тагиром из свинца и подаренный мне, шестилетке; облупленного коня, помогавшего мне в молчаливых битвах-качаниях с вероятным противником, – и понесли на веранду настольную лампу с абажуром из газеты «Советская Туркмения».

Мама боялась пожара и всегда поливала конус водой, прежде чем надеть его на гибкий каркас из сталистой проволоки. Газета корёжилась, высыхая, и от неё по веранде расплывались черно-серые змеиные тени. На свет и на стол слетались отважные эскадрильи беспорядочных мотыльков, крупноголовой саранчи, прозрачнокрылых кузнечиков, бежали по щелястому полу веранды голенастые пауки, а по углам и за пределами уютного и бесстрашного жилого пространства стоял чёрный вечерний мир с мохнатым небом и громадными звёздами, с ледяным дыханием барханной пустыни, плоских такыров и чудовищных солончаков. С юга над военным городком Джебел нависал необъятный высохший минерал залива Кара-Богаз-Гол, с запада веяли

прохладой влажные валы Каспийского моря, из Ирана, огибая хребет Копет-Даг, выли болотные ветры, а пустыня Каракумы продолжала свою вечную работу мёртвыми серыми песками и невероятной, недоступной пониманию, марсианской жарой.

Брат, кряхтя и спотыкаясь, принёс толстенный «Золотой том» Пушкина в коричневом переплёте с длиннющим предисловием Томашевского. Я уже около двух лет читал взахлёб все подряд, начиная «Боевыми листками агитатора» и заканчивая романом «Пляска смерти» Бернгарда Келлермана, из которого помню только, что одна соседка другую обзывала сукой, и это было одно из непонятных мне слов, о чем я и спросил маму, почему-то не знавшую объяснений. Поэтому в последнее время я предпочитал молча таскать из огромной библиотеки подходящие мне по сюжету и толщине книги, а для справок употреблял словари и энциклопедии.

Тагир положил пахнущий сладкой пылью том на обеденный стол, открыл нужную ему страницу и сказал:

– Пап, что сегодня будем читать? – Он знал ответ, но предвкушал его, как домашняя собака чует любимую команду «гулять!».

Отец посмотрел на него и неторопливо ответил:

– «Песнь о вещем Олеге»!

До этого я ещё не добрался. Из предисловия узнал, что «воспитание Пушкина было безалаберным». Если это так, то Пушкин похож на отца и моего брата: мама их так иногда ругает: «Что за безалаберность?!».

Значит, это был добрый человек.

И отец начал:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам;
Их села и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам…

– Значит, он грабил вещи у казаров? – спросил я, имея в виду, что если он абрек, то есть разбойник, то их домашнему скарбу не поздоровится.

– Не вещи, а вещий, тот, кто знает наперёд, это ты поймёшь, когда подрастёшь; и не казарам, а хазарам! – терпеливо произнёс отец. – Хазары жили там, куда мы скоро поедем переводом в другой гарнизон. И дедушка Салам жил на Кавказе. И мама. А ещё хазары жили на Чёрном море.

– А на что похоже море?

Отец задумался и библейски произнёс:

– Море – это много солёной воды.

– А сколько воды? Как в бассейке? (Так назывался пожарный водоём в центре городка, вокруг которого мы бегали и пугали туркмен открытым люком, куда они обязательно упадут, и старым карабином, раскопанным в песках – мыться они не любили, а оружия со времён басмачей они боялись панически).

– Что ты, – сказал отец, – гораздо больше! Больше, чем в Малакаре! (Солёное озеро было похоже на мокрый такыр – соли было столько, что люди не тонули, а лежали сверху, блистая на солнце лечебно-грязными телами). – Помнишь речку в Фирюзе? Если она будет течь целый год и куда-нибудь выльется, и то будет меньше, чем море!

Тут уж я возмутился:

– Не может быть! Столько воды не бывает! (До сих пор не могу видеть, как на кухнях текут из кранов вольные струи воды – рука ищет ключ и отвёртку или, на худой конец, телефон сантехника).

– Ну, продолжим, – миролюбиво произнёс отец, – потом ты увидишь море и узнаешь, какое оно большое.

И он продолжил. Читал мой Махмутыч великолепно, так же, как писал каллиграфическим почерком. Свиристели сверчки и цикады, потрескивал деревянный дом, нагретый за день и быстро остывавший в вечернем пустынном воздухе. Мама стремительно грызла чёрные ростовские семечки, складывая шелуху на бумажку, и читала «Роман-газету».

Вдохновенный кудесник (куда-то едет), послушный перу, ну старик (перу? удивительный какой-то!), волхвы (владельцы халвы? Значит, богатые, да и не боятся владык), и вдруг прозвучало «правдив и свободен их вещий язык»!!! Я вздрогнул: опять вещий! Понятно было, что к вещам язык отношения не имеет – он же внутри. Здесь что-то другое.

Отец читал неторопливо, со смаком и комментариями, а в моей лёгкой отважной голове сверкали молнии воображения: вещий-вечный (это я понял, вечный человек, долго живущий, никогда не умрёт, а смерть – это я видел во сне: по зелёной реке среди скалистых гор плывёт огромный белый пароход, гудит, а меня уже нет, и что будет дальше – неизвестно!), вечный Олег, словно командир полка Юшников на туркменской свадьбе, ехал на худощавом и брыкливом ахалтекинце – какое сладкое и независимое, нахальное слово! – покрытом чарджоуским ковром необыкновенной толщины с красными кистями, и конь, выпукло глядя фиолетовым глазом в сторону, приседал и всхрапывал под румяным и толстым Олегом. В правой руке командир дружины держал тонкую пику с флажком на гибком древке, а в другой –

кривой золотой меч, вроде того, что подарили на плацу командующему ПВО, когда он приезжал на инспекцию. Почему-то отец называл меч «полицейской селёдкой» и косился при этом в нашу сторону, а мы затихали над цветными карандашами и бумагой.

На лице Олега были коричневые лётные очки-футляры с толстой резиновой лямкой (в такие мы смотрели солнечное затмение), а на груди, как бляха у «трибогатыря», болтался зелёный полевой бинокль с облупившейся краской. Слева и справа, как хурджины, пристёгнуты мешки защитного цвета с шёлковыми парашютами. На офицерском ремне в кобуре, плотно застёгнутой на маленькую жёлтую пипочку, наверняка был чёрный «ТТ» с обоймой, а не позорный жёлтый огурец, как у весёлых молодых лётчиков, поддававших между полётами.

За командиром, или князем, ехала дружина: косматые богатыри с карабинами, в высотных шлемах с ларингофонами, качаясь и переваливаясь между волосатыми горбами на торжественных верблюдах с глухозвонными жестяными бубенцами на кривых шеях, с выпяченными толстыми губами. Знаменосец катил за собой на тачанке огромный авиационный пулемёт ШКАС, мечту окрестных пацанов.

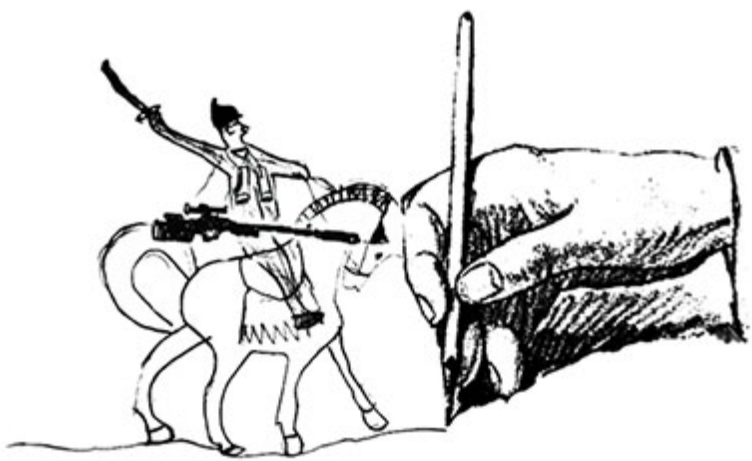


Рис. М. Гибнер.

Я замечтался и что-то пропустил. Отец, повышая тон, скандировал: «…И хочет увидеть он кости коня… И ветер волнует над ними ковыль…».

Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала…

Я вздрогнул и прижался к брату. Нехорошее предчувствие пересушило рот. Недавно в гарнизоне хоронили двух солдат, ушедших в пустыню в самоволку и занявшихся от скуки ловлей змей. Лица у покойников были черно-синие, и живые цветы только усиливали страшное впечатление.

Змеи были повсюду. На саксаулах и карагачах сидели змеи-стрелки, похожие на ветки, и кидались на прохожих. В барханах жила толстая чёрная гюрза, опасная даже для верблюда. А совсем недавно появился питон (круглый, как серый с крышкой бидон для молока из военторга); он был такого размера, что вызвали пулемётчиков, и они его расстреляли, а потом с трудом закопали в яме, чтобы другие змеи не нашли это место и не пришли мстить! Черепов было хоть отбавляй, – и маленьких ломких тушканьих, и узких мрачных лошадиных, и даже массивных коровьих с рогами и дырками от них. Внутри могло быть что угодно, и мы в суеверном страхе колотили их длинными палками, отбегая подальше после удара.

Так вот что ждёт Олега! А ещё вещий…

Как чёрная лента, вкруг ног обвилась;
И вскрикнул внезапно ужаленный князь…

К горлу подступил огромный влажный ком. Свет померк. Командир дружины упал и умер, а послезавтра его, как десятки других погибших «офицеров и личного состава», понесут вокруг городка на гарнизонное кладбище под завывание потёртых медных труб.

– А-а-а-а-а! – не выдержав, заорал я изо всей силы. Слезы хлынули из глаз и полились неудержимо. Все кинулись ко мне, спрашивая, в чём дело. Я долго не мог остановиться, как и не мог объяснить, какое мне дело до древнего дядьки, укушенного обычной гюрзой. Вся горечь мира влилась мне в глотку, и я захлёбывался слезами. Кое-как отец дочитал до конца. Что такое тризна, я догадался: залпы из карабинов, а потом офицеры соберутся в столовой, будут пить спирт и вспоминать войну…

А утром, проснувшись, я долго смотрел на толстый ворс ковра с таинственными орнаментами и шептал про себя, пока не вышептал:

До свидания, вещий Олег,
Но зато ты не будешь калéк!

Мои дядья-десантники, ломанные-переломанные в боях,

прыжках и неудачных приземлениях, поднимая очередную стопку спирта, пили «за то, чтоб не было кале́к» и плевали через левое плечо. Значит, Олег остался молодым и красивым, как те лётчики, чьи портреты несли впереди бордовых подушечек с молчаливыми орденами и медалями. Офицеры просто исчезали навсегда, а через какое-то время тихие вдовы и растерянные дети покидали городок с небогатыми чемоданами и сиротскими узлами с одеждой в руках. Те же, кому не повезло, как говорили мать с отцом, могли годами «в гостапиле» с переломами позвоночника, и мы знали, что оттуда никто не вернётся плясать вприсядку – так и будут лежать, глядя сухими глазами в потолок и не отвечая на приветы родных, как добрый дядя Захаров из шестнадцатого дома.

До свидания, детский Олег… Здравствуй, вещий Пушкин!

Рис. М. Гибнер.

ЯК-28—один на двоих

«…строительство этого самолёта поставило перед серийным производством Иркутского завода, пожалуй, самое большое количество вопросов в области технологии, механообработки и механосборки, аэродинамики и летных испытаний. Во множестве книг и статей, написанных самим Яковлевым и о Яковлеве, эти производственные трудности не отражены».

(Ф. Р. Кугель)

Самолет как таковой

Низким, бархатным голосом французская полька Эдита Пьеха выводила:

Летали, служыли в нибесной дали,
Руками да звезд датянуться могли…

И как затянет припев, аж волосы дыбом:

А-гром-нае небо,
А-гром-нае небо,
А-дно-о-о на-а дваих…

Мало кто знает, что эта история, рассказанная Робертом Рождественским, произошла в Восточной Германии, в одном из авиационных гарнизонов. Лётчики на последнем ресурсе перетянули самолёт с отказавшими двигателями через Берлин, упали в озеро Штессензее и погибли вместе с машиной. Хоронили их торжественно. При передаче тел нашему гарнизону играл оркестр королевских ВВС Британии. Боевую машину провезли по улицам забытого ныне гэдээровского города, спасённого двумя лётчиками. Сквозь треснувшее стекло кабины самолёта изнутри, будто в прощальном привете, видна была кисть руки в перчатке. Очевидцы утверждают, что на похороны приезжали даже

западногерманские генералы и отдавали воинские почести.

Фронтовой бомбардировщик Як-28 (кодификация НАТО: Brewer), базовая серийная модификация. Длина: 20,02 м; размах крыла: 11,78 м; высота: 4,3 м; максимальная скорость: 1850 км/ч; дальность полёта: 2070 км; практический потолок: 14 500 м.

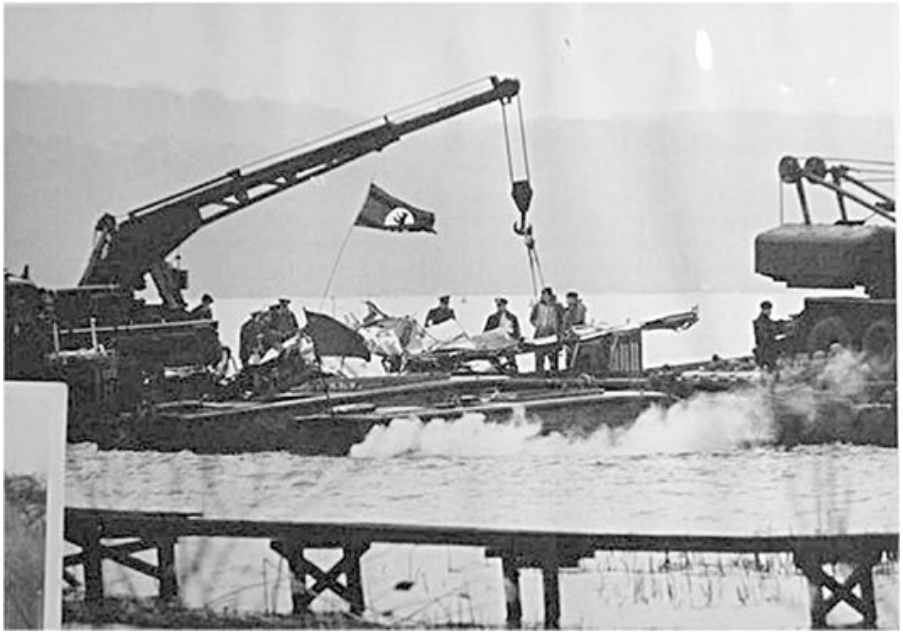
Вооружение: пушка: 1 × 23 мм НР-23 (в дальнейшем 2 × 23 мм ГШ-23Я); бомбовая нагрузка 1200 кг, максимальная – 3000 кг; ракеты: 2 × Р-8М-1 (Як-28П). Экипаж: 2 человека.

Но подобные катастрофы происходили, к сожалению, неоднократно. Вот одна из них.

Осенней ночью в Абхазии темно и душно. Бархатное небо усыпано крупными, как индюшиные яйца, звёздами. Сумерек почти нет. Как-то внезапно сваливается на тебя адская, плотная темень, и в ней блуждают по военному городку парочки с фонариками, восполняя недостаток, а точнее, почти полное отсутствие уличного освещения. С другой стороны, темнота – друг молодёжи. А потом начинаются унылые бесконечные дожди – субтропики! В шестидесятые даже выпадал снег, и я тогда увидел его впервые в жизни. А вот мандарины впервые за много десятилетий вымерзли.

Лётчики 668 авиационного полка бомбардировщиков 132 бомбардировочной дивизии 24 Воздушной армии, дислоцировавшейся тогда немецком городке Финов, командир самолёта капитан Борис Владиславович Капустин и штурман старший лейтенант Юрий Николаевич Янов. Именем Б. Капустина, похороненного в Ростове-на-Дону, названа одна из улиц города и школа № 51. Ю. Янов похоронен на родине, в Вязьме.

Фото и информация: http://www.rusproject.org.



Подъём британцами ЯК-28 со дна озера Штессензее, апрель 1966 года.

Любимой моей книгой в детстве была яковлевская «Записки авиаконструктора». Как водится, с картинками, с мифами, с умолчаниями и лакунами. Какие красивые самолёты, какие вдохновенные лица! В ней, между прочим, рассказывалось о совместных работах советских и немецких инженеров, о загранкомандировках на авиазаводы «Мессершмитта» и «Хейнкеля» (это в тридцатые-то годы!) и прочих, теперь уже разболтанных по всему свету, секретах Полишинеля. Замечу в скобках, что есть у меня одна маленькая медаль за соучастие в открытии месторождения кварцита в Тарасовском районе Ростовской области. Там от старожилов и рабочих я узнал, что вплоть до 22 июня 1941 года из Тарасовки в Германию уходили эшелоны, груженные ценнейшей присадкой для авиапромышленности, а именно тем самым кварцитом, необходимым при изготовлении истребителей и прочих аппаратов для атак и бомбежек священной земли славян.

Но я отвлекся.

Родилсяя и вырос в гарнизоне ВВСПВО. На всю жизнь пропитался густыми запахами авиа керосина, жёлтого ЦИАТИМа, ружейного масла из маленьких бутылочек, влажного на ощупь парашютного шёлка, едкого асидола для чистки латунных пуговиц, гуталина, сгоревшего пороха и судочков-бидончиков с ужином из офицерской столовой.

> В 1961 году после показа самолёта на Тушинском авиационном параде «Нью-Йорк Таймс» признавала, что у США «нет ничего… что можно сравнить с этим самолётом».

ЯК-28, всепогодный фронтовой истребитель-бомбардировщик, был мне знаком не понаслышке. Он был огромен. Размах крыльев – почти двенадцать метров, длина – двадцать с лишним и четыре с половиной – высота! Две пузатые турбины оттягивали толстые прочные крылья. Воздушный датчик на остром ракетном носу выглядел как бластер из фантастического романа. Красные звезды на массивном киле смотрелись уверенно и победоносно. Кроме двух ракет, он мог подвешивать дополнительные топливные баки, падавшие при истощении запаса в нужном районе. Это позволяло увеличить дальность района боевых действий. Когда подвешивали сигарообразные баки, то казалось, что он никогда не взлетит. Пушки обладали немалой скорострельностью – две с половиной тысячи выстрелов в минуту. В фюзеляже и на подвесках могло поместиться до трёх тонн бомб.

Что ещё важно для дальнейшего рассказа? То, что в его баках было три с половиной тонны авиационного керосина, лёгкого светлого топлива, позволявшего развивать скорость более двух тысяч километров в час. Полностью снаряжённый, он весил до шестнадцати тонн. Этакий летающий танк, первый в мире сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик.

Выйдя из капонира[9] с помощью тягача, он подкатывал на прицепе к бетонированному откосу и со свистом запускал турбины. Выкатывался на ВПП[10], включал пороховые ускорители и, как ракета, на удивительно малом разбеге резко уходил в небо. Возвращался через сорок пять минут и при посадке над пляжем выпускал диковинную длинную ногу. После касания ею бетонки из длинного фюзеляжа выстреливались две полусферы тормозных парашютов. Мы все мечтали о них, и однажды всё-таки заполучили один, – маленький вытяжной, для выпуска основного парашюта, старый, обтрёпанный, прожжённый, – подшили его, как умели, сделали люльку и спустили с вершины водокачки дворняжку, да ещё связанную с рыжей кошкой. Кошка нас перецарапала, а собака покорно выла, задирая узкую бородатую морду к небу. О последствиях эксперимента лучше не вспоминать – отцы-командиры пороли нас только за дело, редко, но метко. Опорная площадь в надире от зенита моей головы до сих пор помнит крепкую кожу офицерского ремня.

Были ещё учебные самолёты с двумя кабинами и двумя

управлениями, так называемые спарки. Вот уж где мы хотели посидеть, так это в кабине инструктора! Но нам доставались только разорённые кабины маленьких пузатых МИГ-17, болтавшихся на самолётном кладбище без присмотра. Из деталей оборудования мы выпиливали напильниками магниевый порошок и делали самые настоящие бомбы. От них стонал весь военный городок. Это вам не китайская бижутерия со свистом на Новый год!

Гарнизон был в постоянном напряжении: ВВС ПВО несли круглосуточное, круглогодичное боевое дежурство, охраняя морскую границу. По утрам и вечерам, а иногда и ночью, в дальнем районе пятиэтажек, где в основном обитали семейные лётчики и командиры, выла сирена. Она стояла на сером деревянном столбе и запускалась внезапно, когда никто этого не ждал. Звук был низкий, сильный, тревожный. Офицеры и сверхсрочники как кони топотали коваными сапогами по травянистым лужайкам городка и неслись на аэродром. Иногда тревога была не учебной, а боевой: американские базы были в Турции, рукой подать, и оттуда прилетали шар-пилоты, фоторазведчики. Их сбивали над морем, и в офицерском клубе рос парадный список лётчиков, награждённых орденами и медалями. Отец тоже как-то получил «зэбэзуху» – медаль «За боевые заслуги». Иногда сбивали какой-нибудь «кукурузник» с людьми, пытавшимися улететь в Турцию, на свободу. За это награждали как за боевые действия, хотя лётчики старались не вспоминать о таких происшествиях.

Иногда над морем зависали НЛО: то жёлтые звезды, горевшие ярче солнца, то мелкие цепи огней, двигавшихся друг за другом. Дежурную эскадрилью поднимали по боевой тревоге, но ни догнать, ни тем более сбить объект не удавалось ни разу. При этом лётчики полушёпотом рассказывали, что при подлёте к НЛО их одолевал смертельный ужас, а открывая стрельбу, они были почти уверены, что не только ракеты, но и двадцатитрёхмиллиметровые снаряды могли вернуться к самолёту…

В этом полуфантастическом мире:

– ревущих на всю округу самолётов, хищных зенитно-ракетных установок, десантных тренажеров, батутов и лопингов[11], громадных прожекторов, светивших круглыми лучами в сторону моря, китайских болванчиков локаторов, денно и нощно качавшихся на зелёных буграх;

– корявых сухих виноградников, влажных чайных плантаций с пауками-крестовиками, густотравных перепелиных полей, грозного морского прибоя, полуразрушенных замков на

скалистых берегах, легенд об абреках и Серго Орджоникидзе, возившем оружие боевикам;

– оружия всех видов, калибров и мастей, ночных учений, французских фильмов на открытом воздухе и регулярных похорон разбившихся лётчиков – мы вырастали отъявленными романтиками, фаталистами и раздолбаями.

Мы дрались по любому поводу, но строго по священным правилам: один на один, девочек и лежачих не бьют, схватка до первой крови, после драки – замирение. Мы сами гладили свои мальчишеские сорочки, носили чёрные солнечные очки и шейные платки, ухаживали за рано созревшими девочками и целыми днями пропадали на море. Воровали спелый виноград, зелёные яблоки, вяжущую рот хурму, белую и чёрную черешню, воевали с местными и отчаянно стояли друг за друга.

Катастрофа

А город подумал – печенье везут…

(Из детской пародии)

Осенний вечер упал с неба на городок, как верблюжье одеяло. Было холодно и ветрено. Шёл мелкий липкий дождь, обволакивающий всё вокруг и проникающий в душу. Вот-вот должны были начаться заморозки. Мы с братом забрались в дом после шатания по улице и зябли. Отец ещё был на службе, мама-телетайпистка – дежурила очередные сутки на дальнем КП. Дров было мало, да и печка у нас горела плохо, дымила, и разжигать её мы не стали.

Это всё из-за того, что родители не умели ставить магарыч и давать на лапу. Худой длинноносый печник из КЭЧ[12], поняв это, выполнил свой служебный долг тяп-ляп и удалился, посмотрев на всех со значением – мол, вы меня ещё вспомните! Только через год полупьяный дядя Ваня, сосед, зайдя к нам и потянув носом, матюкнулся, притащил свои кельмы, глину и прочее, развёл море грязи, но печку довёл до кондиции. Даже нарисовал на белом боку той же глиной красивую коричневую собачку с хвостом-колечком, своего доброго нелепого Тузика.

А сейчас было холодно, сыро и неуютно. Слышен был далёкий раскатистый гром аэродрома, – это начинались ночные полёты в сложных метеоусловиях. Мы зажгли на веранде и во всех трёх комнатах свет и уселись за книги из гарнизонной библиотеки. Внезапно свет погас – такое случалось нередко. Мы

приуныли, достали керосиновую лампу, брат осторожно разжёг её и поставил на круглый стол. Мне было двенадцать, ему – шестнадцать. Стало немного жутко.

В комнатах лампу ставить запрещалось, и мы сидели на веранде. Из высоких, разбитых на маленькие рамы окон глядела на нас чёрная субтропическая ночь. Длинная ветка осокоря, высокого и широкого, как шатёр Мамая, ложилась прямо на крышу веранды, ветер трепал её узловатые лапы и хлопал по черепице. Палка на капроновом парашютном тросе, привязанная к дереву ради летательных забав, ритмично колотила по стволу, но выходить и закреплять её нам не хотелось. На стекла налипали сорванные порывами ветра мокрые треугольные листья. На море третьи сутки не утихал шторм.

Со стороны чайной плантации послышался гул турбин ЯК-28. Мы знали типы самолётов на слух и насторожились – над городком боевые машины обычно не летали, разве что вертолёты. Гул был неровный, двигатели то взвывали, то затихали. Звук приближался, нарастал, и мы поняли, что самолёт идёт прямо над нашими головами. На море мы часто становились по пояс в воде возле берега по направлению глиссады[13] и испытывали друг друга – кто дольше выстоит, не ныряя, под диким рёвом садящегося истребителя. Лётчики издалека грозили нам кулаками в чёрных перчатках.

Теперь вой смешался со взрывами и выстрелами. Мы оба побледнели, сердчишки заколотились. То ли выскакивать и бежать куда подальше, то ли нырять в подвал? Над головой вдруг пронёсся ослепительно яркий метеор – в сторону Кавказского хребта ушла и через некоторое время взорвалась в чёрных горах ракета «воздух-воздух».

Мы замерли: медленно приближаясь, «ЯК-28» вёл над городком стрельбу из пушек, явно преследуя какую-то воздушную цель. Пролетела ещё одна ракета. Скорострельная пушка работала нервными очередями. Самолёт прошёл кометой над домом на высоте не более полусотни метров, пылая огнём и завывая двигателями. Через полминуты над городком за линией раздался невероятной силы взрыв. Воздушная волна докатилась до веранды, входная дверь глухо охнула на хилых петлях, надтреснутое стекло вывалилось из своего гнезда и разбилось на жирной чёрной решётке белой газовой плиты. Осколки подскочили и рассыпались по коричневому полу. В лампе вздрагивал и метался огонь фитиля.

На фоне тёмного неба сквозь мокрую мглу поднялся и расцвёл в небе огненный черно-красный гриб, очень похожий на ядерный из учебных фильмов. Тагир выкрикнул нервным тонким

голосом:

– Война!!! Ложись на пол, закрывай голову руками!

Мы кинулись на пол и прижались друг к другу, дрожа от страха и непонятности происходящего. Возле самого лица радужно посверкивали, отражая свет лампы, осколки стекла.

Раздался ещё один взрыв, уже слабее первого. Слышалась какая-то беспорядочная трескотня, будто кто-то, как мы на рельсах, грохал молотком по капсюлям «жевело». Потом стрельба затихла. Мы подождали немного, встали и опасливо подошли к окну. Гриб разрастался в небе, поднимаясь над домами и деревьями и нависая над тёплым живым миром, как могучий джинн из лампы Аладдина. Разрастался грандиозный пожар. После парашютного спуска животных мы хорошо знали тот район у водокачки: рядом с ней стоял дом старушки-сторожихи.

Постепенно до нас дошло, что же случилось: у «ЯК-28» загорелся двигатель, и он по какой-то непонятной причине стал снижаться прямо над городком. Перетянув через железную дорогу и выпустив боезапас, он упал в районе пятиэтажек и взорвался. Мы оделись как можно теплее и бросились в сторону пожара.

Около этой водонапорной башни на аэродроме Бамборы (Бомборы) в 1968 году упал самолет Як-28П. Его пилотировали комэск 171-го Тульского ИАП майор В. И. Ключников и штурман-оператор к-н С. И. Ситников (14-й корпус Бакинского округа ПВО).

Фото и информация: http://sandar.ucoz.ru.

Кто не вернётся домой?!

Ветер внезапно утих, будто его придавило взрывом. В воздухе царила влага, проникшая повсюду: в стволы деревьев, в металлические сараи и гаражи, в чёрные уличные сортиры, в одежду и волосы. Мы почти бежали по жирной, чавкающей под галошами земле. Стена кустов и деревьев на железнодорожной насыпи расступилась и пропустила нас в узкий проход по деревянным мосткам на ту сторону городка.

Пожар бушевал. Ветер качал багрово-чёрные полотнища огня, дыма и сажи из стороны в сторону. Было светло как днем. Ближе ста метров мы подойти не смогли: весь гарнизон съехался и сбежался к месту катастрофы, и комендатура выставила оцепление, пропуская только прибывающие из части и города Гудауты всё новые и новые пожарные расчёты. По большому счёту, и тушить-то было нечего, да и нечем: горел керосин, раскаляя магний и дюралюминий, рвались пиропатроны катапульт и ракетницы, пылала густая жирная смазка, плавились стекла кабины.

От лётчиков чудом осталась только кисть левой руки, – взрывом её выбросило на тридцать метров, и военный дознаватель приобщил её к делу.

Слава Богу, что на борту не было авиабомб!

Мы увидели, что произошло чудо: пролетев нашу часть городка, экипаж «ЯК-28» сумел перетянуть машину через крыши и погиб у самой водокачки, не зацепив ни одного дома. В одном из них, у речки, жили их семьи с детьми…

Самолёт упал на брюхо. От удара лопнули топливные баки, и тонны керосина хлынули на глухую заднюю стену домика сторожихи. Перепуганная старушка, пережившая войну с немцами, сумела выскочить из домика и даже спасла деньги, документы и часть вещей, пока пожар с крыши не перекинулся на её сторону. Бойцы пожарных расчётов подогнали бульдозеры, экскаватор и окапывали огонь, не давая ему разрастаться. Капли дождя, падая на раскиданные вокруг раскалённые осколки, испарялись, оставляя белые пятна.

Офицеры, сняв фуражки, молча стояли вокруг, глядя на пылающий остов самолёта. Помогать было некому. Матери, плача

и вскрикивая, гнали домой сбежавшихся детей. Многие женщины были в домашних халатах. Странное дело, но мне в отсветах огня они все казались удивительно красивыми.

Мы постояли, дрожа от холода и перевозбуждения, и пошли домой, ощущая весь ужас нашей детской беспомощности и бесполезности. Дом сиял огнями в ночи, – снова включили свет, – и мы кинулись к нему, как в отходящий от берега в море ковчег. Заперли дверь на засов, разобрали кровати и тихо гадали, кто же был в погибшем экипаже.

Пожар продолжался до утра. В семьях напряжённо ждали офицеров, ещё не вернувшихся домой, звонили дежурному по штабу, а он устало отвечал:

– Списки уточняются… Звоните утром.

Вернувшихся домой встречали радостными слезами и объятиями, но тут же следом продолжался горестный плач о погибших.

Поужинал – бойкот!

Техник Леня Чашкин был обречён на вечное старлейство: характер у него был злобный и сварливый, как у старой девы. Да он и был убеждённым холостяком, старожилом офицерской общаги. Начальство его не любило.

Он пришёл в столовую последним, сделал заказ официантке, и только после этого объявил:

– Мужики! Там на городок за линией семьдесят второй упал и взорвался. Горит.

Потрясённые офицеры вскочили и бросились, кто на чём, добираться к месту катастрофы, а Чашкин продолжил сытный и питательный ужин.

После этого ему устроили бойкот и месяц не разговаривали, а Чашкин подал рапорт о переводе в другой гарнизон. Просьба его была немедленно удовлетворена.

Первый лёд

Мы не спали допоздна. В окнах метался тревожный огонь пожара, продолжавшегося всю ночь. Но юное здоровье взяло своё, и утром я проснулся как ни в чем ни бывало, хотя и проспал. Едва успев намазать бутерброд с брынзой, я сунул его в портфель и заторопился в школу. Сияло холодное бледное солнце. Листья на осокоре сморщились от первого морозца. В лужах под ногами потрескивал молодой ледок. По спине мерно колотил полупустой кожаный ранец – кроме дневника и «Похождений бравого солдата Швейка», в нём не было ничего. Небо было чистым, нежно-синим. Вчерашний кошмар улетучился – счастливое свойство юности.

Впереди я увидел медленно бредущих в школу одноклассников. Я догнал их, на бегу хлопнул кого-то по спине и крикнул:

– Пошли быстрей, опоздаем!

Тот посмотрел на меня искоса и хмуро сказал:

– Чего орёшь, как ишак? У классной сегодня муж сгорел…

Я замолчал с разинутым ртом. Надежда Васильевна, математичка, была совсем не вредной, по-своему доброй для нас, хулиганов, женщиной. Мужа её мы почти не знали, но это не имело никакого значения: в авиационных гарнизонах все друг другу родственники.

Прощание с героями в военном городке.
Фото: http://sandar.ucoz.ru.

Мы в унылом молчании пошли вперёд, пиная ногами замёрзшие кучки слежавшихся опавших листьев. Надежды Васильевны в школе не было. Не пришла она и через неделю, – всё оформляла бесконечные бумаги и подписки. А через три месяца, посреди учебного года, она уехала с детьми куда-то под Саратов, к матери. Что стало со второй семьёй, не припомню.

Это была не первая наша встреча со смертью. Лётчики всегда ходят по краю пропасти, а военные – особенно. Мы с младых ногтей привыкли к похоронам, траурным оркестрам, пёстрым искусственным венкам, к надрывным речам замполитов и членов женсовета[14]. Да, мы росли фаталистами и мечтали стать

офицерами, хотя и видели, сколько мучений выпадает на долю наших отцов. Кто глотнул этого воздуха, тот отравлен на всю жизнь!

Вскоре напротив штаба полка появился монумент: опираясь на каменную стелу, в небо стремительно рвётся истребитель. Правда, там, по-моему, поставили МиГ-19, потому что фронтовой бомбардировщик великоват для памятника. К тому же все они тогда были в эксплуатации[15].

Памятник лётчикам, погибшим в 1943 году, и экипажу ЯК-28П В. И. Ключникову и С. И. Ситникову (1968 г.). Гудаута, Центральный городской парк.

А памятник «Яку двадцать восьмому» теперь стоит у ворот Иркутского авиационного завода. Все же он был первым и лучшим в мире самолётом такого класса.

Вот только нашим с ним не повезло…

Рождество в Меотиде (святочный рассказ)

«Но смотри, для своего же блага запомни всё, что с тобой произошло сегодня…» – Призрак, воспарив над землёй, растаял в морозном мраке за окном.

(Чарлз Диккенс, «Рождественская песнь в прозе»)

Хотите – верьте, хотите – нет, но однажды в ледяной степи мне явился ангел!

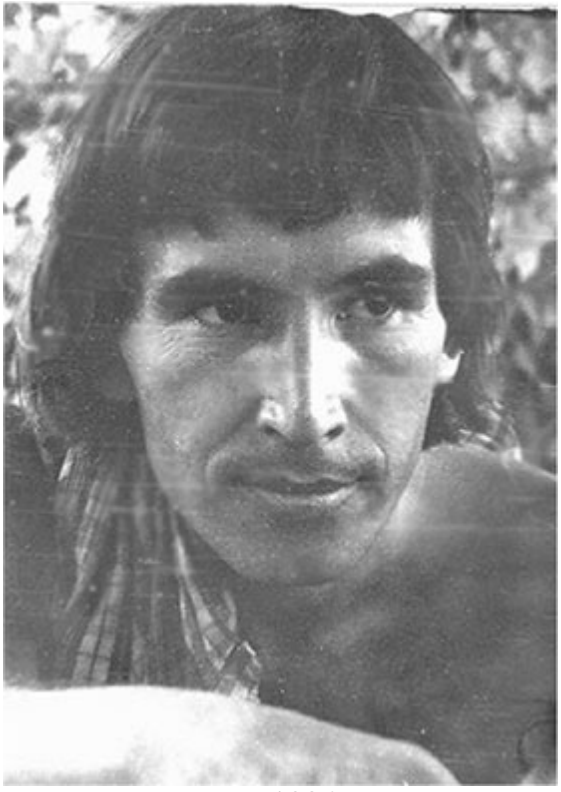
Жил я той морозной и многоснежной зимой в устье огромной реки, посреди развалин древнего города-крепости. Боспорские греки за семьсот лет выстроили и оставили на память местным жителям длинную цепь оборонительных башен из песчаника и известняка. Казаки терпели соседство около полутора тысяч лет, а потом продали стройматериалы купцам на застройку Азова, Таганрога и Ростова-на-Дону. И остались от города Танаиса только фундаменты башен и домов.

Летом в археологической экспедиции Академии наук было весело: студенты в плавках и студентки в невесомых купальниках грызли глиняный раскоп и загорали до египетской черноты, а вечером заводили магнитофоны и романы на дискотеках или вели философические беседы о некрополе у костра, попивая густой чай с чабрецом, душицей и зверобоем.

А осенью долгие дожди заливали былое палаточное счастье, и сотрудники музея-заповедника, отправив самые ценные находки в Пушкинский музей и в Эрмитаж, заползали в уютные берлоги на всю зиму и обрабатывали материалы. В кирпичных сараях фондов под широкими крышами хранилось много добра: битые черепки амфор, киликов, черно-лаковыхчаш и светильников; глиняные пробки от винных амфор, как возле первобытного гастронома; древние каменные грузила для сетей и острые позвонки осётров; а иногда попадались круто изогнутые трубки турецких солдат, стороживших дельту Дона от неверных и куривших во время оно не табак, а гашиш… Всё это нужно было описать, внести в формуляры и сделать научные выводы. Занятие длинное и достаточно нудное.

«Башня поэтов» в Танаисе.

«Дом Анвара» в Танаисе.



Индеец Анвар. Танаис, лето 1986.

А зима в том году была лютая! Раскоп занесло до уровня

степи, мост через крепостной ров обледенел и погрузился в сугробы; от домика к домику рыли тоннели, а мою радиорубку замело выше крыльца и подбородка. В степи, открытой и продутой насквозь, можно было замёрзнуть в ста метрах от жилья.

Но маленькая колония молодых бессемейных научных сотрудников жила и работала, почти не обращая внимания на пещерный быт. До Ростова-на-Дону можно было добраться на электричке за пятьдесят минут, но иногда казалось, что нет больше в мире никаких городов, а есть только черно-синее небо с бешеной промёрзлой луной, под которой сияют богатейшие снега, залившие мертвую округу.

В степи дрова – особая ценность, и с лета мы завезли в каменный сарай некрупный и быстро замерзающий антрацит. Для того чтобы добыть топливо на ночь, требовалось известное мужество. Им в полной мере обладал дворник Сергей Ватохин. Как водится в таких местах, имел он почти законченное философское образование и любил погутарить со мной вечерком о некоторых деталях системы Лао-Цзы или подробно доказывал мне априорность существования высшего «Я» во Вселенной. При этом белобилетник Серёга, едва видевший собеседника сквозь толстенные стекла очков, обладал невероятной силой и выносливостью. Летом он на спор за час вынул из раскопа столько же земли, сколько три здоровенных студента. И уголь слушался Серёгу, выходца из Донбасса. У нас в руках антрацит тушил разгоревшиеся дрова или раскалял плиту так, чтоприходилось вынимать его в ведре и вываливать в снег. Если за дело брался Ватохин, то мокрый уголь горел ровно, непрерывно и с видимым удовольствием.

Еще у Серёги был дворовый кот. Скорее дажеэтобыл камышовый кот, если судить по угрюмому характеру и невероятным размерам: встав на задние лапы, он свободно доставал наждачным языком до подбородка Ватохина, а в прыжке за наживкой взлетал почти до лампочки. Кличкой Матрас он был обязан своей желто-коричневой полосатой шкуре и невероятной лени. Хозяин кормил Матраса кусками варёного мяса из борща, жирной сырой рыбой из Мёртвого Донца, а летом научил его тащиться от жареного кофе – насыпал ему горсть коричневых зёрен из пакета и сам удивился громкому хрусту из огромной пасти. Кот полюбил кофейный кайф, подробно разжёвывал зерна, тянулся изо всех сил, выгибая мощную спину, бешено скакал по веранде, сшибая щербатые чашки, нещадно драл листья и лозы дикого винограда, утомлялся и, дотащившись до ближайшей скамейки, в истоме растягивался на ней всем своим могучим

телом. В ступоре он не замечал даже многочисленных кошек, шаставших по округе, и только иногда громко подвывал «му-а-у-у-у», очевидно воображая себя тигром в уссурийской тайге.

Но дворник-философ был знаменит не только дрессированным котом и геракловой силой.

Однажды днем 6 января он взял у меня лист бумаги, обгрызенную шариковую ручку и, покуривая самодельную бамбуковую трубочку, начал весело и не спеша составлять какой-то, как мне показалось, праздничный план на бумаге.

В четыре часа дня на дворе уже стемнело. Потрескивали от лютого мороза деревянные балки, в трубе выл и кружился залетевший ненароком дух зимнего ветра, рядом с домиком скрипел и колотил ведром по ржавой цепи колодезный журавль, задрав худую шею в мерзлое небо.

Серёга дописал план и протянул мне листок:

– Смотри, Садат, что мне пришло сейчас в голову. Надо будет проверить эту схему лет через десять!

Я начал читать, и, признаюсь, глаза у меня округлились:

«В предстоящие нам десять лет должны произойти следующие события:

– большая война с армянами на Кавказе;

– там же – землетрясение;

– распад социализма в Европе – 1989 год, начнётся с Чехословакии;

– вывод Советской Армии из Германии;

– объединение двух частей Германии в одно целое, без границ;

– военный переворот в СССР – 1991 год;

– затяжная война на Балканах – 1990 год и далее;

– новая кавказская война в середине девяностых…»

И так далее…

Я ему говорю:

– Военный переворот в СССР – это я верю, на это мы всегда горазды. Но остальное – это уж ты, извини, загнул. Понятно, что мы движемся в сторону прогресса, но вряд ли с такой скоростью.

Ватохин усмехнулся и внимательно посмотрел на меня через очки. Потом он ткнул пальцем в небо и загадочно выразился:

– Это вести оттуда. Я просто передаю информацию. Хочешь верь, хочешь нет.

У меня закружилась голова. Серёга молча смотрел и попыхивал трубочкой. От печки веяло ровным теплом, на потолке сияли алые пятна света из-под дырявых конфорок. Чайник посапывал облупленной крышкой. В этот момент на улице что-то громко зашипело ивзорвалось. Окно, затянутое дедморозовскими узорами, осветилось поднебесным светом. Я вздрогнул: мистика,

да и только!

– Это шоферюга из ракетницы стреляет, – хладнокровно заметил Серёга.

Я выдохнул и нервно засмеялся. Только представьте себе: сидят под звёздным небом в тесном каменном домике два молодых человека, варят гороховую кашу с копчёными рёбрами и обсуждают план будущего Европы и мира! И ведь подумать только, насколько он оказался прав!

Вдруг такая тяжёлая тоска взяла меня ото всей этой мистики, кота-кофемана, кромешного снега, темноты, сугробов, что я засуетился, подхватился, упаковал гитару и собрался в Ростов, поближе к горячему водоснабжению и канализации. К тому же в обед я вспомнил, что сегодня меня приглашали на день рождения капитан-механика теплохода «Курейка». Значит, подадут сладкую водочку, жирнючих азовских лещей, осётра в пергаментной бумаге, терпкие мочёные яблоки из кадушки с балкона, а из духовки соседа Андреича в середине вечера принесут толстого скворчащего гуся с черносливом, а под конец мы будем петь песни, и они тронут сердце какой-нибудь лукавой разведённой подружки…

Серёга изумился:

– Ведь сегодня Рождество, куда ты едешь? Его надо встречать дома, среди своих. Посидим, погутарим, рёбрышек поедим. К тому же у водилы есть классная самогонка, пшеничная – семьдесят градусов. Колядки устроим, – добавил он упавшим голосом.

Я содрогнулся, и вдобавок ко всему, второпях, спотыкаясь, ответил ему по своему тогдашнему безбожию нечто такое, что, слава Богу, не могу вспомнить сейчас.

Серёга смутился, потом вскипел, но сдержался и только заметил как-то отчуждённо:

– Ох, попадёшь ты, Садат, в яму!

И в этом он оказался прав!

Через десять минут, подходя к станции, я будто бы услышал крик электрички, разбежался на ледяной тропе, поскользнулся и обрушился вместе с гитарой с небольшого ледяного обрыва, разбив драгоценный инструмент и сломав правую руку сразу в трёх местах.

Сквозь оглушительную боль, корчась на мёртвом снегу, я ещё раз услышал те богохульные слова, что я произнёс совсем недавно. Они били мне прямо в висок и расплывались яркими воспалёнными пятнами в глазах. Стеная и завывая, пополз я к электричке, которая пришла только через пятнадцать минут. По дороге я пытался постучаться к кому-то из знакомых казачков за

помощью, но мне никто не открыл. Машинист увидел меня на другой стороне платформы, послал людей, меня погрузили в вагон и стали откачивать. По дороге он вызвал «Скорую», но она не подошла к вагону.

Очередь в травматологии была такая, что помощь мне оказали только три часа спустя.

С перекошенным от шока бледно-синим лицом, с белым мокрым гипсом на чёрной шёлковой перевязи я ввалился в мастерскую друзей-художников. Они сидели за небогатым столом и собирались праздновать.

Ахали, охали, но потом сошлись на том, что для гитариста важнее всё же левая рука, и начали пить за Рождество и моё скорое выздоровление. Конечно, никакой коньяк меня не брал, и когда друзья разошлись, я улёгся, тихо поскуливая, на сырой диван, натянул потёртое ватное одеяло со следами амурных битв и приготовился к тяжёлой бессонной ночи.

Руку в гипсе, мокрую и холодную, рвало, крутило и сводило, словно ржавую пружину. Голова ныла и гудела. Под закрытыми веками пульсировал багровый туман.

Наступила тишина. Я открыл глаза. Боль исчезла. Подвал залило ровным спокойным светом. Рядом с диваном сгущалось пространство, и в воздухе появилось плотное облако тумана в виде яйца… Оно висело, не касаясь пола, и оттуда или внутри меня зазвучал голос:

– Что, сынок, плохо тебе?

Я даже не испугался. Только непонятная волнующая радость подступала слезами к глазам.

Я проглотил комок и сказал:

– Плохо. Нет, лучше. А вы кто?!

– Да как тебе сказать… Ангелами нас называют. А вот ты вчера был во всём очень неосторожен – ещё немного, и совсем бы убился, да мы тебя подхватили. Не то пришлось бы, как у вас говорят, объясняться в другом месте.

Облако вздохнуло, будто сложило руки на добром животе, и продолжило:

– Разве ж так можно, сынок?

И тут бедное моё сердце не выдержало. Обняв левой рукой загипсованную правую, я разрыдался. Что-то бормотал, на что-то жаловался, нёс горячечную чепуху, но постепенно успокоился и закончил неожиданно:

– Я больше не буду.

Ангел, кажется, усмехнулся, и сказал:

– Да чего уж там… Ты хоть «Отче наш» знаешь?

Я вспомнил Никольскую церковку в Недвиговке, старого

попа, его старославянский, и дрожащими губами произнёс:

– Отче наш… Иже еси на небесех… Да святится имя твоё…

– Вот видишь, – удовлетворённо сказал ангел, – ты же хороший, только гордый, и хочешь иногда казаться хуже. Да и бедность одолевает. Ведь правда?

А был я нищ, как церковная крыса, одевался во что сам сошьёшь или подарят, и только гитара была моей собственностью, прочие же блага доставались мне, как птице небесной: запою – и дадут. Ещё я баловался табачком и часто по ночам мучился его отсутствием.

– Болеть тебе, – сурово сказал ангел, – месяц и два дня, а потом будешь здоров много лет. Пиши левой рукой, пока правая зарастёт. Заодно и узнаешь, почём настоящее слово достаётся.

Ангел помолчал и успокоенно закончил:

– А теперь спи.

Прохладная сияющая рука выплыла из тумана и, как писали в старину, смежила мне очи. В небесах торжественно плыла звезда Рождества.

Мастерская находилась в центре города, и редко кто из богемы проходил мимо, не постучав ногой в жестяной козырёк над окнами полуподвала старинного кирпичного дома. Я проснулся от стука сразу и в окно и в дверь.

Шатаясь, я подошёл к двери, открыл замки и толстенный засов и вернулся на диван. Художники, вечно пребывавшие во хмелю и голоде, ещё вчера аккуратно вылизали все банки, тарелки и пакеты. На столе не было ни корочки хлеба, ни окурка, более-менее пригодного к употреблению.

Свежие с мороза и слегка охрипшие, Лёня Вознесенский и Рустам Кибиров выгрузили на стол моментально запотевшие бутылки «Жигулевского» и позвали меня. Я ответил, не вставая:

– Не пью с утра. К тому же я не завтракал, а у вас, как всегда, на выпивку есть, а на еду не хватает.

– А сырок? – зычно захохотал Лёня и показал мне «Дружбу» с синей этикеткой, усладу алкашей и творческих личностей.

Я посмотрел на него и отвернулся.

В комнате наступила тишина. Прозвучал изумлённый Лёнин голос:

– Погоди-ка! А на стуле что? Вот это сюрприз! Садат!! Ну у тебя и выдержка! Как в Малом театре!!

Я обернулся на круглый венский стул, заляпанный засохшей краской.

На нем лежали дары неба нам, грешным.

Каравай подового хлеба подавал нам сигналы своим подсолнечным ароматом. Хотелось немедленно разломать его

пополам и вонзить зубы в хрустящую плоть.

На промасленном пергаменте лежала толстая печёная рыба неизвестной нам породы с треугольной головой и копьевидными плавниками. Коричнево-золотистая корка явно скрывала озеро жира и отсутствие мелких пакостных костей.

Венчала стул мохнатая бутылка с едва видной из-под пыли этикеткой «Кагор № 32». Вино сияло изнутри мягким рубиновым светом.

А ведь вчера ночью, сидя на этом самом стуле, я перед сном стягивал ботинки одной рукой, сетуя на то, что не догадался кого-то попросить о помощи.

Лёня перенес дары на стол. Под рыбной бумагой оказалась прилипшая снизу пачка сухой, но слегка подпорченной маслом «Примы» из артамоновского табака.

Рустам наблюдал весь этот цирк и только хмыкал, попивая ледяное пиво.

Лёня, глядя на мои реакции, только махнул рукой, не стал спрашивать об источнике вечного наслаждения и с библейской простотой определил:

– Что Бог послал, то и на столе!

Мы руками разделывали нежную рыбу, ломали ароматный хлеб с хрустящими пупырышками, наливали в стаканы густое ароматное вино, а я никак не мог понять, – как все это попало в наглухо запертый полуподвал. Выпили, поели, закурили. Я молчал о ночном видении, но про себя недоумевал: «Вот же она, еда! И даже «Прима» настоящая, хотя вкус у неё довольно противный».

Лёня отвёл меня в мединститут, и руказаживала с фантастической быстротой.

Через месяц я навсегда бросил курить.

Всё, что предсказывал Ватохин, сбылось.

Было это ровно пятнадцать лет назад.

«По небу полуночи ангел летел,
и тихую песню он пел».

С чем вас и поздравляю!

Тюмень, 2001

«Красный факел» и Дон Жуан

Дон Жуан, а точнее (по-испански) Дон Хуан – легендарный соблазнитель, маг и волшебник, сумевший обаять сотни женщин. Пушкин в «Каменном госте» назвал его Дон Гуаном. Об этом невероятном мужчине до сих пор ходят слухи, а словечко «донжуан» в русском языке стало нарицательным.

В Новосибирске, громадном городе, том самом, где находится мифологический Академгородок, в театре «Красный факел» решили поставить пьесу «Дон Жуан». В 1986 году я возвращался через всю страну с севера Сахалина, и любые заработки для меня были важны. Первый концерт я выдал на аффинажном заводе под охраной автоматчиков – там выпускали золото высшей пробы. Выступал и в Академгородке, «Под интегралом», вдоволь насмотревшись на одиноких дам и высокоинтеллектуальных мужчин, кушающих морковку и не замечающих этих дам.

И вот – творческий заказ! Жил я неподалёку от Академгородка в комнате размером примерно три на три метра. Только что запустили метро. В Новосибирске был самый большой в СССР вокзал. Громадный оперный театр удивительной круглой формы, построенный, как водится, пленными немцами, поражал воображение. А новосибирский театр «Красный факел» находился в самом расцвете перестроечной свободы. Завлит через Володю Аникеева из клуба авторской песни заказал, не догадываясь о моем существовании, цикл песен для спектакля «Женитьба Дон Жуана». И я начал сочинять, задыхаясь от недостатка воздуха в крохотной комнатушке. Перед этим, будучи после флота студентом филфака Ростовского госуниверситета, сделал целый песенный спектакль для своей альмаматер. На древнегреческую тему, о Пифагоре, не только философе и математике, но и олимпийском чемпионе в кулачном бою. Тогда, в начале восьмидесятых, я сидел кем-то вроде живой фигуры с левой стороны сцены и в нужный момент вступал со своей гитарой в действо.

Так что некоторый опыт был.

А тут написал целых семь, как мне наивно казалось, весьма подходящих для сюжета испанских песен. В их внутренней структуре я использовал фантазийный опыт испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки и автора-исполнителя песен, театрального драматурга, друга Сальвадора Дали – всемирно знаменитого кинорежиссёра Луи Бунюэля. Пригодился и великий Лопе де Вега с его «Фуэнте Овехуна» или «Овечий источник». Кроме нескольких тысяч пьес и других произведений, испанец

писал романсы, сонеты и песни!

Сложив в голове все источники (простите за каламбур), я начал бродить по улицам серого Новосибирска и вдохновляться. Прибежав в эту самую крохотную комнатушку, набрасывал несколько вариантов, брал гитару и пел. Володя приходил, молча слушал, давал какие-то рекомендации, брал варианты текстов и уходил. Потом он принёс магнитофон, записал три песни в окончательной редакции и уехал с бобиной (так называлась тогда кассета с плёнкой).

Авторского права тогда практически не было. Имею в виду, для бардов. Мы, поющие поэты, как гениально выразился Булат Окуджава, получали в лучшем случае гонорары за «квартирники», то есть подпольные концерты в квартирах Москвы и других крупных городов. Кстати, тот же Окуджава жил в одном доме с Ильёй Резником, стихотворцем многих знаменитых песен Аллы Пугачёвой. Однажды он встретился с Резником в лифте и вопросил:

– Илья, откуда у тебя соболья шуба?

На что Резник, снисходительно похлопав великого поэта по плечу, ответил:

– Песенки надо писать, Булатик, песенки. Популярные! Тогда и шуба будет.

Мы, молодые таланты, за театральные представления не получали НИЧЕГО! Автор-исполнитель Гена Жуков, основатель поэтической «Заозёрной школы», нашедшей пристанище в музее-заповеднике Танаис, создал для ростовского ТЮЗа в спектакле «Собаки» целую серию стихов и песен. Что-то вроде мюзикла. А жили мы целой богемной ордой в полуразрушенном Доме актёра. Уже началась перестройка-перестрелка. Но ростовский академический театр сохранил и сам театр, и труппу, откуда в давние времена вышли такие гиганты, как, например, Ростислав Плятт! До войны в нашем театре была самая большая в мире (!) поворотная сцена и один из самых больших в Европе залов. По-моему, на 1600 мест.

Но вернёмся к делу.

Творческий коллектив ростовского ТЮЗа, проехав половину СССР, заработал много разных премий, чуть ли не государственных. Но денег, кроме командировочных, у театра не было. Гена относился к этому философски, как истинный киник.

Меня же вообще тогда никуда не брали, как диссидента. Умудрился написать эпитафию Леониду Ильичу Брежневу.

Кончилось дело ссылкой на Север Сахалина.

Там, в Охе, я работал на самосвале и одновременно писал песни для любительского театра. Молодые ребята, в основном

инженеры, геологи, геофизики, нефтяники, дружно распевали мои куплеты.

Через некоторое время вернулся, и в Танаисе мы написали сценарий «Афинянин», где я играл самую трудную роль: возлежал на руинах под жарким южным солнцем, опутанный верёвками, и стонал, изображая тяжкую долю раба.

А песни для «Красного факела», к сожалению, не приняли из-за полной и непроходимой испанщины. Такова была формулировка. Труд мой, конечно, не пропал даром. Опусы мои до сих пор ходят по просвещённому миру.

Сейчас в Тюмени построили грандиозное здание театра.

Хочется тряхнуть стариной. Только вряд ли это кому-нибудь нужно…

Хотя песни писать я ещё умею.

Вот одна из песен к «Женитьбе Дон-Жуана», монолог главного героя:

Расставаться всё труднее,
Уходить уже нет силы,
Но остаться рядом с нею?
Звать её одною милой?

Припев:
Были жаркими объятья,
Были страстными поцелуи,
Стали нежными объятья,
Стали нужными поцелуи.

Нет, не в наших это привычках.
Кавалер ведь вольнее ветра.
Приласкает и певичка,
Но уйду я вместе с рассветом.

О, нежданные оковы!
Непривычна мне ваша сладость.
Стёрты у коня подковы,
И со мною что-то сталось.

Что мне пышности Мадрида?
Гамма чёрно-золотая?
Слава богу, не убит я,
А карманы залатаю!

Кавалер, словно вольный ветер,

Скачет сам, а куда – не знает,
Но учтив он с самою смертью,
Лишь любовь его пронзает!

Припев, и т. д.

История театра «Красный факел»[16]

Театр создан в 1920 году в Одессе группой молодых актёров во главе с режиссёром В. К. Татищевым. В Новосибирске работает с 1932 года. Немало замечательных имён театральных деятелей России связано с этим коллективом: в разные годы на сцене «Красного факела» играли выдающиеся актёры – С. Иловайский, С. Бирюков, К. Гончарова, Е. Агаронова, Н. Михайлов, Е. Матвеев (наш земляк), А. Глазырин, А. Солоницын, А. Болтнев, здесь шли спектакли А. Дикого, К. Чернядева, работал один из лучших театральных художников С. Белоголовый. Летом 1953 года состоялись триумфальные гастроли в Москве, послекоторыхза «Красным факелом» закрепилось высокое звание «Сибирский МХАТ». Это был успех ансамбля художников, объединённых Верой Павловной Редлих.

В 1971 году театр возглавил Владимир Кузьмин. Рождались

яркие постановки, незабываемые роли, но в целом до уровня уникального явления на театральной карте России, как это было при Редлих, «Красный факел» пока подняться не мог. Первая половина 1980-х серьёзных перемен в жизнь «Красного факела» не принесла, да и в жизни страны это, как известно, было застойное продолжение предыдущего десятилетия. Репертуарный выбор нового главного режиссёра Виталия Черменева был чрезвычайно широк, рядом с глубокими и искренними его спектаклями – «Закон вечности», «Птицы нашей молодости» – возникали и такие ложно-пафосные постановки, как «Правда памяти» или «Не был, не состоял, не участвовал…». С 1992 по 1997 год «Красный факел» возглавлял молодой режиссёр Алексей Серов. Эти годы дали театру новое дыхание, а лучшие спектакли – «Шестеро персонажей в поисках автора», «Мамаша Кураж», «Моё загляденье» – привлекли в «Красный факел» новую, интеллектуальную, молодую публику. В середине 1990-х труппа театра пополнилась замечательной командой молодых актёров, свободно владеющих современным театральным языком. Их приход тоже изменил лицо театра. В 1995 году спектаклем «Время и комната» на краснофакельской сцене дебютировал Олег Рыбкин (главный режиссёр театра с 1997 по 2002 год). Это стало началом нового этапа в жизни театра – этапа смелых художественных поисков, ярких сценических решений и открытия новой драматургии. Спектакли Олега Рыбкина не раз удостаивались различных премий, три из них номинировались на соискание Национальной театральной премии «Золотая Маска» – «Зойкина квартира» (1998 г.), «Ивонна, принцесса Бургундская» (1999 г.) и «Три сестры» (2001 г.). Во второй половине 1990-х «Красный факел» с постановками Олега Рыбкина участвует в пяти европейских фестивалях.

В 2001 году «Красный факел» учредил и впервые провёл на своей сцене Первый фестиваль «Сибирский транзит», стал участником и соучредителем Второго, Третьего и Четвёртого фестивалей. Премия имени Веры Павловны Редлих за лучшие актёрские работы, учреждённая театром в рамках «Сибирского транзита», призвана сохранить память о творческом наследии театров Сибири, поддержать их лучшие традиции на всем театральном пространстве региона.

Сегодня в репертуаре «Красного факела» – лучшие образцы как классической, так и остро экспериментальной мировой драматургии. Почти ежегодно театр представляет уникальные проекты или всероссийские премьеры пьес.

Здание «Красного факела» представляет историческую и архитектурную ценность. Оно было спроектировано знаменитым новосибирским архитектором Андреем Крячковым и построено в 1914 году как Купеческое собрание (или Коммерческий клуб) в сложной стилистике ампира с элементами модерна и русского стиля. Это был самый большой, самый красивый зал в городе, и здесь происходили главные культурные события: гастроли, концерты, спектакли любительских коллективов. Одно из первых крупных зданий, появившихся в Новосибирске, оно остаётся одним из наиболее интересных и красивых. В 1918 году здание стало называться «Домом революции». Здесь размещались Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и городской штаб Красной гвардии. С 1923 года оно вновь начинает выполнять функции городского «дворца культуры» (и называется в то время «Рабочим дворцом»)».

Розовая пятка Розенблюма (Из жизни великих композиторов)

Счастливому обладателю пятки посвящается.

Все события вымышлены. Все совпадения случайны.

Образ Розенблюма – собирательный.

Ворошиловград. Начало восьмидесятых. Перед концертом в ДК

– Не умеешь пить, – не пой! – в очередной раз повторил прибаутку молодой бард Розенблюм. – Сколько я Могилевичу говорил: бухло тебя погубит, кефир тебе через тряпочку сосать, а не водку квасить!

Он стоял посреди уютной маленькой кухни и ел хрумкие болгарские огурчики руками прямо из банки. Водочка в количестве одной пол-литры аккуратно стояла на столе. Хозяева тихой ворошиловградской квартиры, Фима Глянцвейзер и его жена Дося, она же Дора Блинкина, почтительно молчали. В другое время суток Досю невозможно было остановить. Она трещала как сорока двадцать пять часов в сутки. К тому же они с Фимой торжественно собирались выезжать в Вену, и Дося была самой важной птицей на семь вёрст вокруг: её папа с мамой уже давно жили, как они писали, в «деревне Чикаговке». Книги из огромной библиотеки увязывались пачками и продавались собраниями сочинений. Мебель уже была выкуплена авансом, и Фима чувствовал себя как в гостинице. Иногда он печально ощупывал жёсткий диван и уныло вздыхал. Спорить с Досей он не решался. Чего стоило только её знаменитое: «Фима, что стоишь, бикицер, бикицер, спать будешь на том свете!». Если что не так, она могла не только гавкнуть, но и двинуть мужа мощной дланью в мясистый подбородок. В общем, уютно, как в морге.

Но любовь к авторской песне была выше денег, заграницы и светлого капиталистического будущего. Полуподпольный Саша Розенблюм был в Ворошиловграде персоной грата на все времена. ДК «Строитель», куда он приезжал каждые полгода, трещал от зрителей. Студия звукозаписи пообещала Саше три тысячи рублей за магнитоальбом памяти Аркаши Южного, альбом записали, пихнули на чёрный рынок и продали на корню, а Саша

не получил ни копейки. Но его известность была баснословной.

В восьмидесятых годах двадцатого века в советской империи всё настоящее шло или с Запада, мимо властей, или из-под полы, мимо кассы. Сапоги финские – значит, будут носиться. Кобзон поёт про комсомол на БАМе – значит, туфта. Розенблюм поет блатные и про Афганистан – значит, народная любовь обеспечена. А принимать Розенблюма в гостях – за такую честь бились десятки лучших домов Ворошиловграда. Вот почему только приехав с автовокзала и взасос облобызав любителей песни при встрече, молодой, повторяю, Розенблюм имел не только право, но и возможность ходить по выморочной еврейской квартире и громко жувать огурчики.

Клуб и клубничка

Клуб авторской песни в бывшем Луганске, а тогда Ворошиловграде, помещался в громадном подвале жилого дома. Самодельные плакаты гласили:

> *«Кто хочет научиться игре на гитаре, – обращайтесь к Землянскому.*
> *Кто хочет петь, – обращайтесь к Ирине Поляницкой.*
> *Кто хочет – к Могилевичу».*

Серёжа Могилевич был личностью легендарной. Таких больше не выпускают, люди стали меньше масштабом и больше думают о физическом здоровье, чем о душе. Телом Серёжа был не обижен: метр девяносто два, почти сто килограммов веса, и только очки в чёрной оправе несколько портили ощущение библейского Давида. К тому же южные жгучие усы, хорошо подвешенный язык, неизменное добродушие, неистощимый запас анекдотов на все темы жизни – можно себе представить, как бесилась жена Марина, когда он видел перед собой очередную жертву и певуче произносил своё неизменное:

– Клёвая чувиха! Тебе я ещё песен не пел. Иди сюда, маленькая, познакомимся!

И они начинали усиленно знакомиться, причём чаще всего долгих песен было не надобно: был у Серёги какой-то флюид, феромон, хрен его знает что… Однажды Марина в сердцах сказала, что Могилевич олицетворяет собой мужское начало в авторской песне. Тут же встрял в разговор Саша Анущенко, самый деловой из председателей клуба: «А что, конец у него уже на лбу вырос?».

Но количество алкоголя, потребляемого Могилевичем, не поддавалось ни учёту, ни контролю. Забегая вперёд, скажем, что Серёга таки однажды умер: пришёл к Анущенко на день рождения

своего крестника и скончался прямо за столом.

А вчера он перепил настолько, что не смог подняться и встретить своего давнего корефана Розенблюма. Когда они созвонились, то на вопрос, что он сейчас делает, утомлённый Серёга Могилевич кратко ответил: «Блюю!» – и повесил трубку.

Впрочем, вернёмся к Фиме с Досей. Розенблюм завтракал. Или обедал. Как истинный врач скорой помощи, он свою норму знал и соблюдал. До концерта оставалось ещё пять часов, и Саша, шевеля мощными усами на скуластом лице, похожий на афганского душмана, жевал жареную индейку. Водочка постепенно уменьшалась в размерах.

Тут пришла Нателла Мехметовна Сапарова, дочка коренного бакинского еврея, профессора консерватории. Длинная, изящная, сочногубая и язвительная. У Саши с ней был роман, протекавший с итальянскими страстями: круглосуточным лежанием во всех подвернувшихся местах, признаниями в вечной любви, ссорами, матом, а иногда казалось, что ленинградец прибьёт Нателлу, и никто не удивится – уж больно она была доставучая. Утром они погрызлись, и Нателла ушла – как всегда, навеки.

Саша вышел на звонок в тёмный коридор, мрачно оглядел девушку, помахал ей крылом индюшки и прошёл на кухню. Нателла, задумчиво снимая мокрый финский сапог, произнесла ему вслед:

– Уезжаешь? А поцеловать? (Это она вставила из анекдота про ветеринара).

– Могилевич тебя поцелует.

– Ха! – крикнула Нателла. – Ты шо, совсем уже сдурел?

– Ты, зараза, как разговариваешь?! – взбесился Розенблюм (он не любил фамильярности, и правильно делал). – Чё ты опять заявилась мне настроение портить? Дося, гони её звидси.

И пошло-поехало.

Вы спросите, а что же делал в это время лирический герой, то есть я?

Печально морщился и пытался помирить враждующие стороны. Нас и так мало на этой земле, думал я про себя, да ещё евреи едут во все стороны, а мы грызёмся, как в последний день Помпеи. Вот завтра грянет гром, а мы в разводе, и вместо того чтобы «возьмёмся за руки, друзья», будем сидеть по одиночкам.

Минут через десять они успокоились, позажимались в коридоре, пошептали страшных клятв и под ручку пришли на кухню.

С улицы в окно лился яркий снежный свет. Маленькие хрустальные рюмки разбрызгивали по стенам пятна спектральной радуги. Саша поднял водочку и произнёс тост:

– Други мои, жизнь прекрасна! За вас, за стихи, за музыку!

И мы выпили, хотя я обычно предпочитал с утра не пить.

Перед выходом на концерт Розенблюм улёгся на ковёр посреди комнаты, раскинул руки и расслабился. Мы сидели на кухне и тихо разговаривали. Сегодня на концерте должен был появиться первый секретарь Ворошиловградского горкома партии, причём инкогнито, чуть ли не в тёмных очках, чтобы лично убедиться в безопасности официального репертуара знаменитого, но полузапрещённого автора-исполнителя. Барды и так достали Советскую власть шахтёрского города: пили как лошади, сношались со всем, что шевелится, а матюгались по телефонам так, что расшифровывать прослушку приходилось с громадными купюрами.

Лом-Барды

Фестивали «Большой Донбасс» проходили обычно под Славянском на Северском Донце. В Святогорском монастыре на высоком гористом берегу у молодого Чехова родился сюжет о чёрных монахах, и аура творческих порывов заполняла широкие поляны и громадные пещеры в скалах. Сюда, под сень дубков и лип, съезжалось со всего Союза тысяч по двадцать поющего народа.

Анвар Исмагилов, Юрий Лорес, Виталий Калашников. Луганск, 1986 г.

В окрестностях шахтёрской столицы, конечно, собирались на фестивали поменьше, но заканчивали концертом в громадном зале одного из ДК имени того самого, который всё призывал молодёжь учиться. Власти были бы и рады запретить на фиг все эти пьянки с блядками на три аккорда, но похоже было, что когда-нибудь подросшие любители песенок придут в управление страной и припомнят, кто их жучил. Потому в городе сложилось зыбкое равновесие, эдакий общественный договор о ненападении: вы не поёте откровенную антисоветчину, мы закрываем глаза на ваши разговоры у костров и на кухнях. Но и просто отмахнуться от песен, распеваемых молодёжью, в том числе и собственными детьми, власть уже не могла. Поход «первого» на концерт был похож на высадку десанта на вражескую территорию. В прошлый раз на неприятность наткнулся тоже первый, только из обкома комсомола: идёт после фестиваля за сцену, суётся в первую попавшуюся комнатушку, а там Могилевич с Розенблюмом. Самый усатый держал в руке здоровенный «огнетушитель» ноль восемь и фигачил портвейн прямо из горла. Увидев изумлённую незнакомую физиономию, он добродушно предложил:

– Будешь? Давай с нами! – и протянул склянку тёмного стекла знатному галстуконосцу.

Потрясённый секретарь закрыл дверь и поклялся больше за сцену не ходить: меньше знаешь, крепче спишь.

Концерт как явление искусства

Билетов на концерт Розенблюма не было уже давно. Зал гудел. Бард вышел на сцену в красивой импортной куртке, держа гитару, как десантный автомат, и запел. Перед выходом он принимал стакан ледяной воды, видимо для того, чтобы несколько сбить высоту и тембр своего незаурядного тенора. На третьей песне микрофоны неожиданно засвистели. Как Розенблюм ни пытался выбрать направление звука, как оператор ни крутил ручки, а гул не прекращался. Это при том, что звук настраивали полдня!

Разъярённый Розенблюм ушёл со сцены и ворвался в гримуборную, где Могилевич как раз пристраивался к столу, собираясь принять с устатку двести красненького.

– Серёга, трам-тарарам-тарам!!! Вы что, суки, делаете?!! Почему бардак со звуком?! Вы что порасслаблялись, кто за концертом следит, так вашу так?! Где стол на сцене, кто записки собирает? Санёк да Санёк, привыкли, что я вам с рук спускаю, а кто работать будет, гады?

– Щас будет, – ответил оторопевший Могилевич, – не

кипишись, Санёк, ты шо? – и вразвалку пошёл разбираться со скандалом.

Вслед ему бывший старлей Балтийского флота с БПК «Разящий» гаркнул:

– Бегом по трапу, молодой!! – но уже скорее в шутку, чем для острастки.

– Щас, побежал, – не оборачиваясь, проворчал Могилевич.

Однако через три минуты всё было в порядке.

– Извольте, барин, на сцену, кушать подано, – принаклонился к Саше хладнокровный импресарио.

Розенблюм извинился перед публикой, и концерт пошёл, как по рельсам. Аплодисментов в обычном смысле не было, – был сплошной рёв и стон, как в «Ла Скала» с закупленной на корню опытной клакой. Саша с самой юности овладел искусством эротического массажа ушей и глаз публики: где бы он ни придавил, – сразу оргазм!

Даже «первый» сдвигал ладоши, наклонялся к жене и что-то удивлённо ей говорил. Очевидно, он привык ассоциировать с Розенблюмом только «Гоп-стоп» и «Белла, не ломайся». Может быть, он даже считал его автором шедевра «Поспели вишни в саду у дяди Вани»! На концерте выяснилось, что Розенблюм – прекрасный мелодист, и даже пишет и поёт вполне патриотичные песни об Отечественной. Афганская война тогда как бы не существовала, и говорить о ней можно было только полушёпотом.

Как потом писал Жванецкий, «успех, он или есть, или его нет». У Розенблюма успех был всегда и всюду. Вероятно, именно поэтому официальная жлобская пресса, особенно украинская, а точнее киевская, пыталась обломать его об колено. Он выступал (часто бесплатно) на зонах и погранзаставах, на кораблях и аэродромах, а однажды мы даже пригласили его в Ростов попеть для друзей-капитанов моего родного Волго-Донского пароходства. Он взял за концерт всего сто рублей и рыбу, в то время как другие заворачивали и двести, и триста. Иногда музыковеды пытались притянуть его за уши то к бардам, то даже к Высоцкому, на что он отвечал, досадливо морщась:

– Что вы всё Высоцкий, да Высоцкий, есть же и другие! А мой жанр называется просто – Розенблюм!

В этом он был прав. Некоторые из авторов-исполнителей, например, Бородицкий, додумались до того, что даже сами на гитаре не играли, предоставляя это почётное право другим: я, мол, пишу мелодию и слова, а ты уж, дружок, будь любезен, сбацай. В основной массе поющие поэты играли или просто плохо, на расстроенных гитарах, или на три аккорда, что не могло вызвать восторга, например, у тех же рокеров… Не то дело

Розенблюм. Сын небогатых врачей из Ленинграда получил хорошее музыкально-медицинское образование, поработал после службы врачом на «Скорой», а потом органистом у самого Альберта Асадулина, татарского тенора невероятной высоты и силы. Школа попсы пропитала его музыку насквозь. Покойный Окуджава так и сказал про него: «ну что вы, Розенблюм – это хорошая эстрада, если бы все так писали, как он, была бы у нас неплохая эстрадная музыка». Сам Яковлич по этому поводу говорил:

– В Союзе двадцать консерваторий, и каждая в год выпускает примерно по пять композиторов. Итого сто штук в год. И где же музыка?! А я пишу её не за бабки, а просто так, от души.

С хорошими музыкантами он чувствовал себя на одной доске:

– Антон, – говорил он, жадно и глубоко затягиваясь сигаретой, – получает за песни три штуки в месяц, но больше всех – Тухман, у того четыре. (Имелись в виду Юрий Антонов и Давид Тухманов).

Он тоже хотел не просто народной любви и славы, но и достойной зарплаты. Через пятнадцать лет он купит сначала «Кадиллак», а потом «Линкольн Таун-кар». А пока он раздавал автографы жадным до знаменитости луганским девчатам из клуба с горящими от возбуждения очами. Девки аж приплясывали вокруг, прижимались выпуклостями и впуклостями к мощному организму Розенблюма, не без оснований надеясь на то, что какая-нибудь из них попадёт в поле зрения тигриных глаз ленинградца.

Еле-еле мы выбрались на шумную улицу с трамваями и троллейбусами. Машина ждала у ступеней. Саша сел вперёд, откинулся на высокий подголовник сиденья, жадно закурил. От него пахло горячим потом. На сцене он пахал, как молотобоец, не щадя живота своего.

На Розенблюме был полуспортивный костюм: светло-синие штаны и такого же цвета лёгкая куртка на молнии.

Подумав и что-то сообразив, он спросил, не оборачиваясь:

– Садат, ты завтра чем занят?

– А что? Вроде выходной, – я был в очередной халявной командировке от редакции родной газеты «Речник Дона».

– Поговорить нужно.

– Яковлич! Я готов. Вы же знаете, как я уважаю Остапа Ибрагимовича!

– Ну и славно.

Домашний концерт

Встретил нас уже изрядно поправивший здоровье Могилевич.

Он облобызался с Розенблюмом, похлопал его по прямой плотной спине, и тут же рассказал свежий еврейский анекдот. На лбу блестели капельки хмельного пота. С носа сползали мастроянниевские очки.

Фима и Дося расстарались на славу. Народу в квартирешке собралось видимо-невидимо. Всех не накормишь, справедливо рассудила Дося, и накрыла на кухне стол отдельно для Розенблюма. Но он свирепо глянул на хозяйку, обложил её за скупость, достал полтинник и погнал хозяина в лавку за едой и питьём для всех понемногу. Досины бутерброды, изготовленные из колбасы с луком, сыра, яиц и майонеза были микроскопическими. Одного хватало на то, чтобы приоткрыть рот, жевнуть и остаться с ощущением гестаповской диеты.

Для того чтобы усадить на домашнем концерте всех званых и незваных зрителей, нужно было бы не менее тридцати седалищ. Решили проще: разместились на полу, прямо посреди увязанных стопками книг и узлов с вещами. Розенблюм взял гитару, пошевелил усами и начал без предисловий. На этих тёплых сборищах почему-то считалось неприличным выражать эмоции. Не то что аплодисментов не было, но даже и выражений простого одобрения: экий вы, мол, батенька, молодец, здорово это у вас получается, хитро задумано и ловко в исполненьи!

Я этого не понимал и частенько высовывался со своими глупостями: здорово, гениально, ещё что-нибудь такое же…

Под конец я спросил:

– Саша, как ты умудряешься писать таким языком? Ты что, под гипнозом перевоплощаешься? Ты ведь точно не одессит.

– Книги плюс воображение, – гений был краток и поехал дальше.

Магнитофоны стояли в коридоре. Только провода от микрофонов протискивались между джинсовыми задами зрителей. Инженер-электронщик из Магадана Серёжа Байкалов держал микрофон на пластмассовой удочке и доставал им через полкомнаты. Ближе к двум часам ночи я почувствовал, что мои татарские очи смыкаются…

Горы в пустыне. Жара

Прошло много месяцев. Я лежал в неведомой пустыне жарким летним утром. Горло раздирал вездесущий песок. В лицо сквозь закрытые веки светило беспощадное солнце. Глаза с трудом вращались в глазницах. Бархан раскалял мне спину на своей природной сковородке. Даже сквозь одежду я чувствовал жизненную правду былины о куриных яйцах, зажаренных в песке.

Я лежал на боку, весь мокрый от пота, как мышь.

Отвратительная слабость разливалась по телу. Приоткрыв заплывший правый глаз, я увидел ослепительный свет и розовую плавную линию, уходящую вверх. Закрыл глаз и задумался. От жары тошнило.

«Интересно, а почему же так печёт спину? – подумал я. – В родных Каракумах, помнится, песок был прохладным, когда долго лежишь».

Я опять открыл тот глаз, который уже открывался. Розовая линия оказалась при рассмотрении склоном горы. Она уходила вверх и оканчивалась на фоне белесого неба пятью овальными горками. Последняя была выше и круглее других.

«Ничего не понимаю, – медленно думал я, ворочая шариками в мозгу с таким же трудом, как и глазами. – Если это горы, то почему они розовые, может, от солнца? Если барханы, то почему такие ровные?».

Но тут открылся второй слипшийся глаз. Покосившись на солнце сквозь дрожащие полуприкрытые веки, я обнаружил, что оно слишком маленькое для животворящего светила. И вообще после тщательного осмотра из-под слипшихся ресниц оно превратилось в двухсотваттную лампочку под самым потолком и без абажура – Дося и его умудрилась продать. Так я понял, что не лежу ни в какой пустыне, а заснул вчера вечером после концерта прямо возле батареи отопления, прижавшись к ней спиной. Тяжело поднимая чугунную голову, я присмотрелся к неизвестным барханам.

Это была ровная розово-жёлтая ступня Розенблюма, увенчанная пятью округлыми пальцами с аккуратно остриженными ногтями. Ещё выше, подняв больную головушку, я увидел вдали знаменитые чёрные усы. Скрестив могучие боксёрские руки на груди, Саша спал в чёрных трениках и зелёной майке как младенец и немного всхрапывал, как его любимые лошади, из-за лежания на спине.

Я откатился от батареи, переполз через неизвестную мне девушку. Спросонок она испуганно вытаращилась близорукими глазами и потащила на себя с пола упавшую голубую куртку. Я мрачно прижал ей палец к губам, переполз ещё через несколько полнощных трупов и на четвереньках, не в силах подняться, притащился в кухню. Была суббота, восемь утра. Дося сидела в углу за столом в толстой ночной сорочке с длинными рукавами, смотрела в окно и задумчиво курила.

– Привет, Дося, – скорее прохрипел я, чем выговорил, откашлялся, и продолжил виновато: – а минералки не осталось?

– Хосподи, на кого ты похож, – вздохнула полногрудая дочь Сиона, – осталось, конечно, для тебя-то. Из холодильника дать?

– Не-е-е, – прошипел я, будучи не в силах подняться с колен, – она же ледяная. Дай из ящика.

«Боржоми» покупали вчера из-под полы, в аптеке, большей частью на проводы за границу. Хлопнула рифлёная пробка, зашипели пузыри в стакане. Я с мычанием потянул в себя «бальзам на душу населения». Душа зашипела, заскворчала, переполнилась углекислотой и умиротворением. Отдав стакан, я сунул руку под свитер, почесать спину, и едва не закричал от боли.

– Е-моё, Дося, шо там такое, посмотри!

Она подозрительно прищурилась, задрала свитер на голову и ахнула:

– Боженьки ж мои, да ты же шкуру себе спалил. Ты посмотри, шо там творится!

– Как я тебе посмотрю, у меня сзади глаз нету. Да не трогай же ты, больно! – заорал я, когда она попыталась то ли почесать, то ли расковырять кожу.

Дося принесла небольшое зеркало с швейной машины и сунула его сбоку:

– На, полюбуйся!

С трудом скосив глаза, я увидел в тёмном стекле с блестящими лапками зажимов кусок собственной спины. Там, где жарили ребра батареи, кожа вздулась и густо покраснела. Ожоги шли равномерно, четырьмя полосками через каждые десять сантиметров, и в этом была какая-то мазохистская красота. Дося пошарила в белых недрах «Бирюсы-10» и достала широкую плоскую чашку с желтоватым гусиным жиром. Через полчаса, намазанный и накормленный завтраком, обломком вчерашнего пира, я сидел голый по пояс и старался ни к чему не прикасаться спиной. В кухню вошёл повелитель розовых гор. Как говорил Юлий Ким, Розенблюм с утра был немного узбеком, хотя корейцы в этом смысле будут покосее.

– Ты что, встал уже? – хриплым басом удивился Розенблюм. – А я думал, первый буду. Ого, это что у тебя на спине? – Он посмотрел профессиональным взглядом. – Та-а-к, термический ожог первой степени, плавно переходящий во вторую. Тебя что, бабы плойкой пытали? А, от батареи… Жиром намазали? Ну ладно, хуже не будет. На Урале, кстати, слабые ожоги посыпают солью. Вроде не должно помогать, а помогает. Может, калиево-солевой баланс восстанавливается?

Он закурил и пустился в лирический рассказ о бессонных ночах на питерской «скорой». Я слушал вполслуха и чувствовал, как понемногу утихает боль, а глаза подёргивались слезистым лечебным туманцем. Розенблюм умел заговаривать зубную боль,

вправлять пальцы и суставы, лечить головы, как мужскую с похмела, так и женскую в ненастные дни, промывал желудки, ставил клизмы, а если надо было – мог по-чемпионски унаркозить чувака, распускающего пролетарские руки.

Вероятно, я стал падать в полудрёме, потому что услышал хрипловатый смешок Розенблюма:

– Проснись, Садат! Замёрзнешь!

Он наклонился надо мной идержал плечокрепкойсухой ладонью. Желто-коричневые тигриные глаза светились изнутри уверенностью и жаждой власти над людьми через успех. Человек я тоже неслабый и уже тогда владел некоторыми эзотерическими приёмами, но Саша, истинный восточный Кот, свободно плавал в океане биоэнергетики. Он почитал ещё немного по зрачкам, хлопнул меня открытой ладонью в лоб и сказал:

– Через два дня всё пройдёт! А щ-щас (он по-ленинградски чётко произносил шипящие и даже слегка пришепётывал), щ-щас, Садат, давай водочки выпьем. Дора, доставай твои термоядерные.

Дося вынула из хрущёвского холодильника заветную баночку огурчиков, крепких, как границы, и острых, как нож, и мы выпили.

Хотя, повторяю, с утра стараюсь не пить вообще. Но попробуй откажи Розенблюму!

Поднялся и пришёл на звук хрусталя темнолицый и слегка виноватый Могилевич. Он макнул в мокрую раковину указательный палец и слегка потёр им глаза, – умылся, значит. В ванную, перешёптываясь и копаясь в интимных сумочках, потянулись румяные девочки. Мужики терпеливо лежали на полу и рассказывали анекдоты.

Ещё живой и громадный Могилевич (ему оставалось до смерти четыре месяца), изящно ухватив микроскопическую рюмку, брезгливо отставил её в сторону:

– Дося, шо за майсы? Ты бы ещё напёрсток поставила! Дай румку нормальную.

– Серёжа, опять двадцать пять?! Нахаваешься с утра, и никаких проблем, а Маринка потом меня с соплями съест. Пей давай, сколько наливают, и не выступай! – Дося разбушевалась, увидев, как он, очень похожий на молодого Довлатова, упрямо лезет в буфет и достаёт оттуда громадный пузатый фужер тонкого стекла. – Серёга, ты шо, в натуре, делаешь?! Вот бычара, – пыхтела она, пытаясь вырвать у луганского Давида фужер, – когда ты только нажрёшься…

Серёга снисходительно не отвечал. Взял бутылку «Экстры», поднял её над собой, налил на самое донышко фужера пятьдесят, может быть, граммов, капризно посмотрел на Досю, прыгавшую

вокруг, как жирный воробей, и выпил. Потом опять налил – всё ещё в воздухе, – опять выпил, и так раза четыре.

– Вот теперича всё, – удовлетворённо сказал Могилевич и причмокнул, – а ты боялась, даже юбка не помялась.

Розенблюм смотрел на происходящее философски. Он курил сигарету, пускал кольца и похмыкивал.

– Дора Матвеевна, – выговорил он, наконец, – ты кого хочешь перевоспитать?! Он что тебе, мальчик, что ли? Горбатого могила исправит. Давай лучше с тобой бабахнем по маленькой.

Дося насупилась. Водочку она тоже уважала, но воспитательный процесс, по её мнению, ещё не закончился. Она топнула толстой ногой в белых овечьих бурках по громадной лапе Могилевича, швырнула рваное полотенце на стол, уселась напротив Розенблюма и сказала:

– Да ну его на фиг! Наливайте, Александр Яковлевич!!!

– Вот это другое дело, – произнёс миротворец, – а то воюешь с пустяками. Ты же не Иванушка-дурачок на печке, а нормальная еврейская баба. Дося, я тебя уважаю, – вывернул он совершенно в другую сторону, – а ты меня?

– Против лома нет приёма, – оттаяла Дося, – вы, Александр Яковлич, и мёртвую уговорите.

И они бабахнули по сто, потом ещё по сто, потом неутомимый Розенблюм достал гитару и я свою, и пошёл самый задушевный концерт – по заявкам проснувшихся зрителей. У Розенблюма свой строй гитары, что-то среднее между джазовой негритянской и семистрункой российского разлива. Никто не мог сыграть на его чёрном «Овэйшне» с полукруглой декой, а я просто попадал в тональность на шестиструнной – из любви к чистому искусству. Я всё посматривал на часы: недалеко от Досиной квартиры стоял автовокзал, и через час мне нужно было двигать в Ростов. Ах как жаль было вставать и расставаться!

Ростов-на-Дону. Дворец с понтом

В ростове клуб авторской песни был, пожалуй, пожирнее луганского. За несколько лет вокруг него, как на мутовке в цистерне молоковоза, сбились в плотный комок сливки богемы – не только и не столько пишущие, сколько любители изящного как таковые. Писали и пели все кому не лень – электромонтажники, мелкие научные сотрудники, журналисты, офицеры-ракетчики, студенты юрфака, то бишь будущие прокуроры (явление уникальное!), геологи, сумасшедшие, стукачи, диссиденты-профессионалы…

Это было повальное безумие, заразное, как «Майн Либен

Августин». В космическом вакууме паранормальной советской жизни только песня давала возможность выговориться. В Ростове возникла и прогремела в широких клубных кругах знаменитая «Заозёрная школа». В неё входили совершенно непохожие друг на друга люди: чистый поэт, сын профессора университета Игорь Бондаревский, поэт-керамист и неплохой певец Виталий Калашников, бард в законе Гена Жуков и скромный автор этих строк. Мы были местными знаменитостями всесоюзного масштаба, на нас писали доносы и ругачие статьи, на улице Энгельса пухли папки с материалами, а мы всё пели и пели. Однажды вчетвером мы умудрились дать настоящее турне по девяти городам Украины и закончили его в Москве! Но такое счастье выпадало нам редко. В основном нашими залами были подвалы мастерских и лаборатории в НИИ.

В тридцать пятом году в Ростове-на-Дону построили драматический театр. Диковинное сооружение напоминало своими параллелепипедами и округлостями трактор – главное достижение Советской власти. По бокам главного входа поставили колоссальные башни-пилоны из стекла и бетона с широкими трапами и лифтами внутри. На фасаде входа могучие звероподобные люди с винтовками и пучеглазые кони из белого мрамора борются с силами зла – естественно, буржуазного.

Автор этого горельефа спустя несколько лет каким-то образом умудрился уехать за океан и на просторах Северной Америки развернулся вовсю, став уже в позднесоветское время президентом Академии архитектуры США. Знай наших!

Сцена театра с поворотным кругом долгое время была, говорят, самой крупной в мире, а зал на 1200 мест – крупнейшим в Европе.

Грандиозный Дом актёра на углу Максима Горького как раз и был построен в дополнение к театру. На плоской крыше цвели цветы в оранжерее, работал ресторан, в солярии загорали цветущие бабы-счетоводы из бухгалтерии театра, в элитном детском саду играли в будённовцев отпрыски благородных фамилий Марецких, Пляттов, Мордвиновых и прочих.

Дом простоял десятки лет без капремонта, как-то враз постарел, обсыпался, пожух, и в его грандиозные стены на смену актёрам, буфетчицам и осветителям пришла творческая интеллигенция конца восьмидесятых. Игорь Левин, например, сегодня проживает в городе Виннипеге, столице провинции Манитобы в Канаде, а в восемьдесят восьмом занимал в Доме актёра громадные апартаменты с кухней и прихожей. Работала газовая плита, горел свет, в жилой комнате стоял усилитель, крутились катушки магнитофона «Ростов–104-стерео», в

громадном окне качались чёрные липовые ветви. Чем не жизнь, да ещё без арендной платы?

Великий поэт Саша Брунько только что вышел из Таганрогской крытой тюрьмы, где его держали ровно год – для острастки. Самое печальное в том, что у него даже был паспорт, а на странице для прописки стоял лиловый, как на забитой свиной туше, штамп: «Хутор Недвиговка Мясниковского района Ростовской области». Вот такие бывают хуторяне! Мы встретились во время концерта в ДК железнодорожников имени того самого Ленина, обнялись, пустили скупую мужскую слезу и немедленно выпили. Потом добавили. Потом, уже в девятом часу вечера, поехали к швейцару гостиницы «Ростов» Сясику Бернацкому и взяли у него ещё бутылку водки. Сели на трамвай и поехали, нанизывая остановки на рельсовый шампур, в Дом актёра, все по одной прямой линии в сторону «Ростсельмаша».

По дороге Брунько пытался читать стихи, плакал, икал и приставал к девушкам. Его могучее обаяние сохранялось даже тогда, когда от него несло козлом, а филологини должны были бы оскорбиться и отвергнуть бред одинокого безумца. Я помалкивал, – попробуй, сохрани облик после года в ростовской тюрьме! В Дом актёра мы ввалились, уже изрядно приустав. Посередине большой тёплой комнаты, где жил Виленыч, стояла кривая раскладушка зелёного полотна с вялыми пружинами. Я выпил с поэтом, улёгся на раскладушку, застонавшую подо мной, взял с пола принесённую с собой гитару и предложил:

– Мин херц! Давай песню напишем!

Виленыч диким глазом покосился на меня и не поверил своему счастью. Я знал, что для него в мире существует только один звукописатель его стихов – я… Перебирая струны, я вспомнил, что в тетради, вынесенной из тюрьмы Валерой Гугниным, была «Античная баллада», созданная по мотивам нашего музейного житья-бытья в Башне Поэтов, посреди древнегреческих развалин.

– Ну-ка, Саша, напомни первые строки.

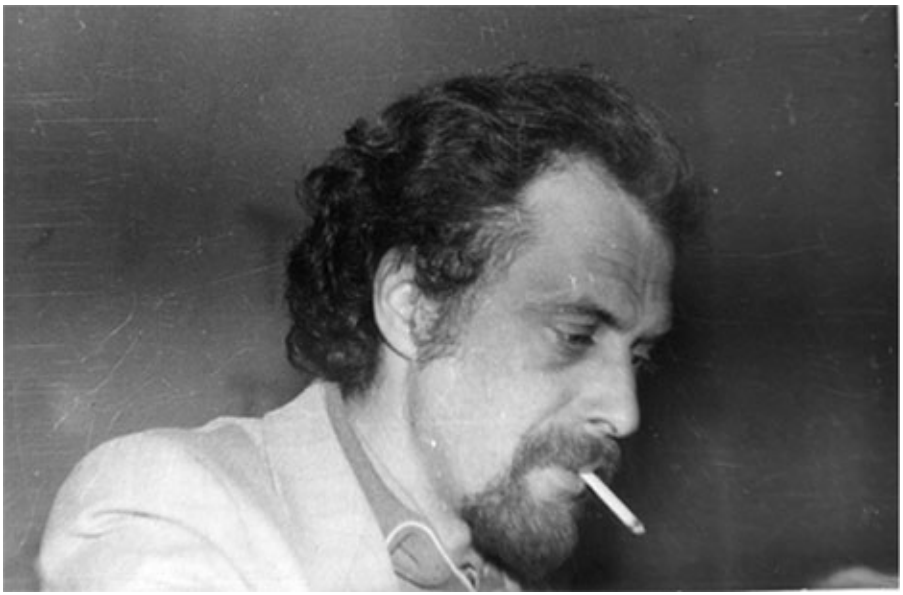
И была у поэта гитара, гитара…
И была у поэты жена, всех прочих прекрасней…
А какой дворец – не то, что моя хибара!

– Нет, это я помню, а дальше, про жеребца. «А какой жеребец – невиданной чёрной масти…»

Я уже не слушал и не слышал соавтора. Вся баллада вспыхнула в голове, да ещё в оркестровке. Эх, мне бы закончить тогда Киевскую консерваторию! Я бормотал про себя стихи,

завывал, подпрыгивал на раскладушке, а Виленыч пытался подсказывать ходы и решения, держа надо мной машинописную рукопись. В конце концов я не выдержал и рявкнул:

– Саша!!! Я же не учу тебя стихи писать! Молчи, пока я не закончу.



Александр Брунько за пишущей машинкой. Дом актёра, середина 80-х годов.

По-моему, он тогда обиделся. Насупился, бросил бумагу на пол, закурил очередную вонючую «Приму» и молча вслушивался в творческий процесс. Минут через десять «Античная баллада» была готова. Я сказал ему примирительно:

– Ну-ка, дай мне стихи.

Я спел ему с начала до конца, и Виленыч забегал по комнате.

– Ты понимаешь, ты понимаешь или нет, что теперь и помирать можно?! Памятник мы себе уже поставили!

– Я бы предпочёл ещё помучиться!

А через месяц приезжает в Ростов Саша Розенблюм, на котором в тюрьме помешался Виленыч. Аргументация успеха затёртых кассет среди урок была алогичной: когда Брунько пытался их подначить – это же, мол, жид, шо ж вы его так любите? – они отвечали: да, жид, но это русский жид! А в станице Грушевской за четыре года до этого Виленыч, обитавший лешаком в небольшой избушке, пришёл в гости к Жене Матвееву, казачине, выстроившему настоящую усадьбу на зелёной горке в центре станицы. Кроме двух домов, у него была сауна со зрительным залом, кухней и камином. Виленыч поискал Женю

дома, не нашёл, пересёк поляну и заглянул в зал. Там сидел плотный черноусый мужик в красной футболке, и что-то писал, покуривая цигарку. Они обменялись незначительными служебными фразами и разошлись, так и не узнав ничего друг о друге.

И вот я, узнав о приезде Розенблюма во Дворец спорта, или «дворец с понтом», решил восполнить пробел и познакомить поэтов, а заодно устроить традиционные посиделки с клубом и почитателями. За два дня мы обзвонили особо важных персон и таинственно приказали собираться в Доме актёра в девять вечера. Условием попадания на встречу с Розенблюмом была выпивка в большом количестве и закуска в умеренном. Ростовчане расстарались: дело было поздней осенью, и стол в огромной тёмной мастерской на третьем этаже заставили банками с помидорами, огурцами, соте, баклажанами с чесноком к жареной поросятине, а жирных лещей и балыковых толстолобов просто сложили на отдельном столе в углу.

Девушки сервировали стол, а я с президентом клуба Игорем Левиным отправился за Розенблюмом. Из Дворца уже вываливались первые зрители, удачно покинувшие зал ради гардероба. Мы, конечно же, не могли пробиться со служебного входа: плотная толпа человек в сто прильнула к прозрачным стенам, и смотрела внутрь. Но, на моё счастье, я увидел Сашу, идущего со сцены, пробился через двух милиционеров и заколотил изо всей силы в витринное стекло двери. Он, как ни странно, услышал, ухмыльнулся и послал за нами администратора. Пока мы объяснялись и поднимались наверх, в гримёрку, Розенблюм уже успел раздеться по пояс, завалился в кресло и лежал, расслабленно раскинув руки-ноги. Вокруг в почтительном молчании стояли гости из местных шишек. Саша взял поднесённого ему полупрозрачного, истекающего янтарным жиром рыбца, разорвал его руками и ел духовитое мясо, успевая одновременно отдавать указания администраторам и разглагольствовать об искусстве.

– Садись, Садат, сказал Саша, – в ногах правды нет. Рассказывай, как дела?

– Могилевич умер полгода назад, – тихо ответил я.

– Да знаю я! – он погрустнел. – Ты же помнишь, что я ему всегда говорил. А на похороны не поехал, потому что не мог ломать график, – меня же повсюду тыщи людей ждут…

Мы помолчали.

– Поехали с нами, старик, – предложил я, – там весь клуб собрался, человек шестьдесят, стол накрыт, песни попоём.

Он внимательно посмотрел на меня и тихо, так, что никто не

услышал, сказал:

– Нет, брат, я уже по клубам не хожу. Передай им привет…

Разговор закончился. Набежали ещё какие-то люди, и Розенблюм только помахал мне рукой, отвлечённый дамами со всевозможными признаками слабого на передок пола.

Снова красный трамвай «десятка». Приезжаем в Дом актёра, и я с порога говорю:

– Пулемёта я вам, ребята, не дам! Саша не смог поехать – его уже в десять мест пригласили.

И тут с горя началась такая концертно-танцевальная пьянка, о которой до сих пор вспоминают даже в Виннипеге!

С тех пор в Ростове создалось прочное мнение: если Садат хочет выпить, закусить и попеть для своих, то он приглашает на Розенблюма. Тот не приезжает, но стол уже накрыт – не пропадать же добру!

Тюмень. Филармония

Прошло почти двадцать лет.

На толстом витринном стекле Тюменской госфилармонии вижу знакомый лысый череп и название, явно сработанное для гастролей: «Транссибирская магистраль». Розенблюм приезжает в наш город уже третий раз на моей памяти, а всё сходить недосуг. Иду, покупаю у знакомой татарки Гульфии самый дешевый билет за стольник, сижу в директорской ложе, пью от волнения самый дорогой из русских коньяков, причем самый дерьмовый, Е-бургский, с волнующим сердца обывателей дворянским названием «Тайный советникъ».

В чёрном зале филармонического буфета мне всё время попадаются знаменитости: сын директора Бермана, чернявый трудяга-раздолбай Ингвар, купивший папе, заслуженному артисту республики, чёрный рояль «Стейнвей» за семьдесят штук зеленых; губернатор Корецкий с женой, наёмной работницей социального банка – такова официальная версия владения (в семидесятые читали нам лекцию об украинском национализме, и фамилия его родного брата, создателя университетской организации «Молодь України», стояла на первом месте в чёрном списке).

За столом со мной сидит толстый флегматичный бандюк Семён ростом два метра с молодой симпатичной женой Катей; сам директор Берман в сером немецком плаще благосклонно кивает мне своей цыганской головой; стремительно проходит полковник Карандышев, начальник областного мобуправления, выдавший мне новый военный билет без записи о военно-морском училище; улыбается львино-седой артист местного театра

Башкиров, чья фамилия, по его мнению, состоит из двух татарских слов «баш» – голова, и «кир», – о семантике второго филология умалчивает…

Да, милостивые государи, Тюмень – столица деревень. Здесь я слегка стесняюсь своего круга знакомств: Михаил Анчаров, Леонид Семаков, Александр Бородицкий, Зураб Соткилава. Иногда мне самому кажется, что вся предыдущая жизнь – набор сюжетов для целого ряда личностей: ракетчик, морпех, шофер-дальнобойщик, помбур, филолог, учитель словесности в тюремной школе, астроном-любитель, пусконаладчик, продавец компьютеров, президентский стипендиат в области литературы и искусства…

Саша вышел на сцену весь в чёрном. Длинный, уверенный в себе, на носу модные приплюснутые очки без оправы на стеклах. Начал без предисловий, напористо и почти без пауз. Зал ревел. На чёрном рэке стоял довольно внушительный набор сэмплеров, синтезаторов и прочих улучшителей вкуса. Молодой человек, стоявший на вахте у рэка в ярком свете ламп, был меланхоличен и молчалив. Иногда Розенблюм применял довольно эффектный ход: не помню, как это называется в электронике, но пел он сразу на четыре голоса! Зал бушевал и подпевал. С балкона директорской ложи я видел весь зал, но особенно бесновалась, как ни странно, молодёжь двадцати-двадцати пяти лет, прилипшая к барьеру ложи и махавшая руками в такт лошадиному ритму песни. А билеты были недешёвые – бабушка-одуванчик подошла к Саше после концерта и сказала, что продала швейную машинку, но сидела в первом ряду с внуком!

Я дождался того момента, когда усталый, но довольный Розенблюм вышел в тесный служебный проход филармонии. Скорее всего, я волновался. По крайней мере столько плохого коньяку и по такой цене я не пил никогда в жизни. Сашу окружали журналисты и сразу четыре милиционера, все почему-то с капитанскими погонами. Очевидно, их подбирали, как коньяк – если уж охранять Розенблюма, то не меньше, чем четырехзвёздными!

Саша был в чёрном пиджаке и в очках. Я набрал воздуху и крикнул:

– Старик! Брось журналистов! Здесь Анвар Исмагилов!

Он стремительно двинулся ко мне, рассекая плечом толпу. Мы обнялись. Розенблюм оглянулся, нашёл глазами администратора и спросил:

– Номер какой у нас в гостинице?

– Триста четвёртый! – бойко ответил разбитной малый.

– Завтра сможешь в одиннадцать пятнадцать? – спросил меня

Розенблюм.

– Конечно смогу.

По дороге ко мне привязался долговязый парень, журналист из автомобильной газеты. Мне стало его жалко, и я неохотно пообещал провести его в гостиницу для интервью.

Утро было холодным. Праздничные брюки прилипали к ногам. Тесная шапка давила голову. На озере стояла толпа и оживлённо обсуждала происшествие: бабушка побежала за внучкой прямо по центру озера и провалилась в прорубь. Подъехала машина с древней надписью «ДПС». Два сержанта в мундирах взяли под мышки доски, принесённые из дома соседом сверху, и неторопливо двинулись к месту события. Метров за тридцать до проруби они встали на карачки и поползли, подкладывая под себя доски. Бабушка махала руками, что-то кричала, но голос её слабел, и за минуту до прибытия помощи она сложила голову и утонула…

Лёд под милиционерами трещал и лопался. Они несколько раз проваливались, но всё же выволокли труп на берег. «Скорая» приехала минут через десять и даже не пыталась что-то предпринимать.

Ох, горе, горе… Я вздохнул и отправился в гостиницу. По дороге я подумал – а вот Розенблюм, может, и откачал бы её, будь он здесь.

В гостинице «Нефтяник» было тихо и уютно. Мы поднялись на четвёртый этаж, я постучал. Довольно долго не было ни звука, потом хриплый голос вопросил:

– Кто?

– Садат. Как обещал, в одиннадцать пятнадцать.

– А-а-а. Щас. Извини, я проспал немного.

Пока Саша приводил себя в порядок, я разглядывал диковинные бараньи бурки – толстые, высокие, из ослепительно-белого меха. Он вышел из ванной, заметил мой взгляд и сказал:

– Это из Новой Зеландии. В дороге здорово помогают – тепло-о-о! А, понял, чего ты смотришь, – и он хрипло хохотнул, – это меня Дося в Луганске научила.

Корреспондент застенчиво, но с достоинством топтался в прихожей. Саша, натягивая на могучий торс чёрную футболку, искоса посмотрел на него, и спросил у меня:

– А это кто такой?

– Саша, – ответил я задушевно, – он такой современный и нахальный, что я не мог ему отказать. Хочет, понимаешь, сделать с тобой эксклюзивное интервью.

Саша ушёл в спальню и оттуда не менее задушевно спросил:

– А может, мы его так же нахально пошлём?

– Да ладно, он молодой, перспективный, пусть работает.

Мы уселись за полированный стол и взглянули друг на друга. Он закурил, попросил рассказать о себе, и я едва удержался от подробного повествования об успехах и неприятностях. Но тут же попросил у него совета: певец Калинин взял одну из моих песен, поёт вовсю, и в «России», и на двух компакт-дисках, правда, великодушно указав моё авторство.

Розенблюм долго не мог понять, в чем дело: его романс и моя «Кошка» на обоих дисках стояли рядом, и он спросонья видел только свою фамилию. Потомсообразил, в чем дело, и вответ намой робкий вопрос об авторских правах коротко рыкнул:

– Садат! Оставь ты это гнилое дело! Если у тебя песня в РАО зарегистрирована, то пусть они и занимаются, платят тебе свои копейки, а ты туда не лезь. Наоборот, спасибо надо Калине сказать, что он таких авторов, как мы с тобой, распевает! О, кстати, знаешь, я тебе что расскажу? Сижу я году в девяносто втором у телевизора, смотрю, Калина вышел весь в белом, с погонами, и поёт мой романс Чарноты. И тут по экрану бегущей строкой: «Офицерский романс», слова и музыка Александра Малинина! Ты представляешь?! – Он усиленно затянулся, прищурился и продолжил: – Я сначала недоумевал, потом ещё пару раз увидел, звоню администратору и говорю: если у Калины крыша поехала, то ты-то должен понимать, чем это пахнет? Разбирались-собирались, в Сочи ребята всякие… А ты вспомни, – разъярился Розенблюм, – что на мне, на моих песнях люди сделали себе всё – деньги, рекламу, судьбу. Я в Германию приезжаю, у меня спрашивают: Александр, а почему вы поёте песни Живутинского?! Какие, говорю?!! Ну, вот эту, казачью. Что я должен отвечать? Потом в Штаты приехал, обещал с ним разобраться…

Тут я вспомнил, как двенадцать лет назад, сидя на даче с Виленычем, слушал «Свободу» и услышал знакомый баритон. Розенблюм, резкий, как всегда, в словах, действиях и выражениях, действительно обещал Живутинскому скорую расправу – и не в белых перчатках, а в боксёрских.

Половодов, – так звали корреспондента автомобильной газеты, – почтительнослушалнаши воспоминания иразмышления ипотихоньку следил за своим диктофоном. Надо отдать ему должное – в своей газетке он ничего не переврал. Мы с Сашей вспомнили Ворошиловград, Сашу Анущенко, Поляницкого, брата Ирины, ставшего крупным бизнесменом и дважды едва не погибшего, но Могилевича я обошёл стороной: всё ушло, ушло, истлело, как его громадное тело на далёком кладбище, и

говорить об этом бессмысленно.

Пришли короткотелые администраторы с настороженными лицами и напомнили, что через час надо ехать в Курган. На столе пропадала заказанная для нас нарезка из ветчины, копчёностей и рыбы на тонких фарфоровых тарелочках. Чай уже остыл. Я молча смотрел на голый череп Розенблюма со шрамом, оставшимся после аварии. Половодов испуганно задавал автомобильные вопросы, а я вспоминал, как двадцать лет назад Саша учил нас: «Чуваки! Если зрители башляют за билеты, идут на концерт, они должны получить удовольствие, а вы должны быть прилатанными на сцене по фирме! Это зрелище, это цирк, а вы гладиаторы». Он выполнил свою задачу – стал знаменит и собирает по всей планете тысячные залы. Я понимал, что это моя последняя встреча с удивительным, полуголодным, вольнострелковым и потому неповторимым прошлым. Страна, как шагреневая кожа, от года к году сокращается в размерах, и конца этому не видно. Саша побывал уже на шести войнах, а я предпочёл бы, чтобы он пел о любви и мире. Но на самодельном плакате в рубке звукорежиссёра «Эха Москвы в Тюмени» криво написано:

«Жизнь такова, какова она есть такова!»

P. S. *Дорогой Саша! Я попросил знакомых передать тебе рукопись. К сожалению, я не смогу в этот раз приехать в филармонию – выступаю с концертом в сельском клубе Нижне-Тавдинского района за мешок рыбы, мешок муки и два круга*

домашнего сыра. У каждого своя жизнь, но я желаю тебе всяческого успеха! Рассказ этот я писал несколько месяцев, и, конечно, в нём много того, что тебе может не понравиться. Не обижайся, ей-Богу! Образ Розенблюма – собирательный… Буду рад встрече.

Твой Анвар

Александр Розенбаум: пение под фонограмму должно указываться в рекламе

Мы встретились с Розенбаумом в Тюмени в гостиничном номере. Впервые за двадцать прошедших, как одно мгновение, лет, смогли спокойно, без суеты, поговорить о жизни.

Александр Розенбаум – личность легендарная. Помню, как на севере Сахалина, руля по сопкам на предельной скорости, мой приятель-водитель во всю глотку орал, перекрывая рёв двигателя, одну из казачьих песен моего старого знакомого Александра Розенбаума.

А на Камчатке, в Елизово, куда Розенбаум приехал с концертом, не поверив моим неосторожным словам о знакомстве с Сашей, один сахалинский буровик спросил певца, знает ли он Исмагилова. Вернувшись на Сахалин, вахтовик позвонил мне в общежитие и пригласил на обед в знак подтверждения знакомства. Вступление это необходимо для того, чтобы объяснить, почему мы с Александром Розенбаумом на «ты». А теперь – разговор с мудрым человеком.

– Прочитал твоё интервью в «Аргументах и фактах». Закон о защите прав потребителей, как я понял, вступил в силу?

– Не закон, а поправки к Кодексу о защите прав потребителей и к Кодексу по административным нарушениям. Там говорится о том, что пение под фонограмму должно обязательно включаться в анонсы, в рекламу.

– Как ты думаешь, он будет действовать?

– А это зависит от журналистов, которые должны оповестить, что народ обманывают.

– Ну что же, буду оповещать. Однако зрители или не имеют понятия о том, что поправки приняты, или знают, но им лень обращаться. Лучше на кухне посудачить! То же самое, что на выборы не ходить. Что я могу, мол, от меня ничего не зависит. А где взять этот закон? В интернете?

– Да, он там есть.

– Даю обещание, что первым пунктом нашего интервью будет именно то, что работать под фанеру – стыдно, и мы оповестим население о том, что закон вступил в силу и что каждый гражданин страны вправе пожаловаться на нарушение своих прав.

– С другой стороны, я не могу запретить человеку слушать фонограмму. Под неё работает 95 процентов исполнителей. Если человеку нравится кукла, стоящая на сцене, то он платит деньги и

приходит на концерт. Весь вопрос в том, чтобы объявление о фонограмме стояло в анонсе. От этого зависит цена! Пока не принят рамочный закон о гастрольно-концертной деятельности. Он тормозится, потому что это огромные деньги. Все, что тормозится, связано с экономикой. В пищевом блоке, скажем, нас защищает главный санитарный врач России Онищенко. Если в магазине написано: хлеб такой-то, а рядом – хлеб пшеничный, почему стоимость одна – 25 рублей, допустим? Если ты не полный фан эрзац-хлеба, то не будешь покупать его за ту же цену, что и пшеничный. И 99 процентов народа платили бы не 25 рублей, а 3 рубля – его истинную стоимость! В этом и есть цель поправок в закон. То же самое и в культуре.

– А можно ли тут говорить о нравственном аспекте?

– Можно. Я считаю, что у людей, поющих под фонограмму в зале на тысячу мест, профессиональной совести нет! А я и на стадионах вживую пел.

– Помню, помню.

– Я если даже на верблюда сяду, и то буду вживую петь. Ну конечно, бывает так, что у человека сбивается дыхание, когда скачешь. Тогда не садись на верблюда! Бывают исключения, когда летишь на вертолёте, с микрофоном из десантного люка поешь, это шоу, особая технология. Но когда выступаешь в зале, первый ряд от тебя находится в двух метрах и не видно, что у тебя надуваются жилы на шее – это обман! Профессиональная совесть отсутствует не только у тех, кто выступает, но и у тех, кто организует концерты. Да и у зрителей должно быть понимание: зачем платить деньги за подделку?

Тут Александр Яковлевич поделился заветной мечтой. Мы за час до того говорили о том, что согласно законам биоэнергетики человек не должен жаловаться на жизнь! Как ты к ней, так и она к тебе. Розенбаум задумал обратиться к бизнесменам и журналистам с идеей начать издание газеты «РАДОСТЬ».

– И писать там о нормальной человеческой жизни, о семье, детях, внуках, о даче, о работе, а то послушаешь радио, и такое ощущение, что армия и флот – полные негодяи, что повара не работают, что домны не задувают, одни взрывы кругом. А то, что студенты подъезжают на машинах к институтам и университетам – не факт? И ведь среди них не так уж и много воров. Перед молодыми людьми открыта вся планета – это плюс? Да! То, что люди не едут на гарантированные два с половиной метра сочинского пляжа с потными телами – это плюс? Вся Турция, весь Кипр, вся Греция, не говоря уже о Болгарии, забиты русскими. Это лет пятнадцать назад за границу ездили бандиты, бизнесмены и депутаты. А сейчас – обычные люди. И никто не убедит меня в

том, что в машинах в пробках стоят только богатые.

Власть денег никто не отрицает, но определённая часть нашей жизни не имеет никакого права быть под деньгами – это медицина, так же, как и педагогика, детский спорт. Мы очень много растеряли хорошего из того, что у нас было. Я очень не люблю, когда мы хотим сделать из России какие-нибудь Соединённые Штаты или Японию.

– Ты все-таки считаешь, что у нашей страны есть свой путь?

– Конечно! Никогда русский человек не будет швейцарцем. Я очень хорошо знаю Европу, она никогда не была демократической, и там до сих пор действуют лозунги «Дания для датчан», «Франция для французов», и так далее.

– Они ведь никогда нас не любили!

– Вот именно! Они только боялись нас всегда. Но идти в угоду чужим людям, менять национальный менталитет только для того, чтобы кому-то понравиться? Как человек государственный, я против. Годы капитализма принесли много и плохого, и хорошего, но больше всего я не люблю нашу привычку бурчать на кухне вместо того, чтобы действовать.

– Это как на выборы не ходить! Впрочем, насколько я помню, ты всегда был человеком резким, и своих убеждений не скрывал: говорил то, что думал, за что тебя и не любили партийные боссы.

– Да не только они! Ни одной власти в мире не нравятся люди независимые, самостоятельные, со своим мнением и позицией.

И здесь я спросил, что он – философ, мудрец, артист, врач – думает о нашем будущем. После этого наступила такая мхатовская пауза, что я даже растерялся. Саша задумчиво жевал грильяж с удивительным названием «Метеориты», пил кофе «эспрессо», курил и думал.

– Будущее наше? Сложная история. Во-первых, мои любимые ученые – Вейсман, Морган и Мендель. Я верю в генетику.

В этот момент мы почему-то оба посмотрели на стену гостиничного номера и одновременно увидели картину в рамке, где был изображён храм.

– Вот это да, – сказал Розенбаум, – это же Спас на Крови!

На картине в осенних тонах стоял один из главных храмов России. А мы о будущем!

– Вообще мир идёт к нехорошей точке, начиная с климата и заканчивая нравственностью, – после паузы продолжил Розенбаум. – Я опасаюсь наступления большой тьмы. Вижу, что происходят очень нерадостные вещи, и человек подпадает под влияние бесов.

– Да, и в этом ему помогает техника: компьютеры, радио…

Розенбаум цитирует строчки из ещё не законченной песни:

Я просыпаюсь, собираюсь на службу,
Слушаю радио, смотрю телевизор,
И не понимаю, кому это нужно?
С утра меня доводить до криза!

Главный редактор с неясной харизмой
Трясётся в кадре, будто юродивый,
Мой отец кровь пролил за Отчизну,
Как оказалось, он ещё инородец!

– Я всегда был реальным оптимистом. Верю в то, что правда всегда победит ложь. Например, купил недавно одного из моих любимых поэтов, Семена Кирсанова, и с удивлением прочитал там поэму «Кариатиды», где почти один к одному «Атланты» Городницкого!

Собор Воскресения Христова (Спас-на-Крови), СПб, проект архитектора Альфреда Парланда и настоятеля Троице-Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Малышева). На этом месте 1 марта 1881 года в результате покушения – нападения террориста-народовольца И. И. Гриневицкого – был смертельно ранен император Александр II. Храм был сооружён как памятник Царю-Мученику на средства, которые собирали по всей России.

– Первый раз слышу.

– Правильно, кто сейчас знает Кирсанова? Гениальный поэт, неизвестный русскому читателю! А песню распевают.

– Ты очень много ездишь по всему миру. На твоём сайте график гастролей просто изумляет: когда позволяют думские условия, во все дни – концерты. Но я хочу спросить о России. Где более удобно жить? Ведь ты проезжаешь от Москвы до Магадана и даже Певека. Хотя, по-моему, там и концертного зала-то нет.

– Ошибаешься! Есть там роскошный зал! В отличие от многих. А вообще комфортно и удобно там, где у тебя есть работа, свой дом, семья, дети.

– А вот скажи, за последние десять лет жизнь в России стала осмысленнее?

– Россия всегда преодолевала за пять лет то, что Европа проходила за пятьдесят-сто лет, и может быть, через несколько лет дети будут вталкивать себе плеер в уши и просыпаться с полным знанием библиотеки Британского музея! Нам нужно вложить определённые нравственные понятия в души детей, но не требовать от них, чтобы они спасали горящие трактора на пшеничном поле. Или жили в коммуналках. Не нужно терять российскую душу. А что касается социальной системы жизнеобеспечения, то она постепенно придёт в норму. И нельзя сдавать национальных приоритетов.

– Что именно?

– В первую очередь язык. Как только ты входишь в дансинг-холл, а не на танцплощадку, ты сдаёшь себя. Как только забываешь свой русский музыкальный ряд или приглашаешь иностранных проповедников, то тоже сдаёшь себя. А это негоже делать!

На прощание Саша расписался на одной из обложек моих будущих книг о ракетных крейсерах Северного флота: «Союзу военных моряков семь футов под килем! Полковник медицинской службы запаса ВМФ А. Розенбаум».

За это ему флотское спасибо.

Кстати, он служил на большом противолодочном корабле, а я на малом. Так что и здесь есть общие точки соприкосновения. А город Тюмень ему нравится. Он считает, что у нас великое будущее.

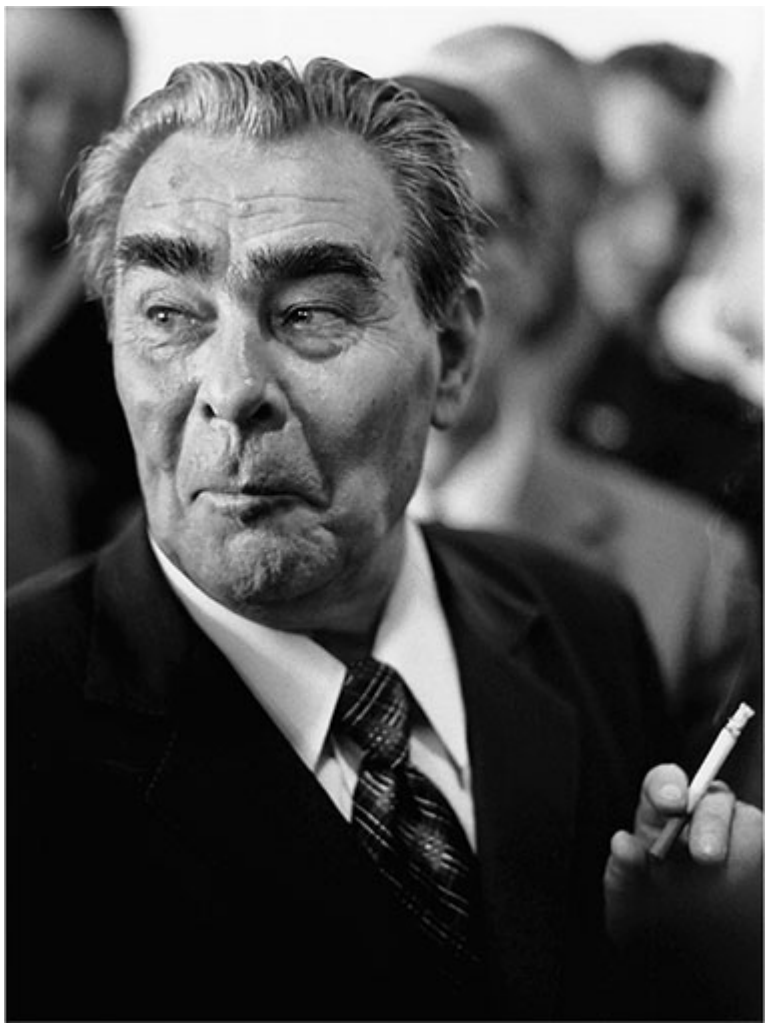
Тюмень, декабрь 2006 года, «Президент-Отель».

Как я фиксировал народную скорбь

12 ноября 1982 года, промозглым осенним утром, в редакции газеты «Речник Дона», где я служил корреспондентом, раздался звонок. Ростов-на-Дону – большой город, и редактором бассейновой газеты Волго-Донского пароходства был большой бесстрашный человек, майор артиллерии, инвалид войны, однокашник и друг Солженицына Леонид Петрович Будкин. Но даже у одноногого героя Кёнигсберга в это утро дрожал голос.

– Слышь, деятель, – сказал Будкин, – ты радио включил?

– Нет, – сказал я, зевая, – а что?



Последний день саммита в Хельсинки, август 1975 года. *Фото: David Kennerly.*

– Вы что там, спите, что ли?! – закричал редактор. – Не знаете ни хрена! Вы видели вчера концерт ко Дню милиции?! Опять телевизор не смотрите?! Не было концерта! Срочно включите репродукторы и слушайте, будет важное сообщение. Никому из редакции не уходить, всем быть готовыми к срочным заданиям. Вите (нашему фотокору – А. И.) зарядить оба аппарата.

– Они у меня всегда заряжены, – обиделся Витя Резниченко, троюродный племянник Леонида Ильича Брежнева, сидевший на параллельном телефоне в соседнем кабинете, – тоже мне, бином Ньютона…

В трубке что-то недовольно крякнуло и запикало. Наступила недоуменная тишина.

Я пошёл к фотокору. Витя проявлял фото очередного боцмана с озёрного буксира или электромеханика с сухогруза типа «река-море».

– Ну и что ты думаешь по этому поводу? – спросил я, когда он запустил меня за тёмно-красный полог фотолаборатории.

– Кончилась моя судьба как члена царствующей фамилии, – загадочно ответил Резниченко, вылавливая пинцетом из кюветы зыбкие тени людей и теплоходов. – Эхма, и так почти ничего не досталось, а теперь как бы в опалу не попасть, куда-нибудь в Берёзово.

– Ты что, уже знаешь что-нибудь? – спросил я у Вити, умевшего получать информацию из воздуха (когда-то он обучался на Русском острове в школе диверсантов, хорошо знал английский и фотодело).

– Да уж знаю кое-что, – ответил тот, щурясь и отворачиваясь от струи дыма, ползущей из сигареты прямо под оправу очков. – Дядюшка Лео почил в бозе (так ласково он называл своего далёкого и не приносящего пользы родственника). Безутешные родственники в чёрных одеждах скорбно потянутся вослед рыдвану, провожая в последний путь главу своего великого рода. Пушки будут палить с крепостных стен каменными ядрами, а пьяные гробовщики упадут в яму вослед тяжёлому телу, как бы желая уйти вместе с вождём в бассейн чёрных вод Коцита и Ахерона.

Я озадаченно почесал затылок.

– Ты хочешь сказать, что САМ помер?

– Вот именно. – Витя развернулся на скрипучем стуле и насмешливо смотрел на меня сквозь толстые линзы. – Начинается новая эпоха, как сообщает радио «Свобода». Новый генсек уже назначен. Говорят, наш земляк, со Ставрополья.

Зазвонил телефон. Витя ухмыльнулся, пробормотал: «Майор

поговорить не даёт», и лениво взял трубку:

– Слушаю… Да, здесь… Тоже здесь… Да нет, все трезвые… Хорошо, собираемся.

Через несколько минут появился сильно озабоченный шеф. Он заметно хромал и даже тащил за собой палку с кожаным набалдашником, которую брал из дома в исключительных случаях, но постоянно забывал на неё опираться, стойко обходясь деревянным протезом.

– Так, деятели, – сказал он, переводя дыхание, – садимся под приёмник и ждём.

Мы расселись на расшатанных стульях, напоминая кружок по ликвидации безграмотности. Шеф сидел за столом ответственного секретаря, вытирая платком красную шею.

Радио прочирикало сигналы точного времени и замолкло. Потом кто-то будто вздохнул, высморкался печально, и загробный голос диктора начал повесть, которой нет печальнее на свете. После долгой продолжительной болезни (далее перечислялся такой букет, что уши могли завянуть!) скончался Генеральный Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии, Председатель Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Председатель Совета Обороны, член Союза писателей СССР (всех регалий, наверное за давностью лет и не припомню) Леонид Ильич Брежнев[17]…

Мы сидели молча, погруженные каждый в свои мысли. После некролога Будкин встал и сказал:

– Пошли на планёрку.

Витю отправили вверх по Дону, на пристани. Стажёра Борю – в речное училище, чтобы дров не наломал в такое время. Мне дали весьма странное задание.

– Так, деятель, – озабоченно сказал редактор, кряхтя и отдуваясь при попытке подтянуть ремни на протезе – живот мешал, а меня просить он стеснялся, хотя я бы не отказал герою войны в такой просьбе. – Пойдёшь сейчас на охоту вольным стрелком. Времени мало, завтра номер должен выйти, поэтому далеко не уплывай, а просто езжай в порт, на терминал, на культбазу. Бери аппарат, записывай всё, что увидишь, возьмёшь потом протоколы собраний, сам знаешь. Но главное – фиксируй народную скорбь по поводу безвременной кончины генсека.

Леонид Брежнев – курсант Забайкальской бронетанковой школы, 1936 год.

– Ничего себе, безвременная, почти восемьдесят лет прожил, катался как сыр в масле, войну в Афгане затеял, а мы ещё скорбеть бу…

– Ты у меня поговори ещё! – заорал обычно спокойный Будкин. – Диссидент хренов! Мало тебе того, что я тебя два раза отмазывал от органов? Всю редакцию на прослушку из-за вас с Витей посадили! Давай ноги в руки, и чтоб я тебя до вечера не видел.

– С удовольствием, – ответил я, – с большим удовольствием.

И мы разбежались – волков, как известно, ноги кормят.

До самого вечера, как и было наказано, я таскался с блокнотом и стареньким «Киевом» на шее по всем доступным объектам в радиусе пяти километров. Где на машине, где на катере, где пешком; по трапам, между гор ржавого железа, по стальным палубам, с борта на берег, с причальной стенки снова на борт какой-нибудь плавучей посудины. Люди сидели на собраниях и у телевизоров молча…

А в редакции дым стоял коромыслом. Машинистка, старая дева Елена Ивановна, закутанная в пуховый платок, непрерывно тарахтела клавишами на громадной механической машинке. Ответсек Алла как крот втыкалась близорукими глазами в свежие глянцевые отпечатки и рукописи (очки она не носила из кокетства). Макет она делала на ходу, иногда вонзая в меня,

сидящего напротив, стальной строкомер и выдавая новую вводную. Будкин плотно сидел в своём потёртом кресле и неотрывно правил собственноручно написанную передовицу. Слева от него росла гора машинописи, доставляемой ему хлопотливой Аллой.

Я сегодня не дежурил и потому освободился через час. В аппарате ещё была плёнка, и я, понимая, что момент наступил исторический, искал себе приключений. Снимал всё подряд: хмурые, иногда растерянные лица людей на широких улицах Ростова, портреты вождя, верного продолжателя дела Ленина, украшенные траурными лентами. А дома записал на магнитофон некролог, больше похожий на историю болезни пациентов целого отделения больницы для ветеранов.

Ночью снились ели у кремлёвской стены.

И был день третий.

Похороны увенчались падением гроба в могилу. Весьма знаменательно. Будто оттуда, уже из-под земли, Ильич-два напомнил, до чего мы доехали в своём неумении делать даже простые дела. Я досмотрел этот цирк по телевизору и пошёл из редакции домой, делая по пути последние кадры. В центре города, на улице Фр. Энгельса, нынче вновь Большой Садовой, стоит здание Дворца пионеров. Его фасад украшают рогатые головы, но не химер а-ля Нотр-Дам, а лётчиков тридцатых годов в шлемах. А между ними висел портрет Брежнева, овеваемый траурными знамёнами. Это мне показалось настолько смешно, что я не удержался и вскинул аппарат. Щёлк. Щёлк.

И тут меня мягко, но настойчиво взяли за локти, выхватили аппарат, и не успел я опомниться, как меня со знаменитыми словами «гражданин, пройдёмте» утащили за угол и, так сказать, пригласили в автомобиль. Слава Богу, удостоверение у меня было. Парился я там минут двадцать, пока не позвонили домой Будкину и он, признав моё существование, торжественно пообещал завтра же меня исключить, оштрафовать, вынести выговор и расстрелять.

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубокой скорбью извещают партию и весь советский народ, что 10 ноября 1982 года в 8 час. 30 мин. утра скоропостижно скончался Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич БРЕЖНЕВ.

Имя Леонида Ильича Брежнева — верного продолжателя великого ленинского дела, пламенного борца за мир и коммунизм — будет всегда жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества.

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о болезни и причине смерти Брежнева Леонида Ильича

Брежнев Л. И., 1906 года рождения, страдал атеросклерозом аорты с развитием аневризмы ее брюшного отдела, стенозирующим атеросклерозом коронарных артерий, ишемической болезнью сердца с нарушениями ритма, рубцовыми изменениями миокарда после перенесенных инфарктов.

Между 8 и 9 часами 10 ноября 1982 года произошла внезапная остановка сердца.

При патолого-анатомическом исследовании диагноз полностью подтвердился.

Начальник Четвертого главного управления при Минздраве СССР академик АН СССР и АМН СССР, профессор Е. ЧАЗОВ; академик АМН СССР, профессор Е. ШМИДТ; заслуженный деятель науки, профессор В. ПОПОВ; член-корреспондент АМН СССР, профессор В. СМАГИН; член-корреспондент АМН СССР, профессор А. ЧУЧАЛИН; лечащий врач М. КОСАРЕВ; академик АМН СССР, профессор Н. КРАЕВСКИЙ; заслуженный деятель науки, профессор Ю. ПОСТНОВ.

Ошарашенный событиями последних трех дней, я пришёл домой, нашёл кусок бумаги, почему-то синего цвета, и перьевой ручкой, с чернилами почему-то красного цвета, написал единым духом:

Эпитафия Леониду Первому и последнему, императору всея Руси советской, написанная в день его похорон

Вот опять колесо повернулось —
не жить нам по-прежнему!
А герой анекдотов зарыт у кирпичной стены.
И гнетёт нас тоска по товарищу… грешному,
Будто сели в такси, а мосты уже разведены.

В трудовых лагерях у друзей настоящее бедствие:
то ль амнистия им, то ли к стенке блатную артель?!
А над нами так радостно ржут белокурыя бестии,
И Рахметов готовит привычно с гвоздями постель.

Не стоптав даже край каблука у положенных башмаков,
Разделили блохастую шкуру – кто смел, тот и съел!
Ну а мы, не имев ничего, кроме штатных своих оков,
Так и едем вперёд, оседлавши всерьёз карусель!

И пока олимпийские боги зубами скрипят в поту,
И пока не нагрянула ночью безглазая тварь —
Дайте мне надышаться туманом и ветром в сыром порту,

А потом – воля ваша – пойду по этапу, как встарь!

Только твёрдо я знаю, чьей кровью знамёна полосканы:
Перемены страшат дураков – так и грош им цена!
Чтобы мысли плотней уложить, надо сделать их плоскими,
Только я не могу – а от ног и до неба стена!

Вот опять колесо повернулось – не жить нам по-прежнему!
А герой анекдотов зарыт у кирпичной стены.
И гнетёт нас тоска по товарищу… Брежневу, —
Будто яйца в тиски, а они уже разведены…

И тут раздался звонок в дверь. Открываю – на пороге старый друг-биолог из университета.

Мы посидели на кухне, и я ему спел новую песню – мелодия получилась тут же, сама собой. Игорь слушал внимательно, иногда начинал хохотать, хотя мне казалось, что я написал маленькую трагедию. Отсмеявшись, сказал озабоченно:

– Да, старик, лет на восемь в лагерях Мордовии ты себе уже насочинял.

Песня пошла по кругу, разлетелась в чужих исполнениях. Я запрещал её записывать на магнитофон, но как тут уследишь? Одного из нашего клуба загнали из-за эпитафии в Якутию, мне пришлось уезжать на север Сахалина, но с каждым днем становилось ясно, что я попал в точку. Так дальше жить было нельзя. Но и то, что мы видим вокруг себя сегодня, тоже особого оптимизма не внушает. Хотя, с другой стороны, свобода…

Двадцать лет пролетело, как скорый поезд. Мы живём в другом времени и пространстве, потеряв многое из того, что завоёвывалось трудом и кровью, приобретя взамен право свободно высказывать свои мысли, есть от пуза, ездить за границу не на танке, а летать на самолёте, баловаться импортной техникой на все вкусы. Но что-то смутно гнетёт меня с тех пор, как я вывел красным по синему:

Вот опять колесо повернулось…

Куда?..

Л. И. БРЕЖНЕВ[18]

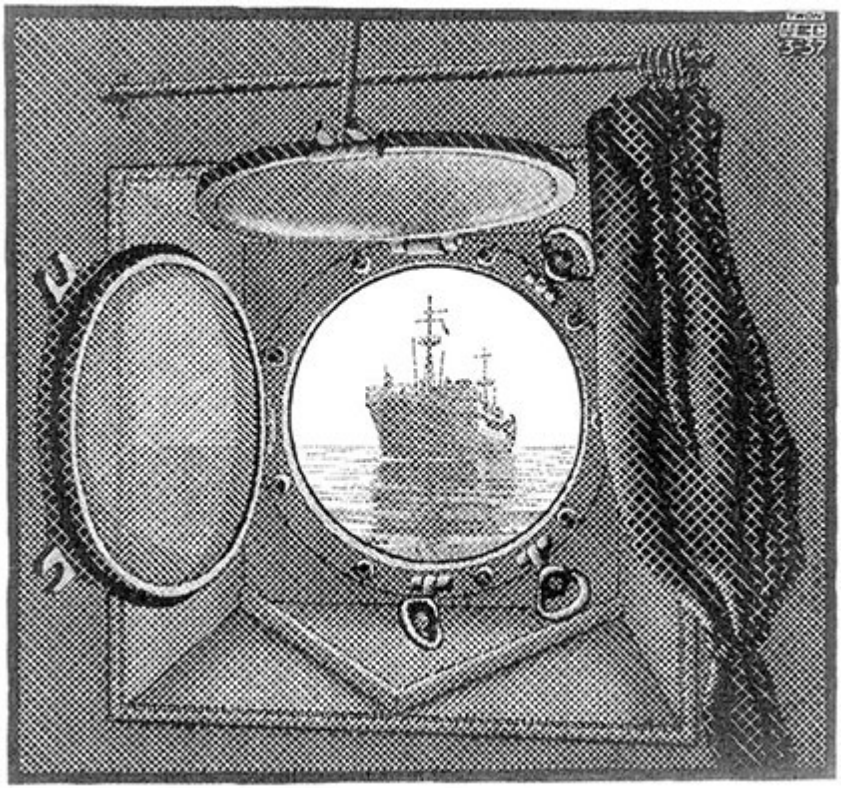
6 (19) декабря 1906 г., Каменское, Екатеринославская губерния (ныне – Днепродзержинск, Украина». – 10 ноября

1982 г., Заречье, Московская область, РСФСР, СССР.

Первый секретарь ЦК КПСС в 1964–1966 гг., с 1966 по 1982 год – генеральный секретарь ЦК КПСС. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1960–1964 и 1977–1982 гг. Маршал Советского Союза (1976).

Герой Социалистического Труда (1961) и четырежды Герой Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1973) и Ленинской премии по литературе (1979).

Люди земли, моря и неба



М. Эшер. Иллюминатор, 1937.

Справка

Спуск на воду 23 сентября 1982 г.

Тип корабля ТРПКСН
Обозначение проекта 941 «Акула»
Разработчик проекта ЦКБМТ «Рубин»
Главный конструктор С. Н. Ковалёв
Классификация НАТО SSBN «Typhoon»
Скорость (надводная) 12 узлов
Скорость (подводная) 25 узлов
Рабочая глубина погружения 400 м
Автономность плавания 180 суток (6 месяцев)
Экипаж 160 человек (в т. ч. 52 офицера)

Размеры
Водоизмещение надводное 23 200 (28 500) т
Водоизмещение подводное 48 000 (49 800) т
Длина наибольшая (по КВЛ) 172 м
Ширина корпуса наиб. 23,3 м
Средняя осадка (по КВЛ) 11 м
Силовая установка
Атомная, 2 водо-водяных реактора ОК-650 по 150 МВт
2 гребных вала по 50 тыс лс на валу
4 паротурбинных АТГ по 3,2МВ
Резервные:
2 дизельгенератора ДГ-750 (кВт)
Свинцово-кислотная АБ

Вооружение

Торпедно-минное вооружение 6 ТА калибра 533 мм; 22 торпеды 53-65К, СЭТ-65, САЭТ-60М, УСЭТ-80 и ракето-торпеды «Водопад»

Ракетное вооружение 20 БРПЛ Р-39 (РСМ-52)
ПВО8 ПЗРК «Игла»

Выведен из боевого состава ВМФ и поставлен на отстой в губе Нерпичья (г. Заозерск) в марте 1995. Отбуксирован в Северодвинск в августе 1999 В 2003–2005 разделан на металл. Реакторные отсеки отбуксированы на отстой в губу Сайда.

Самая грозная в мире «Акула»

«…А подводникам платите столько, сколько они попросят. Всё равно они завтра или утонут, или сгорят».

(Из разговора императора Николая II с первым командиром отряда подводных лодок Беклемишевым)

Краткая справка. Капитан первого ранга Валерий Константинович Григорьев – кавалер тринадцати правительственных наград, среди которых – орден Ленина и орден Боевого Красного Знамени. Служил на флоте в течение 33 лет, 25 лет из них на подводных лодках. Бывший командир легендарной «Акулы», тяжёлого ракетного подводного крейсера водоизмещением 49 тысяч тонн с двадцатью четырьмя баллистическими ракетами на борту (каждая весом 94 тонны, четырёхступенчатая, с десятью разделяющимися боеголовками). Каждая боеголовка – это несколько Хиросим.

«Акула», или «Тайфун» по классификации НАТО – самая большая подводная лодка в мире. ТРПКСН – тяжёлый ракетный подводный крейсер стратегического назначения. Залп этой лодки – 240 точек прицеливания – вполне может уничтожить государство средних размеров.

Тема прошлого, настоящего и будущего подводных сил России, поднятая руководством страны в связи с их столетием, нашла своё неожиданное продолжение в Тюмени. Многие сотни и тысячи жителей области прошли через нелёгкие испытания на всех флотах Советского Союза и нынешней России. Но подводники составляют на всех флотах мира особую касту, элиту элит, и эта метка остаётся на всю жизнь, как не стираются в памяти месяцы, а иногда и годы, проведённые под водой, в боевых походах.

Григорьев со старпомом Колбуновым.

«Акула» на боевой службе в Ледовитом океане. 1976 г.

Так и в нашем случае. Гаджи Джамалов, молодой азербайджанец, человек вполне сухопутный, вдруг изъявил желание служить на флоте! Дело было в далёком уже 1986 году, и тогда от армии «косили» (по возможности) только хиппи, творческая интеллигенция да ещё несколько разновидностей

мужского населения. Речь не о них, а о молодых мужчинах, для которых (особенно на Кавказе) не пойти в армию означало только одно из двух – либо ты тяжко болен, либо ты не мужчина! И то, и другое в обществе не могло пользоваться расположением прекрасного пола. Правда, родственники Гаджи, узнав о том, что обладающий космическим здоровьем и ростом красавец собирается на флот, стали вначале отговаривать его самого, а потом пытались «решить вопрос» в военкомате вполне традиционными методами. Но Гаджи был непреклонен.

И вот 25 апреля 1986 года началась его служба. Полгода учебки, муштра, практика, наряды, строевая, а потом Мурманск – и на флот!

> «Такое создание плыть не может. Погрузиться погрузится, но всплыть – вряд ли».
>
> *(Из первых впечатлений об «Акуле» капитана второго ранга Владимира Пшеничного)*

– Холодно, ветер дует, кругом скалы, вода, и кажется, что мы уже в море. – рассказывает Гаджи Джамалов. – Зашли мы в штаб дивизии, увидели с берега что-то огромное-огромное (т. е. «Акулу» – А. И.), и первая мысль была: волос не будет, детей не будет. Правда, чуть позже, после похода, мы увидели в казарме дочку командира, Марину, и успокоились: если у него есть дети, значит, у нас тоже будут. Сейчас их у меня трое! В 18-й дивизии Северного флота было немало славных кораблей. Но среди десятков экипажей подводных лодок все матросы завидовали нам, а офицеры завидовали нашим офицерам, потому что мы – ГРИГОРЬЕВЦЫ! Все знали, что у нас лучший экипаж, что у нас лучший командир. Он создал такую атмосферу, что в ней быть плохим было невозможно.

Дослужившись до старшины первой статьи в должности кока, главного кормильца экипажа, Джамалов вернулся на родину, казалось, навсегда оставив за спиной суровые будни дальних походов. И вот прошло почти двадцать лет. Гаджи Гейбатович оказался в Тюмени, стал генеральным директором крупной фирмы, успешно ведёт дела, но не давала ему покоя идея найти своего командира. Он взялся за поиски, вспомнив, что Григорьева перевели в Москву, и нашёл его! Когда Гаджи дозвонился до квартиры, то после слов «сейчас я приглашу Валерия Константиновича» сначала даже повесил трубку – настолько глубоко вошло в кровь уважение к командиру, который на лодке, как известно, первый после бога. И всё же они встретились!

ПРКСН (подводный ракетный крейсер стратегического назначения) с открытыми крышками ракетных шахт.

Джамалов привёз в Тюмень, в кафе «У Аркадьича», тогдашний клуб военных моряков, на День подводника капитана первого ранга в чёрной тужурке, украшенной орденами и медалями. У входа его встретил наш земляк, капитан второго ранга Пшеничный, имеющий за плечами похожий опыт службы, обогащённый к тому же командованием дивизионом по перезарядке атомных реакторов подводных лодок в океане. Они перекинулись несколькими словами и сразу вспомнили друг друга: оба учились примерно в одно время в Тихоокеанском высшем военно-морском училище и сразу же стали называть друг другу однокашников по именам и фамилиям, местам дальнейшей службы, должностям и даже кораблям. Я стоял рядом и поражался этой невероятной памяти!

Иска – не только река, но и родина моряков

Выяснилось, что никакой он не гость, а коренной сибиряк из Тюменской области! Григорьев вырос в небогатой семье, где не имели представления о море, и тем не менее стал одним из легендарных флотских командиров благодаря трудовой закалке, помноженной на природное упорство. Григорьев торжественно вручил медали «100 лет подводных сил России» ветеранам-подводникам, в том числе и своему бывшему подчинённому Гаджи. А потом, снова взяв микрофон, подводник Григорьев кое-что рассказал о своих любимых лодках. Например о том, что у

американцев было уже пять лодок подобного проекта – «Огайо», а у нас одна, и когда по числу корпусов мы догнали США, то они просто прекратили свою программу. А мы благодаря Горбачёву пустили на разделку лодки, которые могли служить ещё десять-пятнадцать, а может, и двадцать лет. Американцы, не будь дураки, поставили своих гигантов на отстой. Ещё раз большое спасибо господам Рейгану и Горбачёву!

Слева направо: кап-раз Григорьев, ст. 1 ст. Джамалов, кап-два Пшеничный.

С гитарой: А. Исмагилов. Рассказывает: В. К. Григорьев.

На стойке бара всё время работал огромный монитор, на котором крутился компакт-диск с клипами, составленными из когда-то совершенно секретных съёмок, сделанных на борту «Акулы» и в открытом море, во время погрузки ракет, и при выходе из базы. Григорьев по именам-отчествам называл своих сослуживцев, комментировал рабочие моменты и боевые стрельбы, попутно рассказывал о походах в Арктику, о том, как лодка пробивала лёд, как однажды они испытывали совершенно диковинную ракету для стрельбы из-под льда! На ракету устанавливалась ещё одна ступень с кумулятивными зарядами, и они высверливали поверхность для выхода ракеты прямо из-под толщи ледяного покрова.

– Нашу красавицу порезали не потому, что она была старая, – говорил Валерий Константинович, – или ещё почему-то, а просто КОНЧИЛИСЬ РАКЕТЫ… Наше правительство подписало дурацкий договор об уничтожении ракет морского базирования, американцы дали деньги на то, чтобы начинать утилизацию именно не с первого поколения лодок, а с третьего! Мне позвонил зам директора завода «Звёздочка» и сказал: твоя красавица пришла, может, приедешь?

Я ему говорю: как же я приеду, когда у меня до сих пор хранится пробка от шампанского, разбитого при спуске лодки на

воду, и «Командирские» часы, сдавленные, когда лодка начала движение со стапелей? Если можете, снимите мне на память бронзовую доску, на которой написано «Тяжёлый ракетный подводный крейсер ТК-202», и переправьте мне её в Москву. Так и сделали. Я на балконе её укрепил, и сейчас на больших приборках в квартире медь драю, резину белю (флотская присказка – А.И.), и лодка, таким образом, осталась у меня в виде доски на балконе.

Подводная лодка ТК-202 класса ТРПКСН проекта 941 «Акула» у причала СевМаша в 1999 году.

Примечание к фотографии в фонде проекта Wikipedia: «Это произведение является работой служащего или сотрудника Вооружённых сил или министерства обороны США, сделанной или полученной им в ходе исполнения должностных обязанностей». Есть о чём задуматься…

А я сидел и думал: Боже ты мой, сколько же сил, энергии, отваги, инженерного мастерства проявили в советские времена разработчики ядерного оружия, какие могучие носители были для этого изобретены и сданы в эксплуатацию… В СССР сдавалось до двадцати атомных и дизельных лодок в год, а сейчас – одна-две в несколько лет, и радуемся как дети. Покорили нас американцы без единого выстрела, опутали лёгкими деньгами, уговорили наших славных правителей отказаться от главного козыря

государей – армии, флота и авиации, и чуть было мы не потеряли всё в одночасье, разорив предварительно полстраны и её недра. Но, кажется, морок проходит. Постепенно флот накачивает мускулы, нашлось топливо и продовольствие для дальних походов, худо-бедно сданы в эксплуатацию и запущены в строительство несколько новейших надводных и подводных кораблей…

Слева направо: В. К. Григорьев, Г. Джамалов.

Вот только кап-два Пшеничный, послушав наши восторженные тирады по поводу лодок третьего поколения, заметил, что когда запускали ту же самую «Акулу», то у ЦКБ «Рубин» в кармане уже были разработки четвёртого поколения, а сейчас впору уже строить и пятое поколение, но это как в той песне: «съесть-то он всё это съест, да кто ж ему всё это даст?». И насчёт ракет бывший командир заметил, что так называемые новейшие ракеты он видел чуть ли не двадцать лет назад, а теперь их обновили и объявили достижением науки вроде «Булавы».

Впрочем, не будем ворчать! Пока есть Россия, будет и флот, и наоборот. Лучше приведём напоследок слова, сказанные Гаджи Джамаловым в клубе военных моряков:

– Нам приказали служить, но любить командира не приказывали! И вот других командиров я не искал, а Григорьева

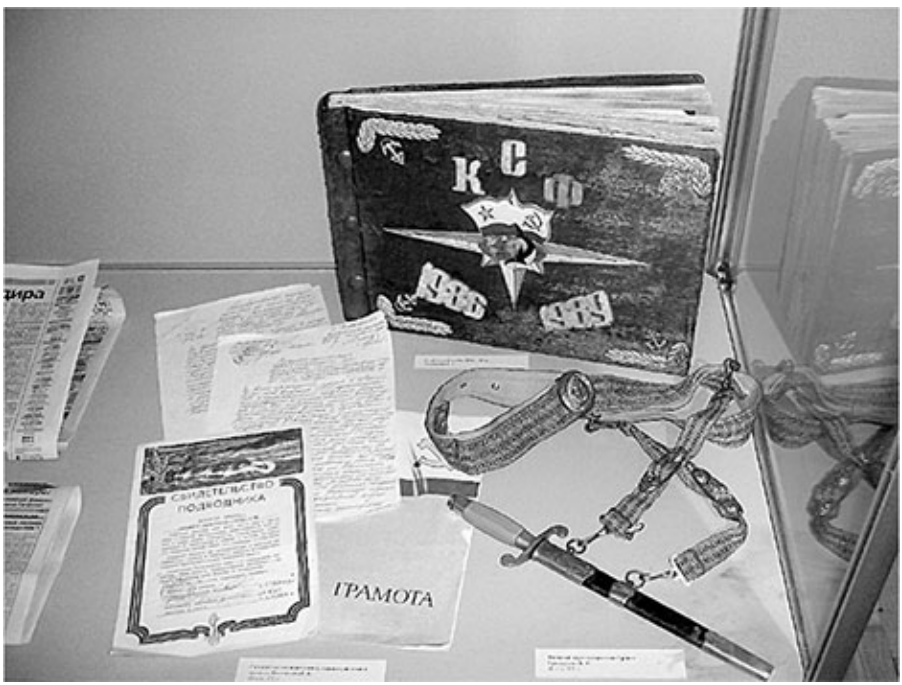
нашёл и этим очень горжусь.

А Григорьев пообещал приезжать в Тюмень и на свою малую родину минимум два раза в год. И он выполнил своё обещание. Во-первых, в Тюменском краеведческом музее у Вечного огня, где проходят митинги военных моряков, открыта постоянная экспозиция подводных сил России, где находится та самая закладная доска. Во-вторых, в этом году мы встретились на Дне ВМФ России, куда Валерий Константинович привёз макет «Акулы» и вручил его военным морякам. Да и сам День ВМФ прошёл в этом году с размахом.

А теперь о буднях. В Тюмени создана общественная организация «Союз военных моряков», которой обещал помогать своими связями командир «Акулы». В России строятся новые подводные корпуса, надводный флот намечено пополнить фрегатами, пограничники получают сверхскоростные катера. Так что надежды есть. Лишь бы сбылись!

100 лет подводным силам – не возраст для музея!

История с закладной доской подводного ракетоносца «ТК-202» получила достойное продолжение. В Тюменском областном краеведческом музее торжественно открылась постоянная экспозиция, посвященная 100-летию подводного флота России. На гранитных ступенях входа в музей выстроились две шеренги курсантов ПУ № 14, встречавших ветеранов ВМФ России. Директор музея Татьяна Исламова открыла в фойе небольшой митинг, на котором выступили самые разные люди. Среди них были и капитан второго ранга Андрей Перегонцев, и заместитель главы города Тюмени старшина первой статьи Валерий Борисов, и старшина первой статьи кок-подводник Гаджи Джамалов, с которого и началось наше знакомство с «Акулой» и её командиром Валерием Григорьевым, нашим земляком.



Андрей Перегонцев вручил Татьяне Исламовой книгу «Уральский подплав», написанную и изданную в Екатеринбурге, и пожелал тюменским подводникам такого же издания.

Песню о флоте спел какой-то совсем молодой автор-исполнитель, старательно рассказывавший о морских волнах и лишениях воинской службы. Ему внимали седые, увешанные орденами и медалями на чёрных мундирах, ветераны, перед строем которых, однако, стояла славная парочка, девочка и мальчик, – детишки лет шести со стилизованными под пилотку подводника бело-синими головными уборами. Светили лампы телекамер, резко сверкали вспышки цифровых фотоаппаратов.

По крутому деревянному трапу мы поднялись наверх, направо, и там, в тесном коридоре второго этажа, была торжественно перерезана синяя лента перед входом в экспозицию. В небольшом помещении уместились десятки экспонатов: флаги и гюйс на стенах, кителя, фуражки и робы

подводников с боевыми номерами, корабельные часы, секстан, небольшой компас. В центре простенка справа от входа установлен в полный рост условный водолаз: это так называемый УГК, усовершенствованный гидрокостюм, с дыхательным аппаратом АВМ-3 (аппарат воздушный морской). Все экспонаты – настоящие, и не просто предметы для обучения, а те, что использовались в реальной флотской жизни и работе.

Под стеклом одной из витрин по разным сторонам от корабельных часов расположены макеты двух лодок: ракетной лодки проекта 667Б с 16 ракетами на борту, и знаменитой подводной лодки «Тюменский комсомолец». О последней следует сказать особо. В старые советские времена, когда служба на флоте, особенно на подводном, считалась честью, руководители Тюменской области посылали на эту лодку лучших своих граждан, снабжали продуктами, устраивали встречи с экипажами и вообще держали непрерывную связь с моряками-тихоокеанцами. Здесь же, на этом стенде, лежат часы подводника и знак «Подводник России», значок «За дальний поход», водолазная полумаска, фото адмиралов, корпусов и отсеков ПЛ.

Но отдельно следует сказать о стенде, посвящённом собственно «ТК–202». Он по праву занимает почётное место прямо у входа в экспозицию. Слева – напечатанный на плоттере, увеличенный в несколько десятков раз знак, выпущенный к 100-

летию подводного флота России. Справа – фото и тактико-технические характеристики подводного ракетоносца, взятые из открытой печати. Они впечатляют: водоизмещение до 48 000 тонн, длина 172 м, ширина наибольшая 23,3 м, осадка средняя 11 м, две ядерных энергетических установки по 50 000 л. с., подводная скорость до 25 узлов, двадцать пусковых установок баллистических ракет, шесть торпедных аппаратов, боекомплект двадцать две торпеды и ракеты (для пуска из торпедных аппаратов). Такой была «красавица», как её называл командир Григорьев, пока по договору с США её в числе прочих не порезали на металлолом. Сейчас в строю осталось две лодки этого самого большого в мире проекта…

А под стеклом – кортик командира, зрительная труба, «дембельский» альбом Гаджи Джамалова, фотографии лодки, в том числе на Северном полюсе, портреты командира и кока, значки и грамоты, свидетельство подводника, выданное на глубине 200 метров на 95-е сутки похода, газетные публикации, посвящённые этой славной истории. Но самое главное – здесь лежит та самая закладная доска с надписью «Подводная лодка ТК-202», которая прошла весь громадный путь со своим кораблём, от закладки на стапелях, через сотни тысяч миль походов, до разделки на заводе… Несколько месяцев она одиноко пролежала в квартире орденоносца-афганца, подполковника Владимира

Толпейкина, начштаба «Боевого братства», организации ветеранов, которой во многоммы обязаны появлением нетолько закладной доски в Тюмени, но и самой экспозиции. Мне кажется, что эта выставка, задуманная и осуществлённая молодыми научными сотрудниками музея Романом Баклановым и Евгением Токмаковым, станет заметной точкой на экскурсионной карте города. Нам есть чем гордиться!

В заключение добавлю, что экспозиция будет постоянно пополняться новыми экспонатами – такое обещание дали ветераны-подводники после того как была перерезана синяя ленточка. Тем более, что каждый год всё новые и новые силы тюменцев вливаются в ряды флотской элиты ВМФ России. Флотская жизнь не прекращается ни на секунду.

Последний поход АПЛ К-122

Командир этой лодки проекта 659Т капитан первого ранга в отставке Владилен Четвертных живёт в Тюмени.

Владилен Алексеевич Четвертных родился в марте 1943 года в Тобольске, в тяжелейшее для страны время, в голоде и холоде. Волки бродили вокруг города, нападая на собак и людей… А его отец воевал под Сталинградом, закончил войну в Порт-Артуре, вернулся живым домой и перевёз семью в Тюмень. Здесь Владилен закончил среднюю школу параллельно со спортивной школой и поступил в УПИ, на радиофакультет. В эти годы благодаря внутренней политике Хрущёва (того самого, кто отдал и полуостров Крым, и корейскую военно-морскую базу Порт-Артур) при сокращении Вооружённых Сил образовалась огромная дыра в офицерском корпусе. Во время зимней сессии Владилен Четвертных, как и ещё 11 000 студентов гражданских вузов, попал по комсомольской путёвке на флот, в Севастопольское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова (корабельный факультет). В 1966 году обладатель красного диплома имел право выбора места службы. Им стала Камчатка, где полным ходом шло освоение атомных подводных лодок первого поколения. Но уже в 1968 году случился пожар на борту атомохода К-7 675 проекта, первые аварии.

Редкая возможность глотнуть свежего воздуха на палубе в походе.

Два командира: кап. 2 ранга В. Пшеничный (слева) и кап. 1 ранга Вл. Четвертных.

Его командиром был один из лучших офицеров-подводников КТОФ капитан 1 ранга В. А. Лопато. В 1970 году Четвертных был

назначен командиром БЧ-2 (ракетная боевая часть АПЛ), а уже через два года – старпомом ракетной АПЛ К–175 659 проекта, но модернизированной в торпедный вариант. Дальше судьба, казалось, вела молодого офицера по красной ковровой дорожке: новая должность, средний ремонт на К–151, в 1974 году его лодка проходит госиспытания, выходит в первую линию. Экипаж успешно сдал все задачи, был полностью укомплектован, и АПЛ вошла в состав боевого соединения, 26-й дивизии подводных лодок в бухте Павловского (где, кстати, служили и служат тысячи наших земляков).

Командиром К–151 был славный боевой офицер Владимир Александрович Яковлев по прозвищу «метр с кепкой», ростом около полутора метров.

Тренировка на сибирских пельменях. Бутылка учебная, для раскатки. В боевом походе.

В 1975 году Владилен Четвертных был допущен к управлению АПЛ двух проектов, ракетного и торпедного, и в этом же году был направлен на Высшие офицерские классы ВМФ СССР. Тогда же он участвовал в грандиозных учениях «Океан-75», настолько изумивших западный мир мощью советского военно-морского флота, что это стало одним из факторов подписания во Владивостоке главами США и СССР первого соглашения о сокращении ядерных вооружений! А перед этим, в 1971 году, сразу пять (!) наших АПЛ всплыли недалеко от берегов Америки,

открыли контейнеры и произвели учебный пуск ракет по… заданным целям. Американцы онемели!

1976 год – старпом, и – звёздный час! – назначение командиром АПЛ К-122!

И тут судьба выдала ему серьёзное сердечное заболевание…

Госпиталь, медкомиссии одна за другой, и в 1980 году грозный приговор: списать из плавсостава. Так блестящий офицер, пожизненный круглый отличник, оказался на берегу. Дальше была преподавательская деятельность на Каспии, но это тема отдельного разговора.

А в том же 1980 году его лодку буквально выталкивают на боевую службу. К тому времени она выполнила несколько автономок, прошла несколько десятков тысяч миль под водой, выдержала несколько ремонтов и переоборудование на ДВЗ «Звезда». Командир Четвертных и его стармех предупреждают: кабельные трассы ненадёжны, оплётки высохли, новый командир и старпом не знают корабля, экипаж не сплаван. Но самоуверенный и самонадеянный Геннадий Заварухин, только что окончивший академию, начальник штаба 26-й дивизии, был назначен старшим на этом походе. Его шеф, командир дивизии, несмотря на доклады прежнего командира, Четвертных, старпома и командира БЧ-5, о технической неготовности лодки, под угрозой страшных кар заставил выйти К-122 в свой последний, как оказалось, поход. А сам отправился на повышение.

ПЛАРК К-122. Комсомольск-на-Амуре, завод им. Лен. Комсомола № 199. Заложена 21.01.61, спущена на воду 17.09.61, введена в строй 06.07.62 по пр. 659Т (торпедный вариант). Горела 21.08.83. После пожара не восстанавливалась.

Редкий кадр: К-122 в походе, в надводном положении.

Скорость полная подводная – 29 узл. (как у хорошего эсминца! – А. И.). Скорость полная надводная – 21 узл. Автономность – 50 суток. Экипаж – 120 человек. Вооружение – 6 ПУ ракет П-5; 4 533-мм носовых ТА; 2 носовых 406-мм и 2 кормовых 406-мм ТА.

Дело было нешуточное. На десятые сутки во время тренировки при переводе нагрузки с левого турбогенератора на правый возник пожар в трюме электротехнического отсека (те самые кабели!). Личный состав удалось срочно вывести из седьмого отсека в восьмой до подачи огнегасителя. В восьмом было больше тридцати человек, из которых девять не имели СИЗ (средств индивидуальной защиты), и погибали один за другим. Аппаратов ИДА-59 (индивидуальный дыхательный аппарат – А.И.) на всех не хватало… Как сообщает Четвертных, межотсечные клинкеты вентиляции были не герметичны, и загазованный воздух проходил через переборки в восьмой и девятый отсеки. Седьмой отсек раскалился до такой степени, что, когда моряки выбрались на палубу, то снаружи было видно малиновое свечение прочного корпуса, и морская вода буквально кипела вокруг! Только после трёхкратного применения системы объёмного пожаротушения удалось погасить пламя. Лодка начала всплытие в надводное положение, был аварийно заглушен реактор, и К-122 оказалась на плаву неуправляемой, с личным составом на верхней палубе, без электропитания и связи. Лодку нашла наша авиация, началась операция по спасению. Погибших принесли к рубке, накрыли тентом. Подошло учебное судно «Меридиан», и только с него был подан SOS. Хотя перед этим моряков нашли японцы и предлагали подать сигнал со своей рации. Но офицеры, тем более с начштаба на борту, боялись даже заикнуться об этом. Кстати, Заварухин во время пожара резко самоустранился, хотя во время похода буквально принял командование на себя, не давая инициативы штатному командиру лодки. Так катастрофа обнажила в очередной раз худшие черты нашей системы. Оставшихся в живых доставили на родную базу, и началось разбирательство. Полетели головы, но бывший командир дивизии вышел сухим из воды. А 14 человек: матросы и один мичман – уже никогда не придут домой…

Командир осматривает отсеки. Кажется, всё в порядке, но нервы играют…

АПЛ К-122 за время службы прошла 70 497 миль за 11644 ходовых часа.

Владилен Четвертных после многих лет службы и преподавания вернулся в Тюмень. До этого стал кандидатом

исторических наук, был начальником штаба особого района Баку во время инцидента на межэтнической основе. В 2000 году, так и не дождавшись квартиры от благодарного Отечества, тряхнул стариной и несколько лет работал на судах технологического обслуживания ядерных реакторов АПЛ ТОФ. Два его зятя служат на атомном флоте на Камчатке. Боевые офицеры, как большинство их братьев по несчастью быть на передовом рубеже обороны Отечества, бьются на берегу за решение квартирного вопроса. Наш мебельщик, министр обороны, уже доложил премьеру о том, что оный вопрос решён. Очевидно, он имел в виду, что за счёт увольнения нескольких сотен тысяч офицеров, мичманов и специалистов вопрос решится сам собой! Давать будет некому!

С 2006 года Четвертных работал начальником отдела по трудоустройству военнослужащих и членов их семей Тюменского городского центра занятости. Потом перешёл на должность начальника ГО и ЧС училища № 6. Но спокойная жизнь на берегу не в его характере. Параллельно с работой он завершил многолетний труд ветеранов ВМФ Тюменской области и создал общественную организацию с офисом в центре города. Для краткости мы называем нашу организацию «Союзом военных моряков». Командир – наш председатель. В маленькой комнате, особенно перед нашими праздниками, не протолкнуться!

Напоследок – один из моментов боевых служб Владилена Четвертных. Сидящая свирепая фигура – командующий флотилией Сомали, в порту Бербера в северной части Африканского Рога, где находилась маневренная база АПЛ в Африке. Северо-западнее находится знаменитый Баб-Эль-Мандебский пролив. На мундире лиловолицего командующего – куча железных цацек, столь обожаемых тамошними военными.

Сто дней до приказа? В Чечню!

300-летию морской пехоты России.

«Слабых и малых ростом на флот не брать, дабы флот российский не позорить!» – сказал как отрезал триста лет назад император Пётр Великий. Сержант морской пехоты Виктор Попов высок ростом, жилист, крепок в кости, во время службы весил около девяноста килограммов, так что сибирский морпех вполне оправдал возложенные на него Отечеством надежды. До призыва он успел окончить профессиональное училище № 14, отработал две навигации штурманом на РТ-693, ходил по матушке-Оби до Омска и далее. На призывной комиссии ему сразу сказали: дорога тебе в плавсостав ВМФ. Но юному речнику не очень хотелось влезать на три года в робу моряка, и он напросился в морскую пехоту, благо здоровье позволяло. Если бы он знал, во что ему обойдётся якобы укороченный срок службы!

Попал наш Попов на знаменитую базу «Спутник», где он прошёл полную программу подготовки бойца морской пехоты. Служил в 691-м десантно-штурмовом батальоне 61-й отдельной Краснознамённой Киркенесской бригады морской пехоты. Об этой бригаде – разговор отдельный, мы же ограничимся только упоминанием о том, что она потеряла несколько сотен человек в чеченской кампании…

Попов принял участие в учениях «Запад-99», высаживался на обветренные берега Рыбачьего полуострова, заработал благодарности и потихоньку стал готовиться к дембелю. Осталось сто дней до приказа. И тут приходит к ним, уже ставшим «годками», молодым в общем-то людям, сам легендарный генерал-майор морской пехоты Отроковский, и говорит:

– Сынки! Я понимаю, что вы уже спите и видите себя дома. Но по нашим сведениям, на Кавказе скоро начнутся боевые действия. А если вы уйдёте домой сейчас, то кого мы пошлём туда? Молодёжь? Прошувасостаться ещё месяца на три, подписать контрактнаслужбу после ДМБ, вы поедете туда, отвоюете,

получите боевые, и я это лично гарантирую.

После такого общения НИКТО не отказался от командировки.

Начинали в Каспийске, на заброшенном заводе, территорию которого отдали под базу морпехов. Строили всё сами. В сентябре началась бойня в Дагестане. Морпехам приказали в ходе боевых операций снять чёрные береты – уж больно ненавидели их бандиты! (Именно морпехи стали главной целью взрывов во время парада 9 мая в Каспийске.) Один только Отроковский берета не снял и погиб в марте 2000-го года. Его сын, юный лейтенант, начал службу в Зандаке, на базе, куда постепенно перебазировались морпехи.

А боевая служба текла своим чередом. Из Дагестана морпехи вместе со складом ракетно-артиллерийского вооружения, который они охраняли, прошли всю Чечню. Постоянные ночные рейды, борьба с бандгруппами, служба на блокпостах, иногда перепадали и какие-то земные радости, о которых умолчим… Ну, скажем, «шефский» коньяк!

Больше всего морпехи были горды тем, что недостатка ни в вооружении, ни в боезапасе они не испытывали. Снайперская винтовка «Взломщик» калибра 12,7 мм – убойное в самом полном

смысле слова оружие. РГУ – кумулятивная граната. При испытаниях сбрасывали её с обрыва (дети, двадцатилетние дети!) и наблюдали, как выпускается парашютик, и она пикирует на старую бронетехнику, пробивая насквозь броню струёй раскалённого газа. Гранатометы: РПГ-18, станковый противотанковый (настоящее переносное орудие!), «Муха», «Шмель» для объёмного взрыва и т. д.

В горах удивлялись то убогой халабуде, оказавшейся пастушьим домиком, то роскошному дому из красного кирпича, построенному явно не на средства из федерального бюджета. А климат ещё тот: сыро, холодно, липкая пудовая грязь, сорняки на ногах. Я сам вырос на Кавказе и бывал в Чечне, кое-что знаю о погодных условиях, но тюменец Попов в этих условиях пробыл вместо обещанных трёх – почти девять месяцев! Правда, боевые выплатили как положено. Кое-кто из вояк не доехал до родного дома, не послушавшись отцов-командиров, призывавших отправить деньги через банк – не убили в Чечне, так по дороге домой с большими деньгами их кончили собственные урки. А Попов получил отпуск, доехал до Тюмени, вернулся в часть.

Прошло уже почти три года службы. Вот тебе и сто дней до приказа!

База «Спутник». Вышка.

Ночью в засаде на дороге. Самодельные «рогатки» рубили днём.

Комбат майор Белезеков. Начштаба майор Чернышов, замполит капитан Валиев. Он их помнит до сих пор… Попов был скромным командиром отделения. А по возвращении в часть, оформляя проездные документы навсегда домой, узнал, что его уже полгода ждёт медаль Суворова № 24869. За боевые действия на Кавказе!

Сейчас он работает на современном предприятии, занимается

выпуском пластиковых изделий (статья написана в 2008 г. – А. И.) Психологический надлом, который испытывают почти все, побывавшие на чеченской войне, постепенно прошёл. Только снятся по-прежнему не дошедшие до родного порога боевые друзья. Что ж, «морская пехота – гвардия флота!» – говорили мне в Черноморском полку МП в семидесятые годы, гоняя на полигонах и на тренажёрах, на земле и под водой. А гвардия, как известно, первой вступает в самые тяжёлые бои. Погибшим – вечная память, живым – благодарность и уважение!

Ночной рейд по тылам противника. Слева – командир группы сержант В. Попов.

0
Rh+
ЗАПОЛЯРЬЕ
СПУТНИК
РОССИЯ

Крылатые корабли

Наш девиз остаётся прежним: от космических названий к космическим скоростям!

(Ростислав Алексеев, главный конструктор судов на подводных крыльях)

Работа разъездного корреспондента Волго-Донского речного пароходства позволяла бесплатно ходить на судах ВДРП от Волгограда через Цимлянское водохранилище до Ейска, Жданова (нынешний Мариуполь), Керчи, а иногда и до Сочи.

Речной сухогруз Волго-Дон.

Длина 138,3 м, ширина – 16,7 м; осадка до 3,5 м. Скорость 10 узлов, 15 суток автономного плавания; экипаж 13 человек. Способен перевозить до 5000 тонн груза (уголь, руда, зерно, щебень и т. п.) по крупным внутренним рекам с выходом в Онежское, Ладожское озёра и Таганрогский залив.

Побывал я на самых различных проектах судов, начиная с

мелкосидящей «Зари», позволявшей приставать почти к любому необорудованному берегу, заросшему зеленью, на катерах «Ярославец», на морских буксирах, на так называемых чешках «река-море», и вплоть до танкеров и «Волго-Донах» водоизмещением пять тысяч тонн. Последние, идя на Москву с грузом пшеницы, имели такую осадку, что под их днищем оставалось до пятнадцати сантиметров глубины. Дон – река неширокая и достаточно мелководная, так что гиганты едва протискивались в узкостях, рискуя или сесть на мель, или, что ещё страшнее, пропороть брюхо и намочить драгоценное зерно, после чего прокуратура немедленно бралась за капитана.

Но однажды, возвращаясь из командировки, придя на дебаркадер километров за двести от Ростова-на-Дону, я узнал, что мои друзья, с которыми надеялся встретиться, сев на катер и дойдя до «чешки», только что ушли, оставив меня без хорошего флотского обеда вкупе с жирным лещом. Удивлённая кассирша сказала:

– Так у вас же удостоверение, берите билет на «Ракету».

Взял.

Теплоход «Ракета»-191 подходит к пристани.

Начал выпускаться в 1957 г. (проекты 340, 340Э, 340МЕ). Длина 27 м; ширина 5 м; высота 4,5 м; осадка 1,8 м при стоянке и 1,1 м при ходе на крыльях. Один гребной винт. Максимальная скорость – 70 км/ч, эксплуатационная 60–65 км/ч. Автономность плавания – 600 км. Вмещает 64–66 пассажиров.

Фото: С. Артанов (http://photo.qip.ru).

И подошла к дебаркадеру белоснежная красавица на крыльях, плавно оседая в воду на подходе. Я видел на службе разные корабли, но это было вполне гражданское судно. Слышал о кораблях на подводных крыльях, читал спецлитературу. Но впервые увидел эту чудо-технику воочию. Мешочники, кудахтая и давя друг друга, хлынули на борт. Матрос, стоявший на контроле, крикнул:

– Чего стоите, уважаемый? Убираем сходни.

А я просто разинул рот и любовался судном. Конечно, уже тогда, в начале восьмидесятых, были видны старомодные обводы корпуса, но впечатление было сильное. Я взошёл на борт, мне показали место, взвыли дизеля, и «Ракета», постепенно вырастая на крыльях, понеслась в родной порт, точнее, на Ростовский пассажирский речной вокзал. Надо заметить, что в те времена пассажирский флот, развивавший невиданную скорость на речных водных путях, до 60 километров в час с шестьюдесятью пассажирами на борту, и имевший дальность плавания до шестисот километров, пользовался невероятной популярностью у населения. Это вам не колёсные пароходы или неторопливые «ОМики», «Москвичи» и прочие допотопные сооружения.

> «Когда на борту пожар».
> (1983 г.)
> …Хорошую репутацию в советских портах снискали себе пожарные СПК типа «Ракета». Помню, немало их было раньше по реке. Что за проект и сохранились ещё где-нибудь живые экземпляры?
> В этой книге есть несколько интересных описаний пожаров на пассажирских судах ММФ в 1970-е годы. В середине 1970-х присутствовал при спасении «Метеора», зацепившего на полном ходу кромку судового хода перед Кочетовским шлюзом. СПК был полон, и больше всего запомнилось две вещи: вид носовой переборки кормового салона после удара и то, что дети после аварии бросились расхватывать разлетевшиеся из буфета вкусности. К счастью, погибших не было.

Вот этот буфет меня и поразил. До этого в командировках я пользовался гостеприимством флотских друзей. А в тот день у меня оставались свободные деньги, и грех было их не потратить. Скажем, рублей шесть (советских). Кстати, на каждой из кратких стоянок на борт забегали местные жители, время было голодное, и они брали всё, что могли урвать, пока их не попросят с борта. Расписание – дело строгое! И я немножко закусил. Так что можно было себя ощутить эдаким провинциальным Крезом. А сама

«Ракета» представилась мне вполне автономным судном, где и сидишь комфортно, и выходишь на правый борт, и дышишь воздухом на полном ходу, и с голоду не пропадёшь.

В станицу Багаевскую, так называемую огуречную столицу донского края, летом ежедневно ходили «Ракеты», перевозя в Ростов-на-Дону сладчайшие огурцы и прочие овощи. Оттуда, от речвокзала, до Центрального рынка было рукой подать. За сезон благодаря оперативной доставке багаевцы зарабатывали до нескольких тысяч советских рублей. Таким образом, в 1957 году на речном флоте свершилась революция! Точнее, две: грузопассажирская и рыночная!

Автором первого в мире судна на подводных крыльях был гениальный конструктор Ростислав Евгеньевич Алексеев. До Великой Отечественной войны он окончил кораблестроительный факультет Горьковского индустриального института. Поскольку началась война, он, защитивший дипломный проект на тему именно судов на подводных крыльях, начал работать мастером ОТК по качеству танков. В начале 1942 года его вызвал к себе главный конструктор знаменитого завода «Красное Сормово» Крылов и сказал, что дирекция и партком считают необходимым, чтобы инженер Алексеев восстановил свой дипломный проект и взялся за разработку и доведение до опытного образца СПК. Точнее говоря, именно в условиях войны он должен был сделать боевые катера на подводных крыльях. К сожалению, несколько опытных образцов так и не вступили в бой и не обкатались в суровых условиях. Война закончилась, и тогда было принято решение о разработке пассажирских судов нового поколения.

> На базе разработок Алексеева в России было построено большое количество коммерческих судов на подводных крыльях: «Ракета», «Стрела», «Спутник», «Метеор», «Комета», «Циклон», «Буревестник», «Восход»… Строились и военные суда, в том числе и самое большое судно этого класса в мире – «Бабочка», ему предшествовали «Пчела», «Турья» и «Саранча».
>
> (Джон Р. Мейер, «Ships That Fly»)

Так началась эра скоростного пассажирского флота, рассчитанного на полностью мирное применение. В мае 1957 года на воду был спущен первый СПК «Ракета». Оттуда он пошёл на Москву, на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. За первую навигацию «Ракета» прошла 40 тысяч километров! Всего было построено около 400 СПК этого проекта.

«Метеор» (1961).

Длина 34,6 м; ширина 9,5 м; высота 5,63 м при стоянке и 6,78 м при ходе на крыльях; осадка 2,35 м при стоянке и 1,2 м при ходе на крыльях. 2 гребных винта. Максимальная скорость 65 км/ч, эксплуатационная – 58–62 км/ч. Автономность плавания – 600 км. Вмещает 78–123 пассажиров, в зависимости от модификации.

Кстати, первым капитаном СПК «Метеор» стал прославленный лётчик Герой Советского Союза Михаил Девятаев, который в годы войны сумел бежать из плена, угнав вражеский бомбардировщик.

Во второй раз мне повезло больше. Это был «Метеор», тяжелее, комфортабельнее и современнее «Ракеты» и «Восхода». Шли на Керчь, мне отвели отдельную каюту по правому борту, но я предпочёл, поспав часа полтора и сходив в буфет, подняться в рубку и понаблюдать за работой экипажа, хотя понимал, что сторонний наблюдатель несколько мешает работе. «Метеор» летел по Азовскому морю, как чайка. Командиры были в белых сорочках, при галстуках. Когда мы вернулись, они ушли в затон, или ковш, как говорят в Ростове, и мы увиделись только осенью. Тогда я впервые увидел «Метеор» на стапелях, и крылья меня поразили. Он будто вновь летел на них по морю! А командиры были небриты, в промасленных ватниках, с тяжеленными инструментами в руках, копались в двух танковых дизелях, одновременно разговаривая со мной. Потом, когда я уходил на очередное задание, притащили мне двухлитровую банку с азовской килькой. Когда писал материал о ремонте и подготовке к следующей навигации, то редактор Будкин спросил:

– Кильку давали?

– А как вы узнали? – ответил я вопросом на вопрос.

– Да знаю я этих деятелей как облупленных! А материал хороший, со знанием дела. Ставлю в номер.

– Так я же не за взятку писал. А кильку притащу!

– Правильно делаешь. Ребята ведь хорошие, пашут как кони.

«Комета» (проект 342-МЕ).

Длина 35,1 м; ширина 11,0 м, высота 7,8 м при ходе на крыльях; осадка 3,6 м при стоянке и 1,7 м при ходе на крыльях. 2 гребных винта. Максимальная скорость 60 км/ч, эксплуатационная – 55–57 км/ч. Автономность плавания – 600 км. Вмещает 120 пассажиров, в зависимости от модификации.

Третий случай был гораздо позже. Шёл опять же на Керчь на «Комете». Вместимость этого судна – 106 человек, скорость – 30 узлов, то есть около 60 километров в час. И сидя опять же в рубке, обратил внимание на странные надписи на приборной панели. Присмотрелся и увидел, что это испанский язык. Спрашиваю:

– Как же вы судном управляете?

– Да привыкли, – отвечают, – мы его на Кубу и обратно гоняли.

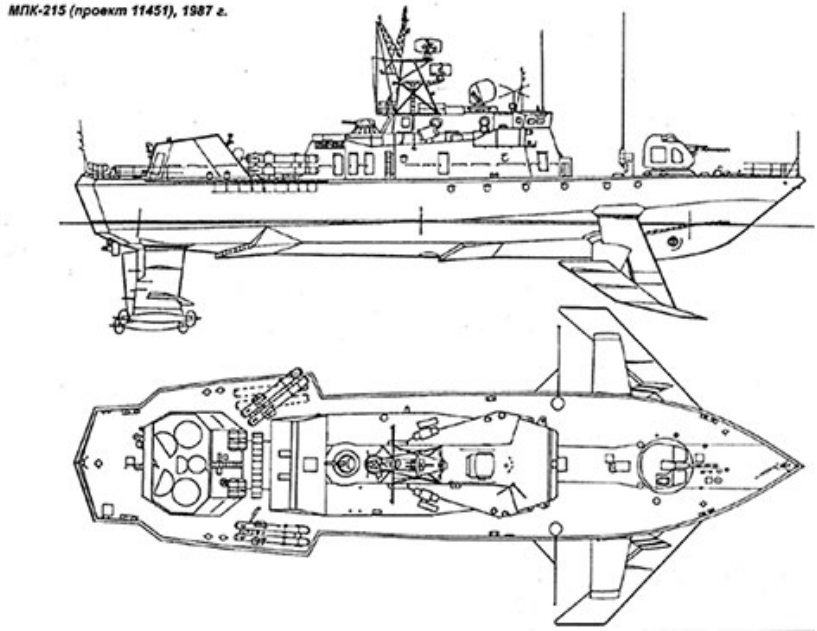
– По Атлантике?! – изумлённо спрашиваю.

– Так точно! А потом наши «Кометы» в Грецию пошли. Это же морское судно, довольно большое волнение выдерживает. И в Китае работает.

Десантный корабль проекта 12322 «Зубр» – советский малый десантный корабль на воздушной подушке (МДКВП). Самый большой корабль на воздушной подушке в мире.

Водоизмещение – 555 т; длина 57,3 м, ширина 25,6 м, высота 21,9 м; мощность 5 × 10 000 л. с; скорость хода 60 узлов; дальность плавания – 300 морских миль, автономность плавания – 5 суток. Экипаж – 27 человек. Вооружение: артиллерия, зенитная артиллерия, ракетное вооружение (ЗРК типа «Игла»).

Но к морским тяжёлым судам на подводных крыльях мы ещё вернёмся. Кроме того, военные не могли пройти мимо такой идеи. Были созданы даже малые противолодочные корабли на подводных крыльях типа «Сокол» (см. чертёж). Следующим было создание десантных и ракетных кораблей на воздушной подушке (на фото). Но это отдельная история. В Донузлаве, на военно-морской базе, где я заканчивал службу, они с таким рёвом входили в громадные эллинги по бетонным откосам, что у нас закладывало уши[19]. Великобритания до сих пор использует громадные паромы для переправы через Ла-Манш. Они умнее нас в том смысле, что изобрели сначала десантные корабли с резиновой юбкой, а потом тут же создали гражданские суда для коммерческого использования. У нас же практически нет ни того, ни другого.



МПК «Сокол».

Патент на судно на подводных крыльях выдан в России в 1891 году. Применяются с середины XX века для перевозки пассажиров (до 300 чел.) и небольших срочных грузов, в ВМФ. Скорость 80-100 км/ч.

(Из военно-морской энциклопедии).

Вот такие странные русские! Изобретают, выдумывают, разрабатывают, а потом остаются у разбитого корыта. Когда недавно летал в Ростов-на-Дону, где когда-то ходил в затон как к себе домой, меня туда не пустили. ВДРП распалось на десятки мелких фирм, каждая сама по себе. Из СПК осталось два «Восхода». На плаву держится только крупнотоннажный пассажирский флот традиционных экскурсионных маршрутов Ростов – Москва или нескольких других направлений.

МРК-220 «Владимирец» (проект 11451, шифр «Сокол», кодификация НАТО – Mukha class corvette).

Водоизмещение полное – 475 т; длина – 49,9 м; ширина 9,98 м (21,1 по крыльям); осадка 7,26 м на стоянке, 4 м на ходу. Скорость 50 узлов на тихой воде, 45–47 узлов на волнеиии 2–3 м. Автономность плавания – 7 суток. Экипаж – 39 человек.

Вооружение: навигационное – НРЛС МР-220, радиолокационное – РЛСУ АО МР123-01, радиоэлектронное – ГАК «Звезда»-«Заря». Артиллерия – 76-мм АК-176М, 1×6 – 30-мм АК-630 («Владимирец»). Ракетное вооружение: ПЗРК 9К38 «Игла», 8 ракет. Минно-торпедное вооружение – 2 четырехтрубных ТА ТР-224 калибра 400 мм, 8 самонаводящихся торпед СЭТ-72.

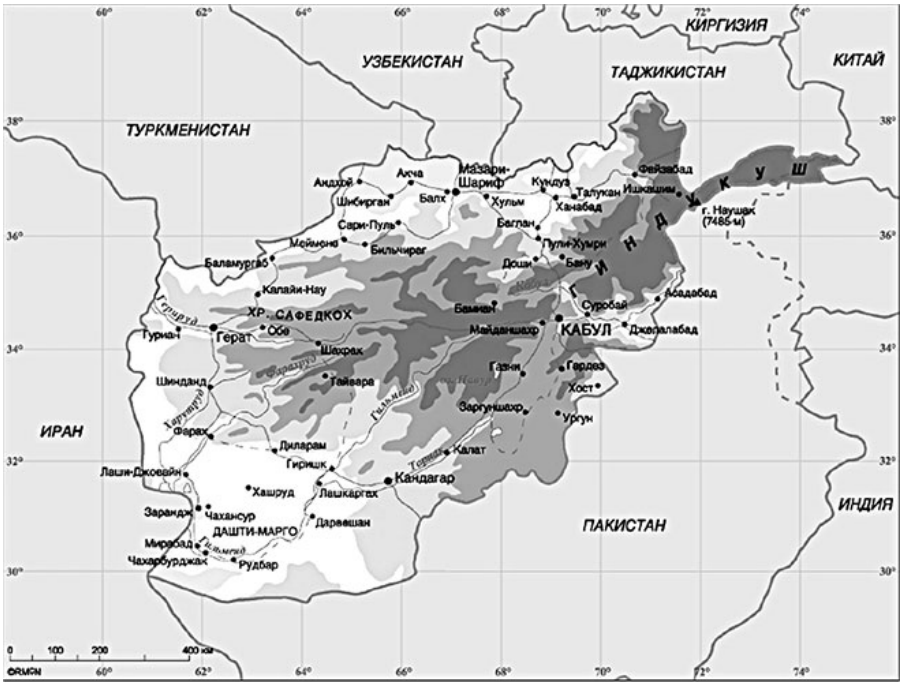
Фото: George Chernilevsky.

Будем надеяться на лучшее!

Триумф и трагедия исхода (фоторепортаж из афганского прошлого)

15 февраля 1989 года командующий 40-й армией боевой советский генерал Громов последним пересёк границу двух государств по мосту через реку Пяндж, поставив таким образом невидимую точку в беспощадной войне, растянувшейся вместо нескольких недель на девять лет и три месяца. Громова сопровождал сын-подросток, счастливый и радостный. Но был ещё один сын своих родителей, неприметный рядовой Игорь Ляхович, погибший 7 февраля, за полтора месяца до своего двадцатилетия. Его привезли на броне БТРа боевые друзья, укрыв плащ-палаткой и поставив рядом ручной пулемёт, на стволе которого повис осиротевший голубой берет. А дома было получено последнее письмо: «Мама, больше не пиши сюда, нас выводят, и твоё письмо может меня здесь не застать. Как только перейдём мост, я напишу». Матери, ставившей памятник сыну, не советовали писать ничего лишнего на плите. Но она собралась с духом и на свой страх и риск заказала надпись со строчкой: «Погиб в Афганистане». Были там и стихи:

Прости меня, мама, за горе и слезы,
Что я вам невольно принёс…
Пусть обо мне вам напомнят берёзы,
Мне так не хватало берёз.



Он был одним из 15 тысяч советских граждан, официально погибших на той войне. Были ещё десятки тысяч раненых, инвалидов, алкоголиков и наркоманов. Многие встали в одну шеренгу с бандитской братвой, на практике применяя боевой опыт против соотечественников. В этой грандиозной трагедии принимали участие тысячи наших земляков, многие из которых сложили головы на пыльных дорогах далёкой загадочной страны, не покорившейся в XIX веке даже отборному британскому экспедиционному корпусу.

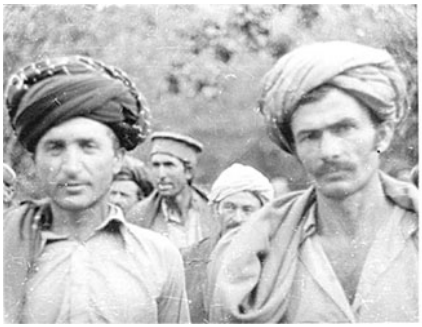
Памятник с именами героев стоит рядом с училищем искусств, буквы на стелах уже потускнели, а кое-где и почти не видны… По неизвестно чьему хотению прекрасная площадь, украшенная сейчас воинским храмом в честь Димитрия Донского, называется площадью Губкина, даже не Площадью Искусств! Людям свойственно забывать триумфы и трагедии прошлого – но болят раны молодых ветеранов, мучают фантомными болями ампутированные руки и ноги, скрипят протезы, снятся ночные бои, беспокоящие обстрелы и взрывы мин, и снова по-верблюжьи ноют спины, когда-то нагруженные до предела оружием и боезапасом. В первую чеченскую офицеры и прапорщики, прошедшие Афганистан, учили молодых: берите максимум патронов и сигарет, минимум пайка – без еды можно продержаться, а без боезапаса – нет!

Л. И. Брежнев и король Захир Шах.

Из истории афганского вопроса: Войска согласно приказу маршала Устинова пошли на Афганистан по воздуху и в боевых колоннах ровно в 15:00 25 декабря 1979 года. Профессиональные военные (каким не был Устинов, министр обороны СССР) были против ввода войск, но в Политбюро их не слушали. Решение с подачи Андропова, Громыко и того же Устинова был принято на скорую руку, и как историческая память об этом событии сохранилась только одна бумажка, написанная от руки под загадочным заголовком: «О положении в А.». Уже в первую неделю мы потеряли 60 человек убитыми, из них 19 – при штурме Тадж-Бека, новой резиденции кровавого палача Хафизуллы Амина, получившего своё образование в США. Дальше покатился снежный ком потерь. Всего же через Афганистан прошло 629 тысяч граждан СССР.

Погибло ПОЛТОРА МИЛЛИОНА афганцев! Результатом войны стала неутихающая с тех пор война всех против всех, чем не преминули воспользоваться американские «демократизаторы Вселенной», вырастившие целые стаи бен-ладенов, которых теперь «ищут пожарные, ищет милиция». В общем, проиграли все, и на этом фоне массовый личный героизм советских воинов понемногу был умело затёрт пропагандой мускулистых и неуязвимых Рэмбо без страха и упрёка. Теперь мы наблюдаем агонию Ирака.

Старейшины под чинарой в Дарвазе Афганского Бадахшана.



Между фото пуштунов с чалмами на головах и пуштунов из аэродромной охраны с автоматами на груди – почти сто лет! А похожи, как братья!

Но по-прежнему 15 февраля на площади у колледжа искусств Тюмени собирается у памятника поредевший строй поседевших ветеранов. Полевая кухня, фронтовые сто грамм – и дальше, к мирным заботам тех, кто выдержал пресс «афганского синдрома». А некоторые до сих пор пишут стихи.

Командир ЗАС (засекреченной аппаратуры связи) прапорщик В. Туманов у БМД. Недалеко его верный конь – ЗИЛ-131, набитый взрывчаткой и заминированный на случай захвата аппаратуры противником.

БАБКИНА МОЛИТВА
Ангелы, Архангелы, где вы были…
Когда сел в самолёт «Самарканд – Кабул»?
В далёкой деревне собаки выли
и тревожно ржал лошадей табун.

Бабка Федора к иконе припала,
Богородице усердно молясь.
Звёзд в это утро много упало
Я же попал в ДШБ, но в связь.

Подчинённый Туманова, радиотелефонист Сергей Костомаров из Заводоуковска, автор неплохих стихов, в первые месяцы службы в Афганистане. Гардез, Пактия, недалеко от Пакистана.

Крестик нательный, а сам – комсомолец,
броник тяжёлый, рация, автомат,
Не выдержит каждый и многоборец
Лишь песок на зубах да мат.

Азия – дикая, чужая религия,

взгляд исподлобья, словно в прицел.
К черту романтику, лишь чудо великое —
Бабки молитва и то, что я цел.

Ангел-хранитель, тебе особо
благодарность земных, неубитых тел.
От всех, кто дождался, большое спасибо:
Справился всё же, за мной доглядел.

ШУРАВИ

Я прощения прошу, народ Афгана,
За империю почившую свою.
Не даёт уснуть не заживающая рана —
Что свободу попирали мы твою.

Всех прости, живых и тех, кто в небо
Прямо с боя, молодым шагнул.
Многим двадцати ещё ведь не было,
Когда их оцинковал Кабул.

А над выжившими, здравствующими нынче
Круг почёта совершают журавли.
Клином, строем, каждым взмахом кличут:
«Не сдавайся, не печалься, шурави».

Сергей Костомаров

(Гардез, провинция Пактия, 1984–1986 гг.)

Группа моджахедов. Ашмар, провинция Кунар, 1980 г.
Фото: Pascal Manoukian/Sygma.

Афганцы у разбитого советского вертолета. Ашмар, провинция Кунар, 18.01.1980
Фото: Alain DeJean/Sygma.

Военком-афганец

Полковник Моторин, начальник областного военкомата. Родился и вырос в Омутинке Тюменской области. Закончил среднюю школу с золотой медалью. Окончил Омское танковое училище в 1980 году с отличием, за что заслужил право выбирать место службы. В Афганистане служил командиром танковой роты после ГСВГ, нашей крупнейшей тогда группировки в Европе. Прошел весь путь офицера от курсанта, лейтенанта, до полковника. Имеет правительственные награды. Самая почетная в советское время – медаль «За отвагу». В Афганистане отвоевал с марта 1985 до апреля 1987 года.

9 месяцев понадобилось для вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана. 8 февраля 1988 года генсек ЦК КПСС Михаил Горбачёв заявил, что СССР и Афганистан договорились о выводе войск в связи со стабилизацией обстановки в регионе. 7 апреля министр обороны Дмитрий Язов подписал директиву на вывод контингента (три мотострелковые и одна воздушно-десантная дивизия, 100 тыс. военнослужащих, около 3 тыс. танков и бронемашин). Передислокация началась 15 мая 1988 года и закончилась 15 февраля 1989 года. Афганской армии оставили 990 единиц бронетехники, 267 артсистем, 3 тыс. автомобилей, около 200 военных городков и других объектов.

(Из военной энциклопедии)

Областной военком – должность весьма сложная. Разговор не о том, что призыв, в том числе и в кремлёвскую роту, имеет свою специфику. А о том, что есть такое понятие, как мобилизация,

многие и не подозревают. Да и армия наша ещё та штучка! Упаси Бог войны, как сказал Лесков в бессмертной повести о Левше, англичане кирпичом ружья не чистят. Воюют старьём 70-х годов, таскают рации на себе, а у террористов спутниковые телефоны и наше суперсовременное оружие.

Мобслужба – это постановка мужского населения под ружье. Не дай Бог! Но дисциплина, порядок, и самое главное, ответственность! – главные понятия для настоящего русского солдата, кем бы он ни был по национальности: башкир, как я, татарин, узбек, таджик, и далее по списку. Моторин сказал мне, что в его танковой роте были люди семнадцати национальностей. Мы все были дружны в Советском Союзе, ездили в гости друг к другу, и никто не спрашивал, из какого вы аула. Военком сказал, что его воины держались друг за друга мёртвой хваткой, иначе не выживешь.

Моторин до сих пор помнит названия и номера воинских частей, имена командиров, своих подчинённых, координаты подразделений. До сих пор помнит свой алма-атинский полк, откуда и попал в Афганистан. Он по памяти рисовал свой участок охраны и сопровождения боевых колонн и цистерн с горюче-смазочными материалами для наших танков, БМП и даже нарисовал свой семнадцатикилометровый маршрут, где стояла его застава в горах.

Однажды, трудясь после службы на военно-морском флоте разъездным корреспондентом в ВДРП (Волго-Донское речное

пароходство), я попросился в военкомате на командировку в Афганистан. Военком тут же распорядился, чтобы меня отправили сопровождающим колонны ГСМ и военкором. Перед тем он созвонился с нашим редактором, одесским евреем Леонидом Петровичем Будкиным, майором артиллерии, потерявшим пол-ноги при штурме Кёнигсберга.

Будкин бил меня по голове протезом и вопрошал:

– Тебе што, мало Египта?! Ты хочешь меня без золотого пера оставить?!

У вояк своя закалка. Мы узнаем друг друга не по юбилейным железякам, а по насмешливому отношению к прошлому и нежеланию рассказывать о своих подвигах. Те, кто сидел в штабах, получали медали и даже ордена. В воскресенье, 15 февраля, у памятника афганцам соберутся уже довольно взрослые дядьки и даже дедушки. В Афганистане я не был, но на памятнике есть моя фамилия: Исмагилов. Бог миловал, но людей сгинуло там столько, что до сих пор неизвестно точное число.

Танковая рота – подразделение небольшое, хотя с какой стороны смотреть: 10 танков Т-62, лучшая на то время модель танка в мире.

В связи с увеличением потерь танки модернизировали: увеличили днище для защиты от мин., сделали более комфортными условия для экипажа, хотя не могу себе представить этот комфорт. Но Моторин говорит, что для него

танк был тем же, чем для моряка корабль. Афганцы воевали советским оружием, и РПГ-7 (реактивный гранатомёт) мог насквозь пробить башню танка. Особенно опасно было попадание под башню. Тогда прибегли к идее поставить фальшборта из резины. Сработало! Но всё же бывали случаи, когда, например, из-за лёгкого веса резины граната попала в борт, и наводчику орудия оторвало щиколотку.

В роте за время службы Моторина погибло семнадцать человек…

Никому не пожелаешь такой судьбы. Ведь настоящий офицер отвечает за каждого своего солдата. И Александр Александрович выполнял свой долг, как положено. Мы давали присягу и не изменяли ей. До сих пор.

Танковая рота вместе с заставой осуществляла прикрытие боевых колонн. Дорога шла через Саланг на Кабул и Джелалабад. Ввод войск осуществлялся через Термез и далее. Застава Моторина стояла в здании бывшего медресе. Толщина стен при высоте до пяти метров составляла до одного метра тридцати сантиметров. Это были настоящие крепости, стены которых трудно пробить даже мощной танковой пушкой. А из СССР по двум ниткам трубопроводов непрерывно подавались керосин и дизтопливо. Моторин как раз и занимался охраной труб. Мне это напомнило ситуацию в Чечне. После наступления комендантского часа танки снимали с огневых позиций, и они вместе с БТРами и специалистами обследовали трубопроводы. Занятие не из приятных, особенно ночью. Дальность полёта мины превышает пять километров, а служба разведки у моджахедов с помощью американосов была поставлена хорошо. Они же вырастили и талибанов, и Усаму бен Ладена. Так что наши люди, каждый день рискуя жизнью, выполняли идиотские приказы и постановления ЦК КПСС, а заодно выращивали целые поколения афганских жителей, отважно и умело воевавших с нами, а теперь жалеющих об уходе советской империи с мировой арены. Впрочем, история не знает сослагательных наклонений.

Автоматический миномёт «Василёк».

Теперь технические подробности. На командирском танке (батальонном), кроме УКВ радиостанции, ставилась вторая, для связи с командиром полка. А военком говорит: вернёмся к обсуждению комфорта, так как Т-62 был танком второго поколения после Великой Отечественной войны. В Омском училище он стажировался на Т-64 и Т-72. Об истории танкостроения Моторин рассказывает со вкусом и со знанием дела. Т-34 он хвалит за простоту конструкции, надёжность и краткость времени обучения личного состава. Конечно, во многом танк проигрывал немецким, особенно в вооружении. «Тигры» с 88-миллиметровыми пушками могли расстреливать наши боевые машины с расстояния полтора километра! Наши танки могли стрелять с расстояния шестьсот-семьсот метров, но не в лоб, а в борт.

Позже на Т-34 поставили пушку калибра восемьдесят пять миллиметров. А по маневренности и проходимости нашему танку не было равных. Широкие гусеницы давали возможность развивать невиданную скорость. Но потери были не в нашу пользу. Зато на основе боевого опыта и модернизации легендарной машины конструктора Кошкина были созданы проекты Т-44, Т-54 и Т-62. На этой последней модели и воевал наш военком.

Танковые дизеля работают до сих пор на судах типа «Метеор» и на тепловозах ещё советского, а теперь уже российского производства. Была наша промышленность! А теперь она работает

на заграницу.

К сожалению, рота Моторина и застава, которой он руководил, стояла южнее Саланга, в Чириках, провинция Парван. В его зону ответственности входило сопровождение колонн с ГСМ, боеприпасами и прочими нужными каждой воюющей армии грузами. Он сидел в горах, периодически выходя на боевые операции. В Баграме стояла 68-я стрелковая дивизия. Аэропорт был одним из самых крупных. Там же стоял штаб дивизии. Здесь находился и 345-й воздушно-десантный полк. Командир танковой роты входил в состав 682-го мотострелкового полка, расположенного в ущелье Пандшер, одного из самых ужасных мест, откуда, по слухам (никого не хочу обвинять голословно), наши генералы на крови своих солдат вывозили драгоценные камни. Так прошло два года боев, передряг, потерь, – всего того, из чего состоит жизнь на войне…

Не хочется говорить о плохом. Офицеры и солдаты гибли почём зря, не оставив после себя детей. Но каждый год уже седые ветераны так называемых локальных войн собираются у памятника.

Дай Бог всем здоровья! Мир вам, седые воины! И не дай Бог ещё одной войны!

Армия вернулась из-за речки [20]

Мера подвига нашего солдата известна – он щедро окропил афганскую землю потом и кровью. Он выполнил приказ Родины. Все известные подвиги участников Великой Отечественной войны были повторены нашими молодыми современниками на земле Афганистана.

(Из заявления Советского правительства о завершении вывода советских войск из Афганистана)

Многие выпускники нашего ТВВИКУ, нынешние преподаватели и ветераны училища, прошли, некоторые не по одному разу, через афганскую мясорубку Вместе с заместителем начальника училища по воспитательной работе полковником Владимиром Сваловым мы насчитали только на сегодня двадцать девять человек (цифра приблизительная), от прапорщика Алексея Синятникова и майора Алексея Липатникова до генерал-майора Михаила Логинова, начальника училища. Мы решили взять одну из таких судеб и, словно диафильм, прокрутить её на экране жизни.

Слева направо – афганец, переводчик и военный советник В. Толпейкин. Афганистан. Хост.

Краткая справка. Владимир Михайлович Толпейкин окончил ТВВИКУ в 1969 году, служил в Северной Группе Войск, в Польше, оттуда попал в ТуркВО, и с должности начальника инженерной службы полка поступил в Военно-инженерную Академию им. Куйбышева. После академии служил в Забайкалье начальником инженерной службы дивизии. В 1984 году направлен военным советником в Афганистан.

Рассказывает подполковник запаса Владимир Толпейкин:

– В мае 1984 года меня отправили с афганцами на самолёте в Хост советником начальника инженерной службы афганской дивизии. Когда на совещании командующий объявил, что меня направляют в Хост, то офицеры посмотрели на меня, как на покойника – оттуда чуть не каждую неделю приходил груз-200 с офицерами. Сопровождали меня в самолёте двое душманов, один даже без оружия, тогда я их первый раз увидел вблизи. Округ называется Пактия, а столица округа – Гардез, крупная точка на границе с Пакистаном – Хост, вот там и находился новый аэродром. Обстреливали его со всех сторон, особенно когда приходили транспортные самолёты. Горы высотой четыре с половиной тысячи метров, и если разведчик проходил в долину Хоста, то следом шла транспортная авиация.

Во время подлёта, снижения и посадки шёл обстрел из ЗГУшек (зенитных горных установок – А.И.), а в момент приземления, когда самолёт касался полосы, начинали работать пушки и били прямо под колеса. Вся полоса была изрыта. В результате на аэродроме скапливались целые горы битого металла, и с моей подачи комдив постоянно заставлял эти горы закрывать маскировочной сеткой. Смысл какой? Дело в том, что к нам почти каждый месяц приезжало телевидение: то итальянское, то болгарское, то даже турецкое. Каждый со своим интересом, так сказать. А места там сами по себе красивейшие, особенно древняя крепость, там бы жить да жить, не воевать…

Наша основная задача была рутинная: минирование-разминирование местности. Причём душманы могут с тобой сидеть, чай пить, «хубасти-чепурасти», а ночью мины ставят. Мои сапёры пройдут, всё нормально, а утром опять двадцать пять.

Легендарный «СУ-25» с навесной системой минирования.

И кстати сказать, уже потом мы узнали, что воевали не столько с афганцами, сколько с регулярной пакистанской армией! Хост ведь находится на юго-востоке, буквально в двадцати-тридцати километрах от Пакистана, вот они и чувствовали себя как дома. Мы четыре года не могли одну гору взять, хребтовую, седловидную. А когда в восемьдесят шестом взяли Торагоригар, то было, как в фильме «Девятая рота». Это про нас! Такие же штольни глубоко вниз, там духи и сидели, и ничем их оттуда не выкуришь.

> «Согласно официальной версии истории, помощь ЦРУ моджахедам началась в течение 1980 года, то есть после того как советская армия вторглась в Афганистан 24 декабря 1979 года. Но реальность, державшаяся в секрете до сегодняшнего дня, является иной: на самом деле президент Картер подписал первую директиву о тайной помощи противникам просоветского режима в Кабуле 3 июля 1979 года. И в тот же день я написал докладную записку для президента, в которой я ему объяснил, что, по моему мнению, эта помощь повлечёт за собой советское военное вмешательство. (…) Эта секретная операция была отличной идеей. её целью было заманить русских в афганскую ловушку, и вы хотите, чтобы я жалел об этом? В тот день, когда Советы официально перешли границу, я написал президенту

Картеру, вкратце: «У нас теперь есть возможность дать СССР свою вьетнамскую войну».

(Збигнев Бжезинский)

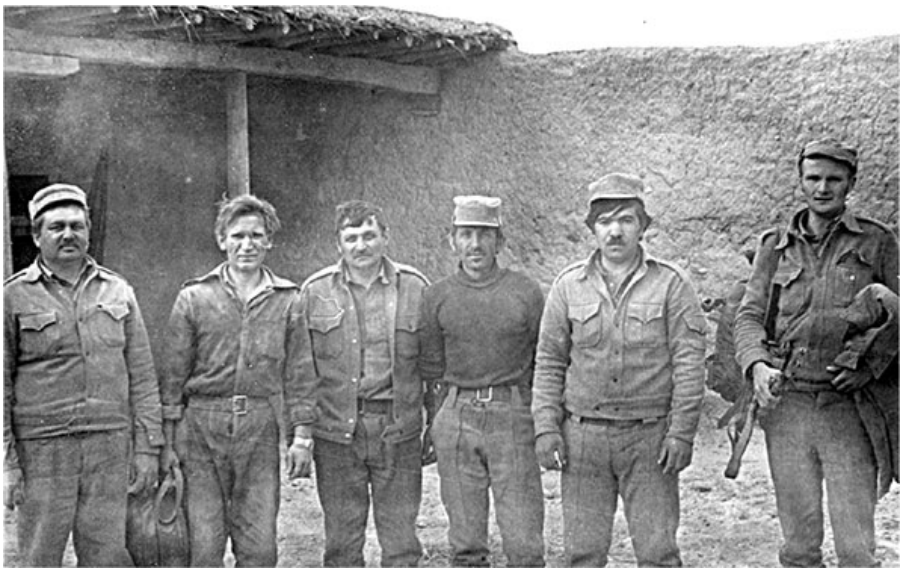
В двадцати шести километрах от нас стоял 23-й полк, это шесть минут на вертолёте со взлётом и посадкой. А мы нагружались боеприпасами, продовольствием, и могли полтора месяца идти эти проклятые двадцать шесть километров в окружную. Зелёнка, да ещё высоты все надо взять, каждую отвоевать, чтобы посадить туда свои блокпосты. Проблем очень много. А в восемьдесят шестом вообще была операция «Джавара», когда броня пошла – страшное дело…

«В ноябре-декабре была проведена одна из крупнейших операций «Магистраль» по разблокированию Хоста. Воспользовавшись отсутствием советских частей в округе Хост, душманы к осени 1987 года восстановили одну из самых крупных перевалочных баз «Джавара», которую наши войска разгромили ещё весной 1986 года. Существовала опасность создания в Хосте временного правительства оппозиционных сил. Было принято решение спланировать и провести крупную совместную войсковую операцию афганских и советских войск и обеспечить население Хоста в первую очередь продовольствием, а также другими видами материальных средств, сорвать замыслы оппозиции по формированию альтернативного правительства Афганистана».

(Сергей Пахмутов)

А на этом фото мы встали на ночлег после операции, идём на Хульбешат. КП дивизии переместился. Здесь начальник оперативного отдела дивизии, командир танкового батальона, командир танкового полка и т. д. Это восемьдесят пятый год. Но мы пока были без техники, поэтому пешком. А как на ночлег становятся? У них дверей нет, настил сверху, подпирается деревянными стойками. Каждое бревно или дерево у них называется чуп. И вот под этот настил без окон и дверей залезаешь, накрываешься солдатскими одеялами, и вроде спишь. Одним глазом спишь, а другим сам себя охраняешь. Кругом одни афганцы, во дворе костёр развели, сидят вокруг, кальян курят, кашляют, чихают, и что у них на уме – кто его знает? У всех оружие, гранаты, и мало ли кому что в голову придёт, например,

гранату бросить?! Никому из них доверять нельзя! Был у нас советник управления одного из полков, вот так же встал с ними на ночлег, а там в восемнадцать часов уже хоть глаз выколи, тьма. Расположились под своим БТРом, а ночью один из их солдат гранату бросил. ПАЙСА, ПАЙСА! Деньги, значит. Они за деньги что угодно сделают.



Вот так и жили, воевали.

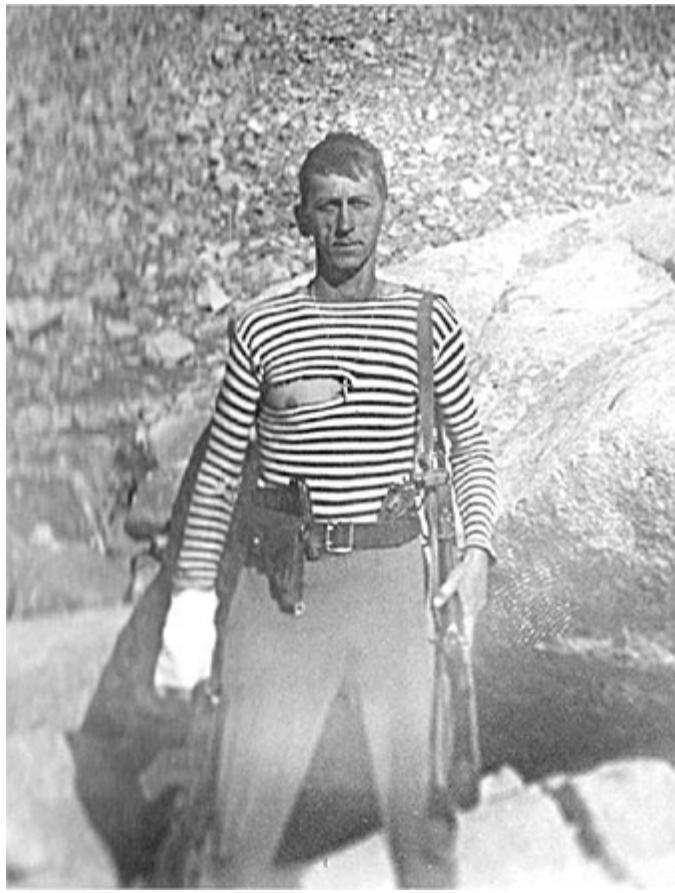
А ранен был так. Ехали все вместе на БТРе, командир дивизии, замполит и я, ну и нарвались на фугас. Слава Богу, жив остался. Только нога плохо работает».

А дальше судьба подполковника Толпейкина пошла по пути, известному многим вернувшимся с войны. У него умер отец, тяжело болела мать, инвалид Великой Отечественной войны, и по просьбе подполковника его перевели в Тюмень. Получил место преподавателя в родном ТВВИКУ, да вот незадача: ни физподоготовкой, ни строевой из-за тяжёлого ранения он толком заниматься не мог. Долго входили в его обстоятельства, но потом начальнику кафедры надоело писать рапорта начальнику училища с просьбой об освобождении от занятий, и Толпейкину было сказано прямо: ты портишь показатели кафедры, и если не можешь служить, то ищи себе другую работу…

Так боевой офицер оказался на улице. Нет, он не спился, не забичевал, просто взял себя в руки и продолжал жить. Он пошёл в штаб гражданской обороны Тюменской области, но и тут Толпейкину повезло как утопленнику – в составе оперативной группы Особой Зоны он умудрился со своим ранением поработать

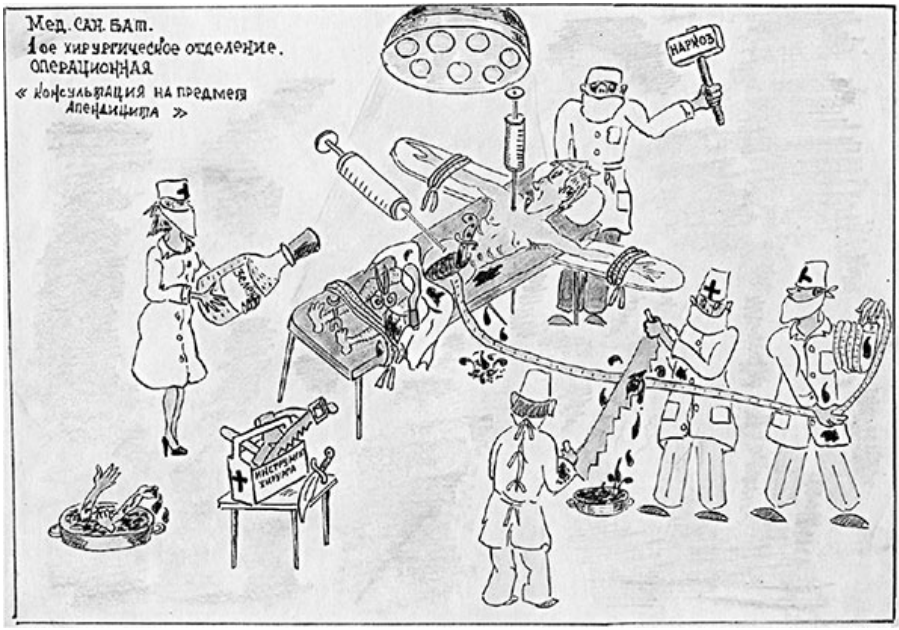
на объекте «Укрытие». Попросту говоря, ломал и захоранивал останки чернобыльского реактора. Службу он закончил в должности начальника Тюменского областного учебно-методического Центра МЧС. В 1993 году Родина сказала своему герою спасибо, и подполковник Толпейкин ушёл с действительной военной службы. Сейчас он начальник штаба ТОО «Боевое Братство», пользуется заслуженным авторитетом среди вояк и гражданских.

Когда мы встречаемся на воинских праздниках, то на китель подполковника Владимира Михайловича Толпейкина любо-дорого посмотреть: орден Красной звезды, орден Мужества, орден Демократической Республики Афганистан (так же исчезнувшей, как и Советский Союз) «За храбрость», медаль «За боевые заслуги» и традиционные для офицера прочие медали.



Раненый комбат Глушко только что вышел из боя.

Есть ещё сотни достойнейших людей, о которых нужно не газетные материалы делать, а книги писать. Мы упомянем пока только одного. Председатель Исполкома Координационного Совета ветеранов (название длинное, полностью не привожу – А. И.) полковник запаса Валентин Глушко, воевал в Афганистане командиром развед-роты, был тяжело ранен. Командира тащил на себе два с половиной километра по горам его солдат. Небывалая вещь! Вертушка успела доставить раненого в живот (!) капитана к врачам, уже готовым поставить ему смертный приговор. Но сила воли и невероятная живучесть выпускника ОВОКУ, потомственного военного, сотворила чудо. Валентину Глушко вырезали полметра кишечника – и он жив до сих пор, дай ему Бог здоровья! Впечатления от медсанбата и госпиталя отразились в серии карикатур, написанных его сослуживцем. Одну из них мы приводим.



Сегодня Валентин Глушко, отказавшийся в своё время принимать украинскую присягу в Крыму, ведёт огромную общественно-политическую работу, возглавляя общественную организацию ветеранов войн и воинской службы «Боевое Братство». День пограничника, День ВМФ, День ВДВ – одновременно праздники и тризны – лежат на его плечах каждый год. И каждый день в его кабинет идут люди с самыми разными просьбами. Полковник Глушко, чья грудь увешана двумя орденами и не только юбилейными медалями, продолжает свою войну. Теперь – за справедливость, за память об ушедших, за долгую жизнь тех, кто уцелел и тех, кто помнит…

Войска ушли из Афганистана 18 лет назад. Но раны не заживают.

Некоторые итоги войны без лирики:

620 тысяч советских людей прошли через Афганистан. 15 тысяч человек убитыми с нашей стороны. До 800 тысяч убитых афганцев. Десятки, если не сотни тысяч раненых, инвалидов, алкоголиков, наркоманов. Сотни наших пленных и пропавших без вести. Резкий взрыв бандитизма в СССР, основанный на военном опыте и презрении как к чужой, так и к собственной жизни. Озлобление всего мусульманского мира против СССР, – при том, что мы потратили сотни миллиардов нефтедолларов на инфраструктуру и вооружение всех, в том числе и самых кровавых режимов Ближнего Востока.

Бойкот Олимпиады-80. Истерическая кампания против СССР только на том основании, что наши войска стоят насмерть в Афганистане.

Развал СССР…

А после нынешнего вторжения США в Афганистан поставки героина выросли в 7 раз!

Афганская война запечатлена в Тюмени напротив училища искусств памятником, изготовленным ветеранами Афганистана. Каждый раз, когда я прихожу на митинг, с некоторым содроганием вижу среди ста с лишним фамилий две: АНВАРОВ и ИСМАГИЛОВ…

Золотой запас границы. (Пограничная разведка в запасе)

Алексей Шабалин родился на самом что ни на есть Севере России, в Сыктывкаре Коми АССР, в августе 1964 года. Занимался вольной борьбой, получил спортивный разряд и отправился прямиком в легендарное Московское пограничное училище в Бабушкине. В 1985 году молодого выпускника-лейтенанта послали на советско-афганскую границу, в посёлок Московский. Как он сам выражается, сразу же «ненадолго съездил на экскурсию на месяц» в Афганистан! Потом началась обычная тяжёлая и опасная служба на Памире. Семь лет он был в составе мотоманевренных групп Хорогского погранотряда, на разных объектах на Памире и в Афганистане: Даргак, Муштив, Захгар, и т. д., и так вплоть до вывода советских войск.

Он и его сослуживцы были выведены с двух объектов, расположенных у самой границы, на вертолётах 3 февраля 1989 года. Он отучился в Москве на курсах, вернулся в Таджикистан и стал заместителем коменданта по разведке в Калай-Хумбе Хорогского погранотряда. Казалось, начинается более-менее мирная жизнь.

Таким образом, Алексей Шабалин провёл на войне три с половиной года, а год там шёл за три. Впрочем, тогда ещё существовала строгая отчётность, и офицеру-разведчику погранвойск считали не просто годы или месяцы, а буквально каждые сутки за трое! Это вам не Чечня, где знакомые мне собровцы просидели в снегу на перевале больше недели с неясно поставленной задачей, отвоевали, а когда пришли получать боевые, то начфин сказал им прямо: ещё неизвестно, где вы были, с вас пятьдесят процентов или не получите вообще ничего…

Впрочем, это горькая современная лирика. Пойдём дальше. Деятельность старшего офицера мотоманевренной группы разведчика Шабалина до сих пор остаётся во многом секретной, и мы упомянем только то, о чём можно говорить в открытой печати, а любопытствующим могу посоветовать обратиться к недавно вышедшей под эгидой ФСБ книге «Пограничники Тюменской области» (тираж тысяча экземпляров). В ней есть статья подполковника запаса Алексея Викторовича Шабалина о деятельности разведки погранвойск. В основном это была работа с местным населением, как в Афганистане, так и в Таджикистане.

Но бывали и задержания нарушителей границы при личном участии героя этих строк. В 1987 году сотрудники разведотдела на территории Горно-Бадахшанской области взяли с собой разведчика Шабалина и пошли на задержание контрабандистов. С той стороны на баллонах через Пяндж приплыли двое бандитов, а пограничников было трое. Операция прошла успешно, и Шабалин был награждён одной из самых высоких наград в его профессиональной сфере, медалью «За отличие в охране государственной границы». Говорят, что получить эту медаль даже сложнее, чем орден Красной Звезды, потому что даётся она именно за поимку супостата на границе, да ещё с грузом!

На встрече с информатором-афганцем. Берег реки Пяндж.

Отряд моджахедов на лошадях, Герат, 1980 г. ©Sygma.

В 1989 году по результатам оперативной работы он был награждён орденом Красной звезды. В наградном листе было сказано, что при личном участии Алексея Шабалина было обезврежено свыше сотни боевиков, далеко не последних в их боевом строю.

Вручали орден прямо на границе. А медаль «За отвагу» Шабалин получил уже в 1992 году за добытые им разведданные об активном участии иностранных боевиков из Саудовской Аравии в кровавой каше гражданской войны, заварившейся после распада СССР в Таджикистане, а также в контрабанде оружия и наркотиков. А наши пограничники постепенно выходили из «братской» республики, где уже вовсю хозяйничали наркобароны и просто уголовные авторитеты.

Кстати говоря, в это время Шабалин неоднократно слышал радиопереговоры будущего вождя чеченских бандитов араба Хаттаба, похвалявшегося своими победами на участке напротив Московского погранотряда, в Югославии и в Чечне. Впрочем, сколь верёвочке ни виться… В Чечне ему удалось наделать немало бед, но всё же вместе со своим кровавым подельником Басаевым Хаттаб нашёл свою могилу на Кавказе.

В оперативной работе, как мы уже говорили, большую помощь оказывало местное население. Помните недавно прошедший сериал «Застава» с похожими эпизодами? Оказывается, сценарий был написан по следам действительно

имевших место событий, и атакованная несколькими сотнями душманов, артиллерией и реактивными снарядами 12-я горная застава действительно продержалась до подхода колонны из штаба Московского погранотряда. Начальником заставы был русский, лейтенант Михаил Майборода, незадолго до этого переведённый с 16-й заставы. Алексей Шабалин был также знаком и с лейтенантом Мерзликиным, тем самым, кто вывел остатки подразделения из-под огня и, докладывая обстановку прибывшему командиру отряда Масюку, не выдержал и разрыдался…

А. Шабалин с трофейным английским карабином XIX века.

А ещё в 1987 году душманы обстреляли реактивными снарядами территорию СССР в районе Пянджа. Это была месть за активную деятельность пограничников и разведгрупп по выявлению банд, изъятию оружия, пресечению контрабанды наркотиков, и т. д. Например, на объекте Даргак в кишлаке действовала опаснейшая банда кровавого Самиалло, которому афганские власти присвоили звание генерал-лейтенанта! Однажды он узнал о том, что на объекте будет замена личного состава: на вертолётах прибывает молодое пополнение из учебки, а дембелей отправляют домой. Начались боевые действия. Вертолёты даже не приземлялись, троих убитых солдат завернули в панцирные сетки и под брюхом вывезли в отряд. Бои

продолжались ещё трое суток. Самиалло был выдавлен в горы.

После службы в Душанбе подполковник Шабалин не остался без работы. Здесь со своими единомышленниками он начал создавать пограничную стражу во взаимодействии с казахскими коллегами. Сейчас, после набора пограничников в основном из местного населения, удалось оборудовать систему контроля за границей, перемещениями граждан обеих стран, товаров и контрабанды. Сложная и действенная система пограничного контроля – одна из заслуг последнего времени разведчика Шабалина и его соратников. С 2001 года подполковник Алексей Викторович Шабалин – в запасе. Я бы сказал – в золотом запасе!

Чем был и чем стал Черноморский флот?

Подобной гавани не только у здешнего полуострова, но и на всем Чёрном море другой не найдётся, где бы флот лучше сохранен и служащие на оном удобнее и спокойнее помещены быть могли.

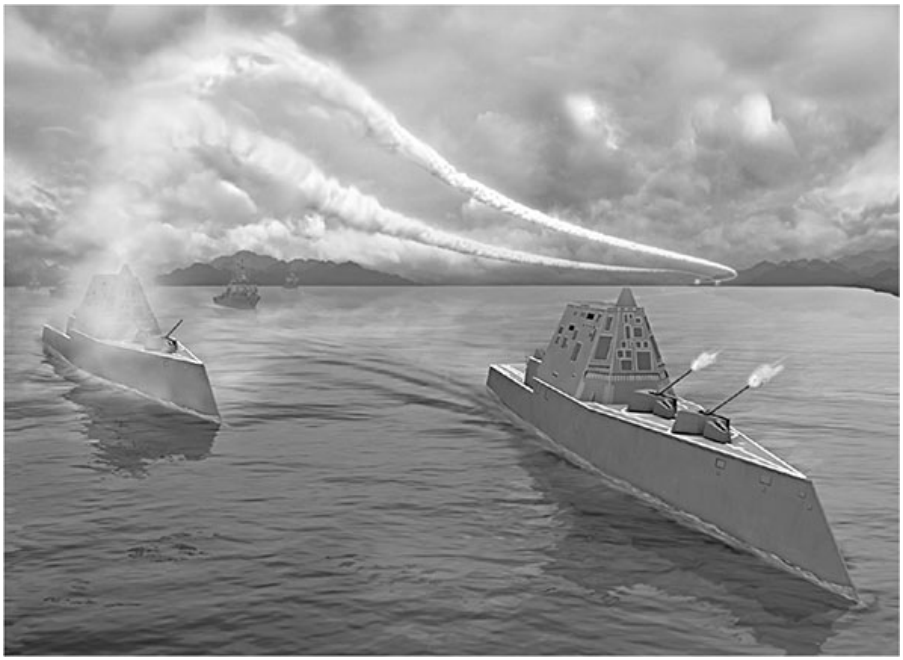
(А. В. Суворов,
командующий русской армии в Крыму во время войны с турками в середине XVIII века)

Чёрное море, или Понт Эвксинский (море гостеприимное), как называли этот водоём древние греки, – моя историческая родина. Именно поэтому трагедия, происходящая сейчас на берегах «самого синего в мире», как пелось в известной песне, доводит меня буквально до слёз. Только что американская разведка подтвердила, что война в Южной Осетии и попытки штурма Абхазии начались прямо с подачи так называемого президента Саакашвили. Почему я так выражаюсь? Да потому, что он и ещё один президент по фамилии Ющенко учились в Киеве в университете, а после того, по странному стечению обстоятельств, женились на иностранках. А Саакашвили к тому же пять лет изучал недоступные нам дисциплины в США! Интересно спросить, какое у него звание? Имею в виду, в американской армии.

Бывал я и в Поти, и в Батуми, куда недавно пришёл целый отряд великих морских держав: Венгрии (!), Польши, и т. д., и т. п. В составе военно-морских сил были, конечно же, и американцы. Они привезли – а как иначе! – «гуманитарную помощь» (не люблю кавычек, но без них не обойтись).

Эсминец ВМФСССР «Разумный» проекта 7 довоенной постройки имел стандартное водоизмещение 1548 и полное 2111 т (однако последующие переделки, усиление корпуса, добавление вооружения привели к тому, что фактическое водоизмещение их перед войной составляло 1885/2402 т). Чтобы обеспечить достаточно высокую скорость – 38 узлов (умножьте 38 на 1852 метра – длина морской мили, – и получится 70 с лишним километров в час!) – корпусу корабля придали стремительные

обводы с необычайно большим отношением длины к ширине: более чем 10:1. Модель этого эсминца стоит у меня рядом с энциклопедиями в почётнейшем ряду. Так вот, водоизмещение эсминцев с тридцатых годов прошлого века изменилось с 2500 тонн до 14000!



Эскиз строящегося в США эсминца класса DDG-1000 Zumwalt Планируется завершить строительство в 2014 году, а в 2016 году ввести корабль в строй.

«Основным назначением эсминца станет нанесение ударов по береговым целям для поддержки сухопутных сил».

(Из доклада командующего ВМС США Дональда Винтера).

Недавно состоялось заседание Комитета по делам вооружённых сил США. Было принято решение о постройке вместо 32 эсминцев всего трёх, поскольку корабли-невидимки – дело очень дорогостоящее. Выделено уже два с половиной миллиарда долларов! И вот представьте себе, что эсминцы предыдущего поколения приходят в порты Поти и Батуми с той самой гумпомощью, и на борту одного из них находятся аж целых 17 т груза! Вы в это верите? Кого они хотят обмануть?! Корабль такого водоизмещения способен перевезти целую бригаду морской пехоты с вооружением, что, судя по всему, они и делают.

Во времена моего детства жили мы всей семьёй на Гудаутской военно-воздушной базе. Отец, офицер ВВС ПВО, не любил рассказов о своей военной биографии. Служил он с 1944

по 1969 год, то есть, выражаясь военным языком, «оттрубил четвертак». Впечатлений хватало. Черноморский флот влился в мою кровь ранним детством, начиная с моторного баркаса, на котором мы выходили в море, и заканчивая утоплением в ВМБ Донузлав 13 января, в пятницу. 32 минуты меня вынимали из морской воды.

Впрочем, это лирика.

МРК (малый ракетный корабль) «Мираж», утопивший несколько грузинских ракетных катеров за две войны на Кавказе 1992–2008 гг.

Водоизмещение: 730 т; длина – 59,3 м; ширина – 11,8 м, осадка – 3,08 м. Максимальная скорость – 34 узла. Дальность плавания: 3500 миль при 18 узлах. Вооружение: 6 пусковых установок ПКР «Малахит» (6 ракет П-120), 1 76-мм артустановка АК-176, 1 × 6 30-мм артустановка АК-630, 1 × 2 ПУ ЗРК «Оса-М» (20 ракет). Экипаж: 60 человек.

Фото: А. Бричевский (http://flot.sevastopol.info).

Несколько слов об истории Черноморского флота.

Первым и наиболее грамотным создателем главной военно-морской базы нынешней цитадели ЧФ был Александр Васильевич Суворов. После победы адмирала Ушакова при штурме острова Корфу он воскликнул:

– Ура Российскому флоту! Зачем я не был там хотя бы

мичманом?!

Святой Фёдор Ушаков, архистратиг Флота российского.

Обратимся к материалам сайта «История Севастополя» (*www.sevtolib.org.ua*).

Фрегаты «Храбрый» и «Осторожный» были первыми русскими кораблями, оставшимися на зимовку в Ахтиарской гавани в 1782/83 г.

Весной 1783 г. к этим берегам пришла вся эскадра под командованием вице-адмирала Ф. А. Клокачева, одного из героев Чесменского сражения.

Корабли бросили якоря в бухте, позднее названной Южной. Здесь они оказались надежно защищенными от бурь и штормов. Русские моряки увидели на берегу, покрытом низкорослым лесом и кустарником, небольшую деревушку, прилепившуюся к обрыву. Имя деревушки – Ак-Яр или Ахти-Яр (скорее всего, так переделали название русские моряки, «Ак» по-татарски «белый», ну а насчёт «ахти» сами знаете – А.И.) легло в основу названия бухты, а затем и города, построенного на её берегах.

Моряки, крепостные крестьяне из разных российских губерний да вольнонаёмные мастеровые – жители соседней Балаклавы – стали первыми строителями будущей базы Черноморского флота. 3 июня (14 июня по

новому стилю) 1783 г. на западном берегу Южной бухты были заложены первые каменные постройки города: дом для нового командующего Черноморской эскадрой Ф. Ф. Мекензи, часовня, кузница и деревянная пристань, та, которую позднее назвали Графской. Эта дата и стала днем рождения Севастополя.

Строительством руководил начальник штаба эскадры флаг-капитан Д. Н. Сенявин, впоследствии адмирал, видный флотоводец. Указом от 10 февраля 1784 г. Ахтиар, город-крепость у Чёрного моря, назвали Севастополем. Высокий смысл этого имени ему предстояло оправдать. Родившись как военно-морская база, Севастополь навсегда связал свою судьбу с Черноморским флотом. В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова разгромила превосходящие силы турецкого флота у острова Фидониси, разбила противника в Керченском проливе, у Тендровской косы, а затем у мыса Калиакрия. Современники отмечали, что военное искусство черноморцев, не связанное с догмами прошлого, превосходило боевое мастерство моряков других флотов.

Адмирала Ф. Ф. Ушакова, в 1790 г. возглавившего Черноморский флот, справедливо называли «морским Суворовым»: он не знал поражений.

Президиум Верховного Совета СССР в годы Великой Отечественной войны учредил орден Ушакова двух степеней и медаль Ушакова. Этих наград удостаивались военные моряки, особо отличившиеся в морских боях и сражениях. Имя прославленного адмирала носит одна из центральных площадей Севастополя.

Имя Фёдора Ушакова прославлено не только в истории военно-морского искусства, но и в православии. Он после Димитрия Донского стал вторым (через четыреста лет) русским полководцем, признанным святым. Сдержанно поздравил Ушакова после штурма острова Корфу английский адмирал Нельсон. Турецкий султан (!) прислал в подарок Ушакову бриллианты, соболью шубу и тысячу червонцев, для команды – 3,5 тысячи червонцев. Император Павел пожаловал Ушакова чином адмирала. Фёдор Ушаков после победы писал: «Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду». А вот родной дядя Ушакова возле Александро-Невской лавры собирал пятачки на паперти. Сам

адмирал был холост, и согласно вечной заповеди – «дом моряка – в море» почти всю жизнь провёл на кораблях, в плаваниях и баталиях.

> 11 сентября – День победы русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра. Учреждён Федеральным законом от 13.03.95 № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России».

Манифестом от 8 апреля 1783 г. Крым, Тамань и правобережье Кубани были присоединены к России. Так началась славная история флота, прославленного в веках борьбой за Абхазию, подвигами брига «Меркурий», устоявшего против двух турецких линкоров, оборонами Севастополя и Одессы, бесстрашием морской пехоты, прозванной немцами «Schwarze todt», – «Чёрная смерть».

> Павел Степанович Нахимов – блистательный флотоводец, второй по значению в истории России после Ф. Ф. Ушакова – резко выделялся внутри николаевского адмиралитета своим демократизмом. «Колоссальная личность, гордость Черноморского флота» (по отзывам современников), он был доступен и прост в обхождении с рядовыми матросами, держась такого правила: «Матрос есть главный двигатель на корабле, а мы только пружины, которые на него действуют». Семьи у него не было, «сухопутных» друзей – тоже. Моряки заменяли ему и дружеский круг, и семейный очаг. Почти всё своё адмиральское жалованье он раздавал матросам и их семьям. Зато он мог вполне положиться на них во всем. Они же боготворили его и готовы были идти за ним в огонь и воду. Тогда родилась народная песня с такими словами:
>
> С нами Бог и сам Нахимов с нами,
> Он не даст нам, братцы, потонуть!

Адмирал П. С. Нахимов.

Итак, 18 (30) ноября 1853 г. эскадра Нахимова всего из восьми судов блокировала в гавани Синоп и полностью уничтожила турецкий флот из 14 кораблей (один взлетел на воздух, другой выбросился на берег, остальные утонули). Лишь пятнадцатый, английский корабль, пароход, спасся бегством – догнать его парусники Нахимова не смогли.

Турки потеряли в этой битве от 3 до 4 тыс. человек, русские – 38 убитых и 240 раненых (остальным Нахимов «не дал потонуть»). Сам Нахимов был ранен. Шинель его, которую он перед боем снял и повесил рядом на гвоздь, оказалась пробитой осколками ядра. Командующий же турецким флотом Османпаша со всем своим штабом был взят в плен. Так закончилось последнее крупное сражение парусных флотов, и была одержана одна из самых ярких русских морских побед.

С тех пор на воротниках матросских рубах три полоски символизировали три победы: Гангут (1714), Чесма (1770) и Синоп.

(Вообще-то, это красивая легенда. У Петра Первого было три

эскадры с тремя, двумя и одной полоской на воротниках. И форменные рубахи синего, белого, красного цветов. А полностью все три полоски на гюйсе нижних чинов и кадетов военно-морских училищ появились в 1882 году. – А.И.).

Список подвигов Черноморского Флота можно продолжать бесконечно. Корабли ЧФ перевозили сотни тысяч тонн боеприпасов, вооружения, эвакуировали мирное население из осаждённых городов, доставляли десант к месту назначения, отчаянно отбивались от воздушных атак, и при этом были буквально заперты в родном Чёрном море, не имея возможности выйти за его пределы! Проливы были закрыты. Вообще, согласно международному морскому праву, операционная зона доступна для всех кораблей всех держав. Но турки, вместе с просвещённой Европой, никогда не относились к числу друзей России.

Многие, вероятно, помнят кинофильм, созданный по книге Александра Покровского режиссёром Хотиненко под названием «72 метра». Можно было бы многое покритиковать, но одна из самых замечательных сцен, снятых в Севастополе с ныне покойным актёром Краско, не у одного меня вызвала ностальгию. Строй офицеров застыл, и украинские моряки воззвали (не ручаюсь за точность текста):

– Кто желает присягнуть украинскому флоту, выйти из строя!

Потоптались нерешительно, и несколько человек вышло.

Тогда Краско, одетый в «форму раз», то есть парадную летнюю, весь в белом, скомандовал:

– Экипаж, за мной! Оркестр, «Прощание славянки»!

Грянул оркестр.

И пошли они из Севастополя на Северный флот.

В это время офицеры, растерянные и потерянные в новых временах, лишённые прав и привилегий элиты Вооружённых Сил СССР, пытались определиться в жизни. К сожалению, большинство из них ушло со службы. А вот как проходил этот процесс. Случай достоверный. На ВМБ Донузлав молоденький старлей, ожидавший вместе со старшими офицерами распределения в общаге, согласно данным «Морского сборника», старейшего нашего профессионального журнала, подошёл к капитану первого ранга и фамильярно вопросил:

– Коля, а где мои шкары? (ботинки – А.И.)

На что капраз было вскинулся:

– Ты что, салага, как разговариваешь?!

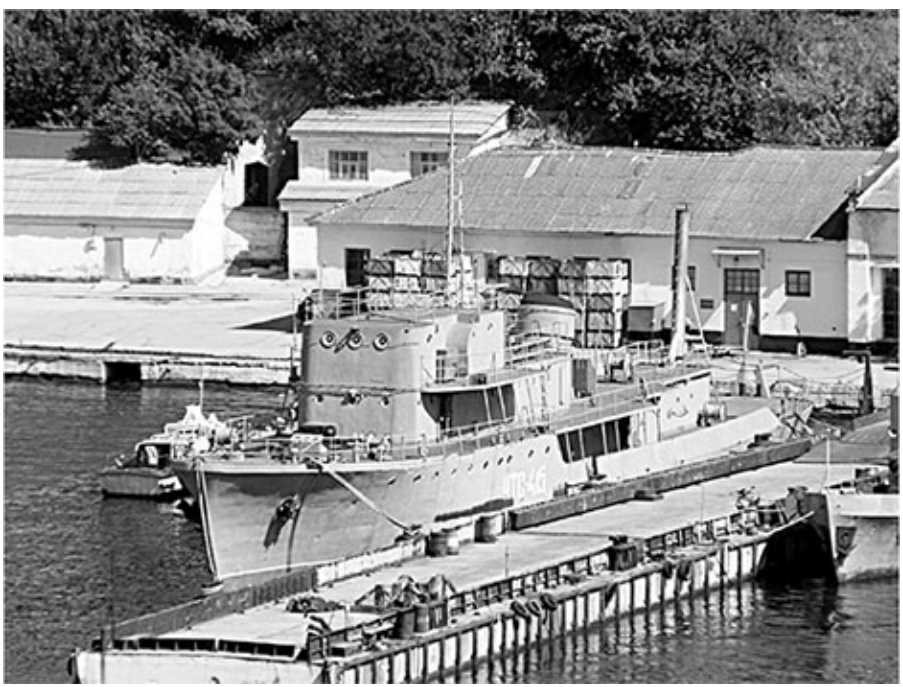
А старлей хладнокровно ответил:

– Это я раньше был салагой, а теперь перестройка, и ты мне никто! (Дело было году в девяносто втором).

Вот так заканчивали флотскую службу блестящие офицеры, имевшие за плечами учения, похожие на войну, боевые походы, океанские шторма, ракетные стрельбы, погружения до 1000 метров глубины. Да что там говорить! Ехал я в Грозный, и моей попутчицей была бабушка двоих внуков. Одному было лет пять, а второму, по-моему, три. Дорога долгая, мы разговорились, бабушка увидела мою книгу, и спросила:

– Скажите, а я не могла вас видеть в Донузлаве?

Я оторопел. Продолжили разговор, и выяснилось, что жительница Нового Уренгоя работала медсестрой в Новоозёрном, в госпитале, и лечила мои обмороженные руки горячим воском в ванночках. А ехала она как раз в Донузлав! К зятю. А он, офицер великого украинского флота, в свои почти пятьдесят лет служил командиром так называемой УТС-ки, то есть учебно-тренировочного судна, где проходили практику матросы и старшины. Эта громадная посудина ещё в мои семидесятые годы, несмотря на шаровую покраску, уже ржавела возле причальной стенки.



Учебно-тренировочное судно «УТС-415» в Южной бухте Севастополя.

Фото: А. Бричевский (http://flot sevastopol.info).

А зять достойной бабушки, командир УТС… Как бы это рассказать… В общем, разводил коз в палисаднике. И огородом

занимался, и выращивал репу, свёклу, картошку, и возил мясо на рынок в Евпаторию, дважды в сутки заходил на свою боевую единицу и был вполне доволен жизнью. Никого не обвиняю. У человека есть свой натурпродукт, деньжата водятся, и в гробу он видал новое Отечество вместе с присягой, ночными вахтами, дальними походами и экспортом марксизма во славу революции в одной или нескольких отдельно взятых голо… ногих стран с братьями по разуму, таскающими на шеях АК и РПГ–7, как связки лука!

Как говорил Михаил Анчаров:
Каждый живёт, как может,
хочет дожить до ста,
Господи Ты мой Боже,
до чего ж я устал.

Остатки (останки) Черноморского флота в Донузлаве, 2007 год. В 80-х годах прошлого века у причалов Донузлава базировалось более сотни военных кораблей и вспомогательных судов: десантные, сторожевые, разведывательно-спасательные, противолодочные, десантные корабли на воздушной подушке.

Как умирает Черноморский флот

Я счёл нужным почти без купюр привести горестный рассказ патриота флота В. Воронова о нынешнем состоянии моего родного ЧФ, ставшего сначала яблоком раздора, а после многих лет распрей просто брошенного на произвол судьбы как украинскими, так и российскими властями. Потеряв Черноморский флот, ставший по своим характеристикам флотилией из старых советских кораблей, лишённый мощнейшей инфраструктуры, производственных и ремонтных баз, науки, социальных гарантий, мы откатились назад лет на двести, во времена, когда Турция господствовала на стратегическом театре возможных военных действий.

Затонувший на озере Донузлав при разборке корпуса списанный корвет «Измаил» (ВМС Украины, апрель 2010 г.).

Отдав без войны и сопротивления безусловное господство на Чёрном море странам НАТО, мы наивно взываем к вероятному противнику: не ставьте, пожалуйста, ваши ракеты у наших границ, а то мы боимся, как бы ваша ПРОтив Ирана не заработала как Противо-Российская система ракетного нападения. «Да что вы, голубчики, так волнуетесь? – похлопывая нас по плечу, отечески журит загнавший нас в угол Запад, – отнюдь нет, зуб даю, падлой буду, за базар отвечаю!»

И верить им так же смешно и наивно, как напёрсточнику в привокзальной толчее: ни одна из трёх карт не станет королём, как и не докажут нам, что в Румынии, Польше, Болгарии и прочих странах, бывших братьями по лагерю, будут стоять ракеты,

защищающие от иранских ракет. А у тех предельная дальность полёта – 1300 км! А до Бухареста около 1800 км, до Софии того пуще, более 2000! То есть в лучшем случае на излёте воображаемые иранские ракеты, не долетев до Одессы (1600 км), плюхнутся в воду или упадут на Симферополь…

«Ох, хитры вы, менты, с вашими подходцами», – как говорил Фокс капитану Жеглову из знаменитого детектива. А один мой знакомый, уралец, много лет отработавший на Дону начальником монтажного участка, однажды, выпивая с казаками из станицы Генеральской, хлопнул на прощание стакан водки, поднялся и, вытирая седые усы, произнёс:

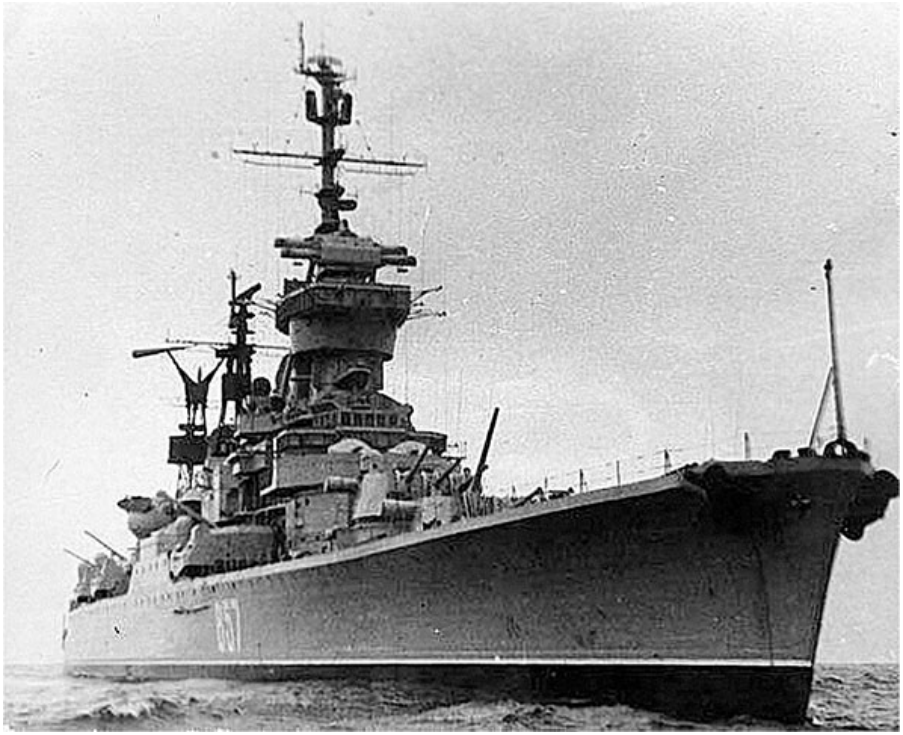
– Бувайте здравы, господа казаки! И вот что я вам скажу: проср… вы Тихий Дон со всеми притоками!!!

И быстро, не дав им опомниться, побежал в свой УАЗик.

Вот так и мы стоим посреди необъятных просторов, как обкаканные зайцы…

Делёжка Черноморского флота и перетягивание каната между Украиной и Россией продолжались с осени 1991 года по май 1997 года. Сначала Киев хотел взять всё путём указов, затем концепция поменялась: личный состав кораблей и частей ЧФ, дислоцированных на украинской территории, всеми возможными способами – лаской, смазкойиугрозами – просто стали понуждать кпринятию украинской присяги. Подразумевалось, что если хотя бы часть личного состава корабля примет украинскую присягу, то это уже украинский корабль. Доходило чуть не до мятежей и откровенных захватов в пиратском стиле.

Так, 13 марта 1992 года часть экипажа подлодки Б-871 (будущая «Алроса»), приняв присягу Украине, захватила лодку, а другая часть экипажа затем эту лодку отбила. Хорошо хоть, что это произошло у причальной стенки, а не в морских глубинах и боевом походе! В июле 1992 года очередная битва разгорелась из-за сторожевого корабля СКР-112, командир которого, подняв украинский флаг, угнал корабль из Донузлава в Одессу. По приказу командования ЧФ в воздух подняли авиацию, а вдогонку за беглецом устремились боевые корабли. В последний момент адмиралы разумно решили не применять оружие по кораблю-дезертиру, хотя уставы и позволяли. Дальнейшая участь беглеца, ставшего первым кораблём ВМС Украины, незавидна: поскольку денег на его ремонт так и не нашлось, он простоял у причалов до конца 1997-го. Затем эту груду ржавого железа списали и в 1998-м порезали на металлолом в Инкермане.



Мой первый корабль. Лёгкий артиллерийский крейсер, корабль управления ЧФ «Жданов» (проект 68У1, 1956 г.).

Водоизмещение 17890 т; длина – 210 м; ширина – 22 м; осадка – 7,3 м. Максимальная скорость хода 32 узла. Дальность плавания 9000 миль (при 16 узлах). Бронирование: борт – 100 мм, башни – 175 мм, рубка – 130 мм, палуба – 50 мм.

Вооружение: 3 × 3 152-мм (3 трехорудийные башни МК-5бис), 6 × 2 100-мм, 16 × 2 37-мм, 4 × 2 30-мм (АК-230) орудий, 1 × 2 зенитных ракетных комплекса «Оса-М». Экипаж: 1083 чел.

19.04.1990 г. КРУ «Жданов» разоружен и исключен из состава ВМФ и передан в ОФИ для демонтажа и реализации; в начале 1992 г. продан частной фирме Индии.

Кстати, тогда отдельные ответственные товарищи выдвигали даже такое предложение: поделить флот раздора между всеми республиками СНГ. Правда, ни Киргизия с Узбекистаном, ни даже Таджикистан горячего желания владеть подводными лодками отчего-то не выразили. Предпочтя взять свою долю обычными вооружениями. Киев же, осознав в конце концов, что кус не по зубам, потребовал поделиться по-братски: тебе половина и мне половина. Позже сошлись на более разумной пропорции: Украина

получала 18,3 процентов ЧФ, а 81,7 процентов отходили России. В конечном счёте делители флота договорились, что Россия становится хозяйкой 388 кораблей и судов (из 833, что числились в составе флота на май 1997 года), а также 161 самолёта и вертолёта. Численный состав ЧФ (в Крыму) был определён в 25 тыс. человек. На украинской территории за Россией во временном пользовании три пункта базирования корабельного состава, два основных и два запасных аэродрома, а также один пункт дислокации береговых войск (морской пехоты).

Малый противолодочный корабль МПК-49 «Александровец».

Спущен на воду в 1982 году. Водоизмещение: 1070 т; длина – 71,2 м; ширина – 10,15 м; осадка – 3,72 м. Максимальная скорость хода 32 узла, дальность плавания: 2750 миль при 14 узлах.

Вооружение: 1×2 57-мм артустановка АК-725 (боекомплект 500 снарядов), 1 × 6 30-мм артустановка АК-630М (боекомплект 2000 снарядов), 1×2 ЗРК «Оса-М» (20 ракет 9М-33), 2х2 533-мм торпедных аппарата, 2 × 12 реактивных бомбомета РБУ-6000, 12 глубинных бомб или 18 мин. Экипаж: 89 человек.

Фото: А. Бричевский (http://flot.sevastopol.info).

Пока московские бояре с киевскими гетманами железо делили, оно банально гнило у причальной стенки: деградация ЧФ обрела характер почти ураганный. Достаточно сказать, что

численность личного состава Черноморского флота еле дотягивает ныне до 15 тыс. человек, а сам флот после распада СССР не получил не только ни одного мало-мальски нового корабля современного проекта – вообще ни одного нового корабля!

Гвардейский ракетный крейсер проекта 1164 «Слава» («Москва»).

Водоизмещение: 11280 т. Длина – 186,5 м, ширина – 20,8 м, осадка – 7,6 м; максимальная скорость хода 32 узла, дальность плавания: 6000 миль при 15 узлах.

Вооружение: 16 пусковых установок комплекса «Базальт» (16 ракет П-500), позже – ПКР П-1000 «Вулкан», 8 × 8 пусковых установок Б-204 зенитно-ракетного комплекса С-300Ф «Риф» (боекомплект 64 зенитных ракеты 5В55), 2 × 2 пусковых установки ЗИФ-122 зенитно-ракетного комплекса «Оса-МА» (боекомплект 48 зенитных ракет 9М33),

1 × 2 130-мм артустановка АК-130 (боекомплект 2000 выстр.), 6 6-ствольных 30-мм артустановок АК-630 (боекомплект 16 000 выстр.), 2х5 533-мм торпедных аппарата,

2 × 12 реактивные бомбометные установки РБУ-6000, 1 противолодочный вертолет Ка-27. Экипаж: 510 человек.

Фото: А. Бричевский (http://flot.sevastopol.info).

Не считать же таковыми строившийся аж 13 лет – с советских времён – ракетный корабль на воздушной подушке «Бора»! А также морские тральщики устаревших проектов 30-летней давности «Валентин Пикуль» и «Вице-адмирал Захарьин» (которые тоже ваяли 12 лет). Пикантность ситуации ещё и в том, что оба корабля изначально предназначались вовсе не для нашего флота: «Пикуль» строился для ВМС Индии, «Захарьин» – для Вьетнама. Но затем обе страны категорически отказались принимать тральщики почти античной конструкции. Ну а нам сошло и это: по принципу «на тобі, небоже, що нам негоже» – непригодное даже Вьетнаму вполне удовлетворило Главкомат

ВМФ России! За всё послевоенное время ЧФ не получил и ни одного нового самолёта.

Москва не выделяла средств даже на элементарное поддержание флота в нормальном состоянии хотя бы у причальной стенки. Из четырёх крейсеров в составе флота остался лишь один. Построенный ещё в 1952 году крейсер «Михаил Кутузов» списали, хотели пустить на слом, затем передумали и, перегнав в Новороссийск, превратили в музей. Рождённую в 1965 году «Москву» вывели в резерв, затем списали и в 1997-м отправили в Индию на разделку. «Адмирала Головко» (спущен на воду в 1962 году) списали в 2002-м. Осталась лишь «новенькая» «Слава» (заложена в 1976 году), которую переименовали в «Москву». С 1990 года этот корабль в море фактически не выходил, проходя то ремонт, то модернизацию. Лишь в апреле 2000-го «Москва» впервые после краха СССР отошла от причальной стенки. Катая вас возле этого ракетного крейсера на катере, экскурсоводы не преминут с придыханием в голосе поведать про его мощь: держит, мол, в страхе весь турецкий флот, потому как способен «достать Стамбул», даже не отходя от причальной стенки. Однако этот корабль проекта 1164 «Атлант» спущен на воду 30 лет назад и никак не может считаться современным. Аппаратура, электроника на нём отечественные, значит, по определению устаревшие и морально, и физически.

Зато у крейсера мощное вооружение. Ранее на нём стояло 16 пусковых установок противокорабельного комплекса (ПКР) «Базальт», стрелявшего крылатыми ракетами П-500. В своё время комплекс считался уникальным, а ракеты именовали не иначе как «убийца авианосцев». «Волчья стая» из восьми ракет (ведущая на высоте 5 км, остальные – на высоте 40–50 м) самостоятельно шла в сторону цели, а поиск её вела ведущая ракета, передающая данные ведомым. Она же выбирает самую крупную цель, наводя на неё ракету со спецзарядом, распределяя остальные мишени. Вот только чудо-комплекс «Базальт» принят на вооружение ещё в

1975-м – это уровень электроники начала 1970-х. Но с тех пор система корабельной ПВО на Западе шагнула далеко вперёд: эти ракеты и обнаружат, и скорее всего уничтожат задолго до подлёта к цели, либо дезориентируют системой помех. Потому «Москву» модернизировали, заменив «Базальт» на ПКР П-1000 «Вулкан». Но и этот комплекс разработан в 1979-м и новейшим его можно назвать лишь после принятия на грудь немалого количества «адмиральского чая». Достаточно сказать, что за эти десятилетия системы противодействия потенциальных противников на месте не стояли, в то время как отечественные разработчики систем наведения применительно к себе это говорить могут лишь с трибун: наш ВПК все эти годы лишь проедал доставшийся ему в наследство запас советских разработок, так и не создав абсолютно ничего своего.

Из 11 БПК советского времени формально «выжили» лишь три («Керчь», «Очаков», «Сметливый»), остальные в 1992–2002 годах разделаны на иголки. Из трёх же уцелевших боеспособен (да и то относительно) лишь один 42-летний «Сметливый». 38-летний «Очаков» фактически списан и мучается в ремонте уже 19-й год, 35-летняя «Керчь», как признались флотские знакомые, фактически небоеспособна, и её тоже вот-вот должны списать. Из 12 сторожевиков ровно половина ушла в утиль, остальное поделили. С субмаринами тоже ясно: формально в строю уже лишь одна, реально – ни одной. Списано в утиль восемь ракетных кораблей, семь передано Украине. Из 24 МПК в ЧФ осталось лишь семь, а из свыше полусотни десантных кораблей «выжили» семь, тральщиков осталось 10…

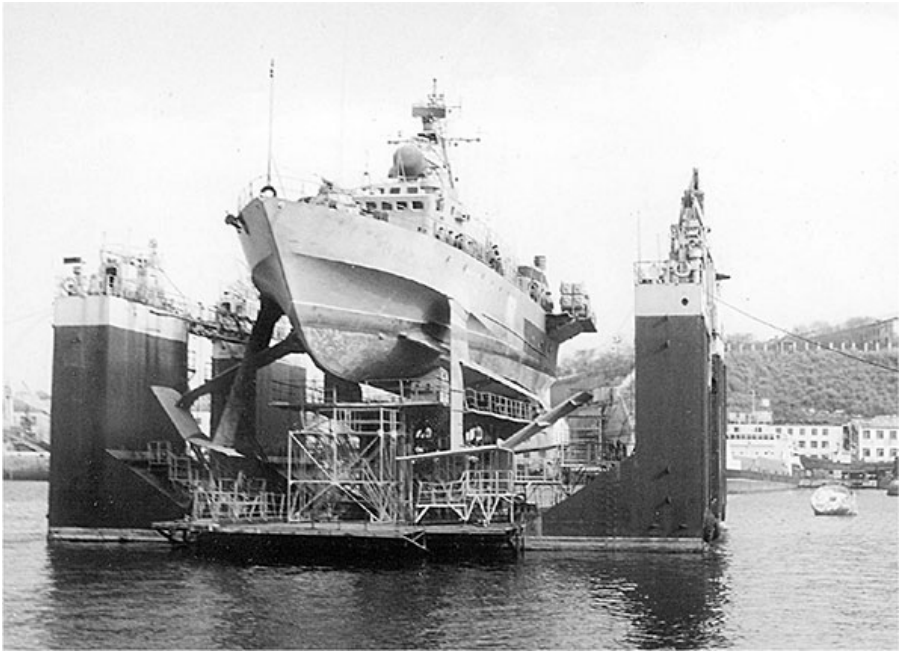
Контр-адмирал Олег Лазарев (бывший начальник Управления боевой подготовки ВМФРФ) в разговоре со мной бросил: «Это уже фактически флотилия».

Из всех боевых кораблей, по признанию моряков, боеспособно не более 30 процентов. Самому молодому из этих кораблей 17 лет, самому старому – 45, а средний их возраст – около 30 лет. А ведь служить реально любому военному кораблю положено не свыше 25 лет: на большее корпус просто не рассчитан. При хорошем уходе, конечно, корабль может протянуть и много дольше, но никаких гарантий на этот счёт корабелы уже не дают: тут возможно всё что угодно, усталость металла ещё никто не отменял. Да и модернизировать старый корабль под современные условия боя фактически невозможно.

Кстати, судьба многих кораблей, вошедших в состав ВМС Украины, столь же печальна: большая часть их точно так же гниёт у стенки, поскольку средств на их содержание и морские походы нет. Как нет и инфраструктуры для их обслуживания. Потому

доставшийся ВМС Украины ракетный крейсер «Украина» (бывший «Адмирал флота Лобов») в строй так и не встал, тихо ржавея у стеночки. Авианосный крейсер «Варяг» не был достроен, и его продали Китаю. Для содержания единственной подводной лодки у ВМС Украины также не оказалось ни средств, ни кадров, ни инфраструктуры. Посему «Запорожье» (придумали же название!) на вечном ремонте. Был флот, да весь сплыл…

Владимир Воронов, chaskor.ru



Малый противолодочный корабль на подводных крыльях (скорость до 52 узлов, более 95 км/час!) ржавеет в доке.

Юрьев день для бабушки-России уже наступил [21]

«Военнослужащих и членов их семей вывозили из Поти и Батуми БДК и СДК (большие и средние десантные корабли) Черноморского флота в срочном порядке прямо в твой родной Донузлав».

(Из разговора автора по поводу первой абхазской войны с майором морской авиации)

О военно-политической ситуации на Кавказе. Честно говоря, московские балаболки, не ездя никуда, а смотря в интернет, так рассуждают, что диву даёшься! Вы бы, ребята, сели в плацкарту, послушали народ, вышли бы где-нибудь в Назрани, Малгобеке (там поездов нет, это для красного словца), в Сухуми, Цхинвале. А то вы договорились до того, что установки «Град» работали не с грузинской стороны, что определяется координатами, направлением залпа, и прочими параметрами, а с российской! Другой вопрос, конечно, откуда взялись у ГРЫЗУНОВ (не мой термин, так их зовут в интернете) танки Т-80 с динамической защитой, те же «Грады», неистощимый боезапас, топливо, электроэнергия, продукты питания? Кажется мне, грешному, что тут не обошлось без помощи наших заклятых друзей вроде Украины и не без участия России – через посредников из НАТО. И тех, и других объединяет какая-то звериная ненависть к нашей стране. И ещё зелёные бумажки из США. А ВПК на Украине очень развит. Там делают (в Днепропетровске, на Южном машзаводе, бывал я там) даже стратегические ракеты.

Любому бойцу нужно хотя бы два раза в сутки поесть. Население Цхинвала сидело до четырёх суток не то что без еды, а даже без воды. Европейский парламент как-то не заметил этого факта! Зато для обвинений в адрес России хватило столько поводов, сколько их не нашлось бы у бабушки возле подъезда. Иногда думаю: где же вы были, товарищи демократы, когда в центре Европы на югославские… (хотел в рифму сказать, но передумал) – спины падали бомбы. Стратегические бомбардировщики Б–52 беспрепятственно ходили по воздушным коридорам через Атлантику, садились в Исландии, налетали на

практически беззащитную страну, за ними шли бомберы «Стелс», а Россия только и делала, что заседала в ООН. А ведь просили нас – дайте зенитно-ракетный комплекс С–300, ну хотя бы С–200! Да от этих «Стелсов» при наличии хотя 10–15 пусковых установок только крылья бы и остались! Если уж юги умудрились нашей же старой техникой сбить одну «невидимку»!

> «Мы объявим войну России, будем наносить ядерные удары за то, что она сделала в Грузии».
>
> *(Из речи потенциального вице-президента США Сары Пейлин с Аляски)*

К сожалению, ситуация на побережье и в самой акватории Чёрного моря очень напоминает югославскую. Мы почти бессильны против объединённых сил западного мира, обрушившегося на наши маломощные ударные отряды пехоты, бронетанковых войск, артиллерии, разведки, спецназа. Почему-то даже оказавшийся в районе боевых действий стратегический бомбардировщик дальней авиации был сбит! Позор! И ещё три самолёта-истребителя.

А сейчас мы хвастаемся тем, что два сверхзвуковых бомбера ТУ-160 с изменяемой геометрией крыла, то есть имеющие возможность в полете, попросту говоря, сдвигать и раздвигать крылья, несущие на борту до 40 тонн вооружения, способные преодолевать любой рубеж ПВО, приземлились в Венесуэле! Каждый из этих аппаратов стоит столько, что я не решусь произнести цифру. И главное – какой нам с этого прок?! Президент-десантник заключает с нами договоры на многие миллиарды долларов, а на Урале, где в основном и делают военную технику, народ едва сводит концы с концами. Тамошние бандюки добрались уже до пенсионных денег и срочно уводят их через липовые фирмы за границу. И деньги от продажи оружия, где мы стоим на втором месте в мире, тоже уходят в основном за границу. В известные всем государства, где проживают губернаторы Чукотки, бывшие председатели Совета безопасности с двойным гражданством и прочие великие деятели новейшей российской истории.

Разгромленный корпус штаба российских миротворцев в Цхинвале.

Ту-160 (по кодификации НАТО: Blackjack) – сверхзвуковой стратегический бомбардировщик-ракетоносец (ОКБ Туполева, 1980 гг.). Крупнейший в истории военной авиации сверхзвуковой самолёт и самолёт с изменяемой геометрией крыла. Самый тяжёлый боевой самолёт в мире. Среди пилотов получил прозвище «Белый лебедь».

Вот и годятся нам эти действительно уникальные сверхзвуковые «лебеди» только на то, чтобы их у Рогожкина снимать в кино о беспредельной пьянке с летающими в бомбовых отсеках коровами!

А диверсионные лодки-малютки – чтобы в таком же кино за водкой в Финляндию плавать, и двигатели ею же, родимой, заправлять!

Абхазияи Южная Осетия, несмотря на горячие призывы вышнего начальства, по большому счету для нас – очередная головная боль. Миллиарды рублей потекли из наших с вами, дорогие читатели, денег, на восстановление разрушенных жилых домов, больниц, школ, вузов, канализации, водопровода, вообще всей инфраструктуры. Из Чечни приехали новенькие «КАМАЗы» со стройтехникой, материалами, рабочими, прорабами, и т. д. А в Чёрном море турецкий ВМФ превосходит только по количеству кораблей в ЧЕТЫРЕ РАЗА (!) наш ЧФ.

Насколько же мощной является пропагандистская машина Запада!

(В. Путин)

И вот буквально на днях выступает посол России в Украине, бывший глава «Газпрома», прекрасно знающий тамошних деятелей, Виктор Черномырдин. Его пресс-конференция была совершенно неожиданной, но прекрасно срежиссированной. Речь нашего богатыря русской словесности сияла, как всегда, перлами, изумрудами и бриллиантами. Чего стоил один только посыл:

– Во всём виновата прокремлёвская рука! При чем тут рука? Мы сами знаем, куда наши руки протягивать и куда их засовывать!

Умри, Денис, а лучше не скажешь!

Новенький турецкий фрегат на боевой службе в Чёрном море.

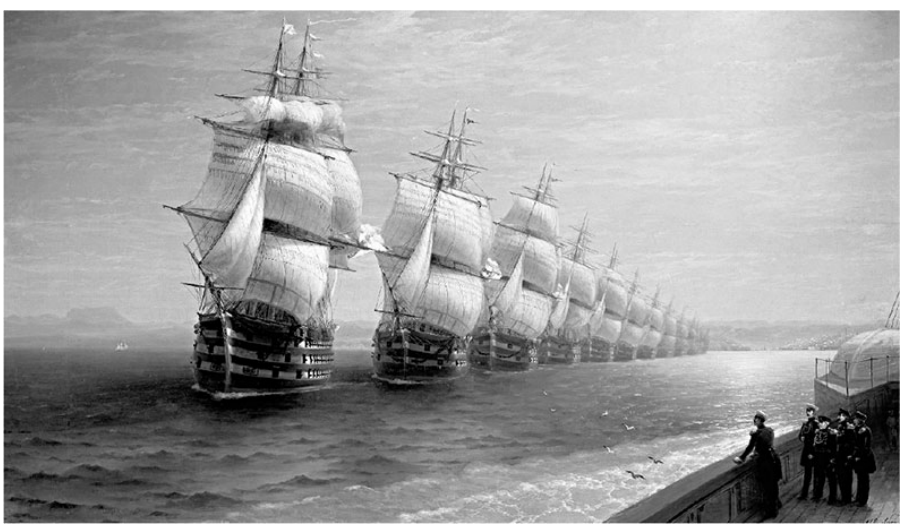
Но Черномырдин сказал самое главное – Украина вместе с Грузией организовали чудовищное по размаху преступление. Вопрос, который я сам себе задавал (зная, впрочем, на него ответ), прозвучал из уст государственного деятеля: почему вооружение и техника поставлялись на прямую из Украины и США?! Обучение и подготовка армии Грузии велась инструкторами в количестве более 120 человек, имевших не только американское, но даже израильское подданство, двое из которых сидят до сих пор в верхних эшелонах власти республики, устроившей невиданную бойню. А народ Украины довели до того, что автобусное сообщение во многих провинциях отменили из-за нерентабельности, а взамен ввели конное сообщение в экипажах на двенадцать человек! У меня один вопрос: кроме оранжевых, тюльпановых, розовых и прочих революций, в наших бывших республиках кто-нибудь над чем-нибудь работает? Вот и результат политико-экономических преобразований после распада одной из величайших империй мира!

Акции «Газпрома» упали на 15 процентов! Американцы впали в панику по поводу разорения банков, правительство вкладывает 93 миллиарда долларов на их реструктуризацию, а попросту

говоря, на спасение стремительно падающей банковской системы. А где же наш товарищ Кудрин, который отправил в ту самую страну наши нефтяные деньги? Напомню, что перед войной с Ираком американские банки по прямому указанию президента закрыли все счета Саддама Хусейна и его правительства. Упаси Бог войны, как говорили мудрые люди, но кто из наших людей, наученных горьким опытом, возьмётся предсказать, что её не будет? Был ведь план Даллеса, над которым мы, молодые военные циники, смеялись на лекциях. И вот он выполняется как стратегическая задача. В случае не то что войны, а просто серьёзного столкновения, наши нефтяные миллиарды, погубившие природу Западной Сибири, будут просто отняты у России. Там ведь, в банках, реальных денег нет, а просто электронные счета.

Не хочу каркать…

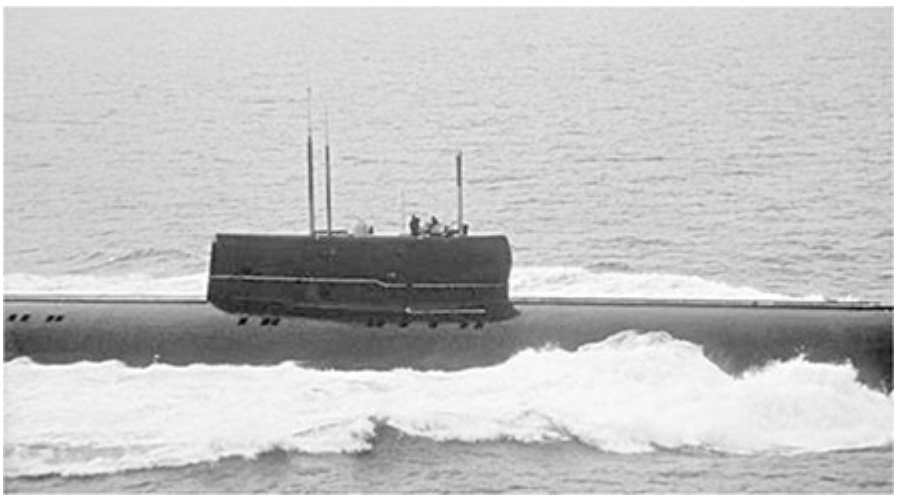
Упаси нас Бог!



И. К. Айвазовский. «Смотр Черноморского флота в 1849 году». Пора ставить паруса! Железо уже проржавело!

Борьба за живучесть у моряка в крови

За рулём своего «Фольксвагена» он сидит плотно, уверенно, управляет машиной и умудряется при этом разговаривать на посторонние темы. Со стороны кажется, что перед нами обычный водитель – если не знать того, что после службы в подплаве ВМФ СССР Николай Лапин, работая на железной дороге, получил на работе тяжелейшую травму. Результатом многочисленных операций стало сохранение правой конечности, которую хотели ампутировать, и… её неподвижность. Машиной наш герой управляет с помощью левой руки! Вот что значит флотская закалка!



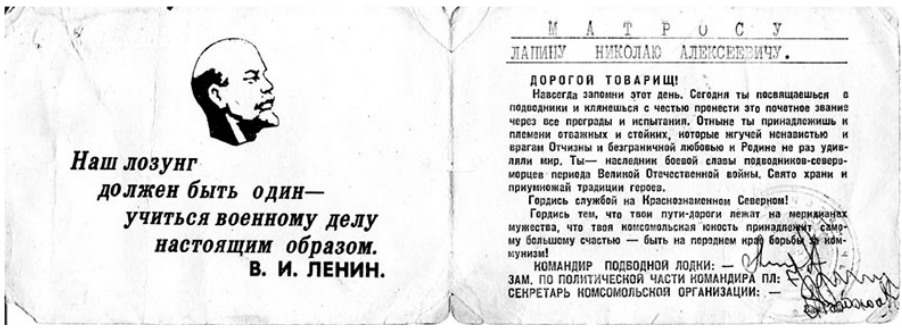
ПЛАРК в открытом море.

Родился Николай Алексеевич Лапин в мае 1950 года в городе Талица, где когда-то появился на свет Герой Советского Союза разведчик Николай Кузнецов. Окончив школу, Лапин сразу же поступил в железнодорожное училище и окончил его по специальности электромеханик в области автоматики, телемеханики и связи. Призвали на флот, благо и здоровье, и образование позволяли. Лодка К-25 670 проекта, так называемая «сормовская», построенная на Волге, типа «Скат», с постройки была современнейшей и новейшей в те годы. Этот тип сравнительно дешёвых и маневренных подлодок с крылатыми ракетами на борту должен был стать таким же массовым, как знаменитый проект 667 с модификациями (5–6 лодок в год, всего 34 единицы, 1963–1974 гг.). А на основе 670 проекта были созданы и стоят в строю различные модификации подводных

ракетных крейсеров.

«Основным отличием нового корабля от ПЛАРК первого поколения (пр. 659 и 675) являлось оснащение его ракетным противокорабельным комплексом «Аметист» с подводным стартом… Правительственное постановление о создании этого комплекса вышло 1 апреля 1959 г.».

(Из истории вооружений).



Наш лозунг должен быть один— учиться военному делу настоящим образом.
В. И. ЛЕНИН.

М А Т Р О С У

ЛАПИНУ НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ.

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ!

Навсегда запомни этот день. Сегодня ты посвящаешься в подводники и клянешься с честью пронести это почетное звание через все преграды и испытания. Отныне ты принадлежишь к племени отважных и стойких, которые жгучей ненавистью к врагам Отчизны и безграничной любовью к Родине не раз удивляли мир. Ты— наследник боевой славы подводников-северомор цев периода Великой Отечественной войны. Свято храни и приумножай традиции героев.

Гордись службой на Краснознаменном Северном!

Гордись тем, что твои пути-дороги лежат на меридианах мужества, что твоя комсомольская юность принадлежит самому большому счастью — быть на переднем крае борьбы за коммунизм!

КОМАНДИР ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ: —
ЗАМ. ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ КОМАНДИРА ПЛ:
СЕКРЕТАРЬ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: —

Удостоверение о посвящении в подводники.

На К-25 находились торпеды и 8 крылатых ракет. Каждый год лодка выходила из базы 11-й дивизии АПЛ в Североморске-8 на боевую службу, походы длились почти по 70 суток, район патрулирования – Средиземное море. Как известно, заходы кораблей с ядерным оружием на борту в такие моря, как Чёрное и Средиземное, запрещены международным морским правом. Но наши моряки обычно умудрялись проходить Гибралтарский пролив под днищами крупных судов (танкеров, например) или больших противолодочных кораблей. Основной объект слежения – американский тяжёлый атомный авианосец «Саратога», позволявший нести самолёты с ядерными зарядами.

Командиром лодки был капитан первого ранга Родион Леонтьев. При нём и прошла вся служба Николая Лапина. Он прошёл подготовку в учебном отряде подводного плавания в Северодвинске. Основой занятий служил наземный макет АПЛ в натуральную величину с оборудованием. В программу входила и обязательная легководолазная подготовка. Со специальностью электрика ПЛ Николай Лапин прибыл на борт К-25, где его встретили моряки, дослуживавшие четырёхгодичный срок. Никаких трений по этому поводу не было, наоборот, его быстро натаскали для сдачи экзаменов по специальности, показали и обучили работе с только что поступившим новым оборудованием. С третьего класса по специальности молодой моряк-подводник, цепкий и хваткий до новых знаний, стал подниматься вверх: 3-й,

2-й, 1-й класс, а к концу службы он стал Мастером своего дела. Это высшее достижение за время службы, и был даже такой специальный металлический знак отличия с буквой «М», как у Михаила Булгакова в великом романе. Такого спеца, конечно, хотели оставить на сверхсрочную службу. Дивизионный электрик познакомил его с заводчанами, те обучили премудростям работы с проверкой аппаратуры, вручили приборы, и Лапин даже самостоятельно менял электроавтоматы – операция, требующая действительно мастерского опыта и знаний. Он стал лучшим специалистом соединения АПЛ!

При первом погружении был выпит традиционный плафон с горько-солёной водой, ему дали поцеловать подвешенную на шкертике раскачивающуюся кувалду, смазанную солидолом, и вручили удостоверение подводника.

День рождения, 27 мая, приходилось встречать и в походе, на глубине 200 метров.

В те времена вовсю полыхала «холодная война». Два могучих флота, США и СССР, и флоты стран НАТО на боевой службе следили за каждым шагом вероятного противника, особенно у своих берегов. Лапин принимал в этом посильное участие: в свободное время готовил лодки к походам в Средиземное море и в Карибский бассейн. Толковый и дисциплинированный спец был удостоен высшей для тех времён почести: фотографии на фоне знамени и письма домой, родителям, от командира в/ч.

Здравствуйте уважаемая Серафима Петровна !

Рады сообщить Вам о образцовом выполнении своего воинского долга Вашим сыном Николаем Алексеевичем. С первых дней пребывания на корабле Николай Алексеевич настойчиво изучает боевую технику, овладевает практическими приемами управления механизмами и приборами. В дальних морских походах Николай Алексеевич сдательно несет вахту на своем боевом посту, стойко преодолевая трудности морской службы. Трудолюбие, исполнительность, скромность, стремление выполнить до конца боевой приказ – вот характерные черты Вашего сына.

За безупречную службу Ваш сын много раз поощрялся командованием.

Благодарим Вас Серафима Петровна, за то, что Вы вырастили и воспитали хорошего защитника морских рубежей нашей Родины.

Желаем Вам доброго здоровья и успехов в работе.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 53094
КАПИТАН 1 РАНГА:- Р. ЛЕОНТЬЕВ =
ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ПО ПОЛИТЧАСТИ
КАПИТАН 2 РАНГА:- Е Р О В =

Письмо домой подписано командиром и замполитом К-25.

Во время одного из походов пришлось всплывать на перископную глубину: одна из наших лодок не вышла на сеанс связи, и научное судно для её обнаружения применило новую аппаратуру, а в качестве объекта – лодку К–25. Эксперимент удался, пропавшую лодку нашли, но лишь спустя много лет

Лапин узнал, что не все после пожара на корабле выжили – ушли на встречу с Богом пять человек…

Северное море. Глубина 200 метров. Поздравление с днём рождения.

Службу Николай Лапин закончил в 1972 году, устроился на железную дорогу, поступил в Уральский электромеханический институт инженеров ж/д, получил диплом и начал свою инженерную карьеру. Ему не было тридцати, когда случилась трагедия: во время ремонтных работ, едва не убив молодого крепкого уральца, на него упала стальная балка! Множественные переломы, донорская кровь, операции одна за другой, в результате которых правую руку удалось спасти от ампутации, но она беспомощно повисла…

Можно было легко поддаться на традиционные соблазны: уныние, праздность, вселенская скорбь, и как результат – уход на дно бутылки, откуда редко удаётся выкарабкаться. Став молодым инвалидом, Николай Лапин не сник, а начал ежедневную изматывающую борьбу за достойную жизнь после трагедии. Параллельно с карьерой начальника разных рангов он несколько раз проходил военную переподготовку, закончил университет марксизма-ленинизма и получил звание офицера запаса.

Мы встречались с ним на военно-морских праздниках: скромный, улыбчивый, лёгкий в общении, он всегда производил впечатление довольного жизнью и судьбой человека. И не жаловался на судьбу! Как ты к ней, так и она к тебе…

Первая индийская АПЛ типа «Скат» на основе нашего проекта 670, 2009 год.

Субмарина весом шесть тысяч тонн, получившая название «Арихант» («Истребитель врагов»), оснащена ядерным реактором мощностью 85 мегаватт и способна развивать скорость до 44 километров в час. Подлодка будет вооружена баллистическими ракетами К-15 Sagarika и торпедами. За основу «Ариханта» взята подлодка советской разработки проекта 670 «Скат». (По материалам СМИ за 2009 г., неточная терминология сохранена – А.И.)

Проект 670 оказался долгоживущим! Надёжный и хорошо вооружённый подводный крейсер до сих пор способен вести борьбу с могучими надводными кораблями в Мировом океане. Мы по-прежнему успешно продаём разработки советских времён, зарабатывая миллиарды долларов.

А недавно капитану 3 ранга Николаю Алексеевичу Лапину присвоили очередное воинское звание: он забрал из ателье специально пошитую ко Дню ВМФ форму капитана 2 ранга! Надел он её впервые на День подводника, отпразднованного в ПУ–14, в котором ведёт шефскую работу наша общественная организация «Союз военных моряков». Знак «За дальний поход» и медали общим числом одиннадцать украсят самую лучшую в

мире офицерскую форму русского моряка-ветерана.

А внуки смотрят на деда и мечтают о море…

Н. А. Лапин с внуком у Вечного огня, места празднования Дня ВМФ.

Земля с высоты два с половиной километра (впечатления «пассажира» от тандем-прыжка с парашютом)

Ничего не боятся только дураки.

Страх высоты – вполне естественное чувство для человека. Я в юности, а потом в военно-морском училище изучал астрономию, работал с телескопами, глядел в небо и просто изумлялся совершенству созвездий, ходил, не глядя под ноги, не спотыкаясь и не падая. Но боялся высоты панически. Дядька Зибагир, спецназовец пятидесятых годов, инструктор парашютно-десантной подготовки целой дивизии в Туркмении, однажды приехал к нам в Гудауту, на военно-воздушную базу, и, заикаясь (он был контужен), сказал:

– Ну что, шнурок, поедем в Новый Афон и в Сухуми?

Мать поджала губы. Они с отцом переглянулись, зная весёлый и проказливый нрав Зибагира, четырежды чемпиона мира по прыжкам с предельной точностью (а всего он совершил их 7000!), и нехотя согласились. И вот в Сухуми он загнал меня

на высоченную отбойную стенку, сам прыгнул вниз и начал командовать оттуда: прыгай!

Я страшно испугался. Как сейчас понимаю, высота была всего-то метров пять, но для десятилетнего мальчика это ВЫСОТА! А он весело кричал:

– Шнурок! Чего ты… боишься (глагол был другим)! Салага! Прыгай, говорю! Я тебя подстрахую! Только глаза не закрывай!

И я прыгнул. Но с закрытыми глазами.

Зибагир снял с руки часы «Ракета» и, заикаясь, произнёс:

– Н-н-а! За-а х-а-рабрость!

Только через несколько месяцев я обнаружил на тыльной стороне часов надпись: такому-то за храбрость. Командующий ВДВ, и т. д. Это, конечно, лирическое вступление. Часы и дядька, слава богу, живы, а вот жена моя, когда я вернулся из Ялуторовска, в который раз начала причитать: тебе мало Египта, Сахалина, Чечни, ты меня вдовой хочешь оставить?!

Но мы говорим о другом. В Ялуторовске действует аэродром Тюменского авиационно-спортивного клуба, совмещая подготовку парашютистов с экспозицией самой разнообразной авиатехники, в основном малой. Конечно, это не музей авиации в Кургане, где вся архивная техника, в том числе истребители-перехватчики, содержится в полном порядке, но нестареющие АН-2, или Аннушки, как любовно зовут их в народе, постоянно работают в воздухе, вывозя и опытных прыгунов, и любительские группы парашютистов-«пассажиров», то есть людей неопытных, не прошедших курс специальной подготовки, прыгающих в тандеме с инструктором, отвечающим за безопасность прыжка.

Десантирование с ИЛ-76.

Из истории парашюта

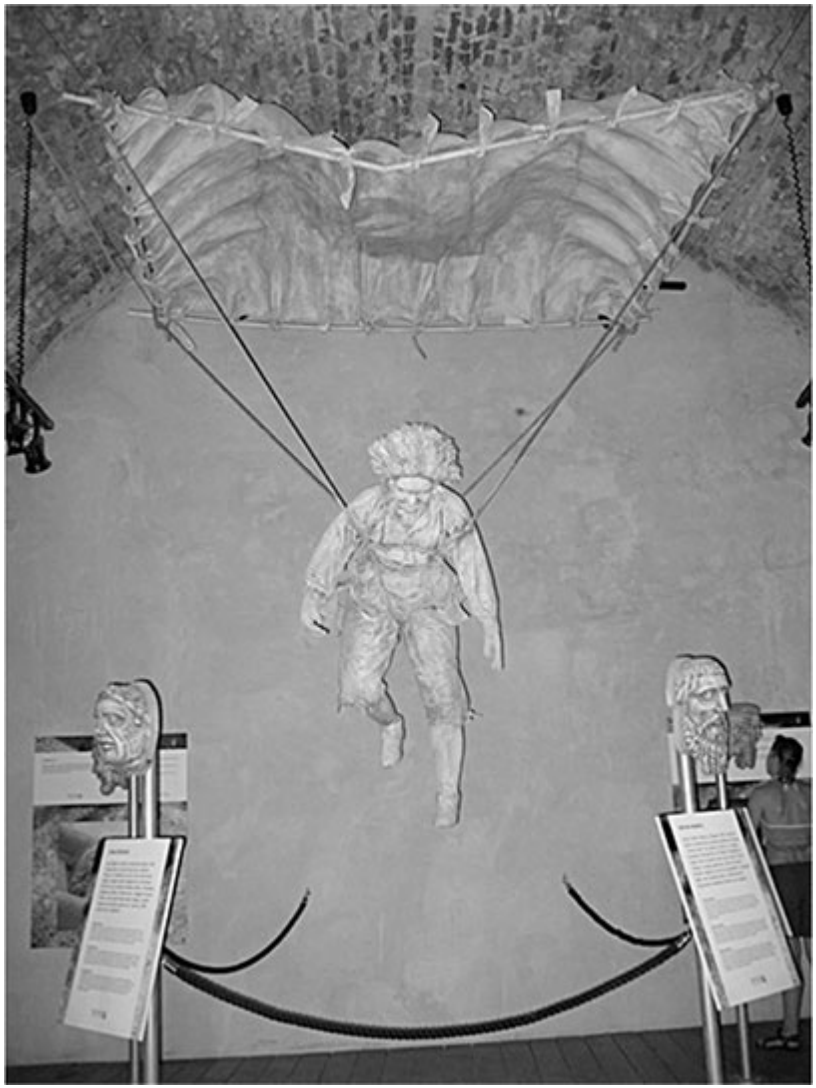
В 1483 году Леонардо да Винчи нарисовал эскиз пирамидального парашюта. Он писал:

«Если у человека есть шатёр из накрахмаленного полотна шириной в 12 локтей и вышиной в 12, то он сможет бросаться с любой высоты, без опасности для себя».

Поверхность предложенного Леонардо да Винчи устройства для спуска человека равна примерно 60 квадратным метрам[22].

Используя один из эскизов Да Винчи, в конце XVI века хорватский учёный Фауст Вранчич создал первое приспособление, которое можно назвать парашютом – это была деревянная рама размерами 6×6 метров, обтянутая тканью. В 1617 году он прыгнул с колокольной башни высотой 87 метров на рыночную площадь в Братиславе.

Однако свое имя парашют (от греческого «пара» – против и французского «шюте» – падение) получил только в 1783 году – так назвал его французский физик Ленорман который спрыгнул с башни обсерватории Монпелье на 14-футовом аппарате с твёрдым деревянным каркасом. Позже парашюты стали изготавливаться в виде зонтов или из прорезиненной ткани, и долгое время оставались несовершенными и громоздкими (масса современных парашютов – приблизительно 11–15 килограммов)[23].



Экспонат в музее Вранчича (г. Шибеник, Хорватия).

Первым кто добровольно прыгнул с парашютом с большой высоты, был французский аэронавт Андре-Жак Гарнерин. Его прыжок с самодельного водородного баллона с высоты 400 метров над парижским парком Монсо 22 октября 1797 года был первым парашютным прыжком в Европе. Присутствовавший на этом прыжке физик, увидев, как раскачивает парашют Гарнерена, предложил сделать небольшое отверстие в центре купола чтобы воздух выходил через него. Гарнерен согласился и с тех пор на любом круглом парашюте есть полюсное отверстие. На современных парашютах есть ещё масса боковых отверстий.

Г. Е. Котельников со своим парашютом РК-1.

В 1911 году русский военный Г. Котельников, под впечатлением увиденной им на Всероссийском празднике воздухоплавания в 1910 году гибели русского лётчика капитана Л. Мациевича изобрёл принципиально новый парашют РК-1. Парашют Котельникова был компактен. Его купол изготовлен из шёлка, стропы разделялись на 2 группы и крепились к плечевым обхватам подвесной системы. Купол и стропы укладывались в деревянный, а позднее алюминиевый ранец. Позже, в 1923 году, Котельников предложил ранец для укладки парашюта, сделанный в виде конверта с сотами для строп. В 1912 году Котельников первый запатентовал ранец парашюта.

За 1917 год в русской армии было зарегистрировано 65 спусков с парашютами: 36 – ради спасения жизни и 29 добровольных.

После революции первый, вынужденный прыжок с самолёта, был выполнен 23 июня 1927 года лётчиком-испытателем М. М. Громовым, Героем Советского Союза.

Датой начала развития массового парашютного спорта в нашей стране является 26 июля 1930 года. В этот день в Воронеже на аэродроме начались первые прыжки военных лётчиков под руководством Л. Г. Минова. В январе 1931 года комсомол взял

шефство над воздушным флотом нашей страны. Парашютизм стал массовым спортом и любимым занятием молодёжи. Впервые прыгают ночью Берёзкин, Гятров и другие. Мастерство парашютистов росло.

> До войны в Тюмени, в бывшем, теперь наглухо окаменевшем городском саду, среди высоченных деревьев, как мне рассказывали ветераны, была парашютная вышка, и она была одним из любимейших мест отдыха и развлечения горожан.
>
> Однажды я посмотрел парашютную книжку моего любимого дядьки Зибагира. В ней были записи о прыжках ночью, на воду, в лес, на горные хребты, на позиции противника, и т. д. Он был чемпионом Туркмении, СССР, четырежды чемпионом мира. Только недавно я узнал, что орден Красной Звезды он получил за службу инструктором дивизии ВДВ, одной из первых вошедших в Афганистан. (А дед моей жены, полковник Василий Гончаров, командир бригады ВДВ, стал героем первой части этой книги – глава «100 лет комбригу…»… Но продолжим рассказ.)

В 1934 году конструктором Лобановым была предложена новая форма купола – квадратная и плоская, в 1935 году новый спортивно-тренировочный парашют с переменной скоростью снижения был принят в эксплуатацию. Инженеры братья Доронины впервые в мире сконструировали автомат для раскрытия парашюта на заданной высоте.

Уже давно, в течение почти 25 лет в авиационных организациях успешно эксплуатируются новые спортивные парашюты типа «крыло». Поступают на вооружение новые запасные парашюты ПЗ-81, новые парашюты ПО-16, ПО-9, ТАЛКА, МАЛЬВА, ИМПУЛЬС, РАДАР (используется в качестве запасного, но в доработанном виде может быть основным – А.И.). Парашюты системы «Stealths» (точно так же называется якобы невидимый бомбардировщик американского производства, успешно сбитый югами во время бомбардировок Белграда – А.И.), – производятся в России и считаются наиболее успешными для обучения так называемых студентов. Они практически безопасны, особенно для тандема, то есть прыжка с инструктором».

(Из энциклопедии).

> Десантник пять минут орёл, а всю жизнь – верблюд…

(Старая поговорка из тех времён, когда уложенный парашют мог своим весом сломать хребет)

В летние выходные дни в этом замечательном клубе бывает до 70 человек, желающих познакомиться или вновь поздороваться с небом. Число женщин и мужчин уже не совпадает, что неудивительно в эпоху маскулинизации дам России. А я, конечно, будучи четырежды дедушкой, уже не решался прыгать сам через тридцать лет после военной службы. Тандем-мастер берет на себя всю ответственность за свою и «пассажирскую» жизнь. Он укладывает парашют, и на моих глазах, пока мы ждали погоду, инструкторами было уложено несколько десятков десантных парашютов. По прошествии лет я уже и забыл, что это такое сложное дело! Мелочей тут не бывает. Конечно, старые Д-5 были тяжёлыми, но очень надёжными, и десант вываливался из ИЛ-76 целыми массами из аппарели почти без потерь, а потом придумали нам и другое развлечение: выброс техники с парашютами и десантом внутри. Кстати, одним из первых с техникой прыгал сын командующего ВДВ генерала Маргелова.

То есть выкидывают БМД или артустановки, а раньше ещё и командирские автомобили ЛУАЗ–969, разработанные на основе «Запорожца» в славном городе Луганске. На штурманском правом месте была даже турель пулемёта. Двигатель был воздушного охлаждения, без водяного. При этом он ревел и выл так, что любой супостат мог обнаружить командира за три версты!

И вот прибываем мы в славный град Ялуторовск, и ждём погоды. А её нет! Скорость ветра доходила до 19 метров в секунду. Полетал на ЯК-52 вторым пилотом, вернулся, потом приезжаю второй раз с инструктором Ярославом Верпетой, и через тридцать лет после морской пехоты, пытаясь набраться храбрости, надел подвеску, и на парашюте двухместной системы «Stealtth» отечественного производства, сидя перед этим опять же на месте второго пилота легендарной «Аннушки», видел с высоты двух с половиной километров нашу благословенную сибирскую землю. А она прекрасна!

Была у нас такая американская поговорка: джамп! Это когда ты подпрыгиваешь перед выходом, чтобы проверить, всё ли на месте, всё ли подтянуто, прилажено, готово. Вот это мы и сделали с инструктором.

В открытую дверь АН-2 первыми пошли, почему-то спиной, сразу три парашютиста. Внизу видны были самолёты, торчали трубы, и Ярослав, приказав сложить на груди руки, вышел со мной в небо. Первые несколько секунд в воздухе я не мог сориентироваться. Нас вертело и кувыркало ветром так, что я едва не обделался. А привычки-то штурманские! Как всегда, я пытался сориентироваться в пространстве. Но нас жутко заносило из стороны в сторону, пока не вышел дрог (стабилизирующий парашют), и падали мы под ним, как мне показалось, целую вечность, а следом шелест и хлопок основного парашюта, и мы поплыли в небе.

Это было СЧАСТЬЕ!

Ярослав сказал: «Ну что, полетаем?» И начал такие кульбиты, что нас вертело и крутило, и мне показалось, что сейчас мы точно вниз головой вонзимся в землю-матушку. Потом он спрашивает: хочешь стропами поуправлять? И мы практически переворачивались вверх ногами, а я не понимал, как же тут действуют законы аэродинамики, науки, которую изучал в военно-морском училище? Внизу муравейником расстилались поля, зеленели травы, аэродромное поле, усеянное старыми

самолётами, призывало приземлиться на квадрат с крестом посередине для установки рекордов. Я раскрыл руки и плыл в воздухе, ощущая густой, плотный и слегка влажный ветер. Земля спокойно приближалась. И сколько меня ни предупреждал инструктор: руки на груди! – я расслабился, выставил правую ладонь, воткнулся в землю и при падении сломал палец!

И когда мы приземлились, я не сразу поверил, что ВСЁ уже позади. И сразу же захотел я вверх, в небо, чтобы снова ощутить парение в воздухе, чувство восторга и преодоления собственных животных страхов.

А в Ялуторовске на лётном поле стояли старенькие аппараты: так называемый «чех», то есть реактивный учебный самолёт чешского производства L-410, на котором отлетало не одно поколение курсантов лётных училищ, а также вертолёты, самолёты ЯК-18Т, ЯК-52, и несколько славных «Аннушек», раскрашенных в разные цвета разных времён.

Начальник клуба Василий Макарович Топычканов привёл меня к РП (так называют в авиации руководителя полётов), и мы с ним немного поговорили. РП оказался дважды «афганцем», философски и насмешливо взирал на меня с высоты своего кресла, пока не узнал своего коллегу по военному искусству. Авиация не отпускает своих приверженцев, заставляя даже за мизерные деньги работать на благо развития и процветания людей, влюблённых в небо!

Что меня более всего удивило, так это количество мужчин и женщин, желающих прыгнуть с парашютом. Маскулинизация уже наступила! Значит, мужчины России должны брать себя в руки, и не только искусственно качать мускулы с помощью анаболиков, но и просто быть мужчинами! Настоящими!

notes

Примечания

1

Здравствуйте, товарищи! (тат.)

2

Привет! (чешск.)

3

Слушайте, дети, я расскажу вам большую сказку о великой битве и о том, как не надо тонуть в море! (укр.)

4

Слушай, Кир Гущинский, а также Олекса Недоспасов! Слушайте все! Равняйсь! Смирно! Равнение на меня! Шагом марш! (укр.)

5

Жители посёлка Ново-Озёрный до сих пор с благодарностью вспоминают адмирала Юрия Викторовича Крылова: именно при нем были заложены и реализованы современные проекты улиц, проспекта, Приморского парка. Здания штаба и тыла КВМБ также были выстроены при деятельном участии Ю. В. Крылова.

6

О подводных лодках. Однажды я до хрипоты спорил с майором морской авиации из Батуми и кап-три из Североморска, что подводные лодки не просто могли заходить, но и заходили в Донузлав. Они мне не верили: нет, говорят, Балаклава там не ночевала! Однако мне известно, что одна из ПЛ не только спокойно прошла через перемычку, но и умудрилась вмёрзнуть в лёд. Толщина ледового покрова доходила до метра. Вот и представьте, как её обкалывали специально вызванные ледокольные буксиры, чтобы вывести из Донузлава! И какой мат стоял в Ново-Озёрном, у оперативного дежурного в штабе ВМБ (сообщение Н. Сыскова из Мурманска).

7

Насколько я помню, на крейсере есть такая весёлая команда: «Боцман, шишку заводи!». Боцкоманда садится в шлюпку и тянет к рейдовой бочке конец стального троса с привязанным к нему лёгким пеньковым канатом и шишкой – она действительно похожа то ли на сосновую, то ли на ананас. Или на «Ф-1» размером с футбольный мяч…

8

Сегодня никто уже не помнит эту аббревиатуру: Социалистическая Единая Партия Германии.

9

Капонир – сводчатое бетонное укрытие с воротами для боевых самолётов, покрытое сверху дёрном для маскировки.

10

ВПП – взлётно-посадочная полоса. Могла быть покрыта стальными полосами с перфорацией (полевой аэродром) или бетоном.

11

Лопинг – спортивный снаряд для тренировки вестибулярного аппарата, колесо с петлями для рук, внутри которого вращают лётчика в вертикальном положении.

12

КЭЧ – квартирно-эксплуатационная часть, что-то вроде домоуправления, но с гораздо большими возможностями, в том числе в ремонте и распределении жилья.

13

Глиссада – плавная линия направления спуска самолёта на ВПП.

14

Женсовет – нечто похожее на женский политотдел, объединение жён офицерского состава.

15

По свидетельствам очевидцев, истребитель простоял там до середины 2009 года – *прим. ред.*

(Использованы материалы сайта театра www.red-torch.ru).

17

Во время похорон советских лидеров было принято нести их награды, приколотые к небольшим бархатным подушечкам. У Леонида Ильича было больше двухсот орденов и медалей! Пришлось вопреки правилам прикреплять на каждую бархатную подушечку по нескольку наград и ограничить почетный эскорт сорока четырьмя старшими офицерами.

18

Кстати об анекдотах. Невнятное произношение генсека не было ни последствием инсульта, ни алкоголизма или приема снотворных, как то приписывала Брежневу молва. Все проще – у Леонида Ильича была очень неудобная вставная челюсть. Проблемы с зубами у него начались с юности, а во время войны ему полностью выбило челюсть осколком немецкого снаряда. Полностью восстановить дикцию генеральному секретарю хирурги не смогли.

19

Во времена СССР здесь находилась единственная в Крыму база МДК на воздушной подушке. Здесь базировались МДКВП «Джейран», «Кальмар» и самые крупные в мире корабли на воздушной подушке – «Зубр».

20

На сленге участников афганской войны «Сходить за речку» означало воевать в Афганистане.

21

Материал написан в 2008 году *(прим. ред.)*

Эти данные близки к расчётам современного парашюта для людей, хотя площадь купола парашютов «Тест», например, – от 20 до 25 квадратных метров.

23

3 октября 1785 года Жан Пьер Бланшар с балкона спустил собаку, а 23 августа 1786 года – овцу на парашюте (как мы в гарнизоне! – А. И.).